

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (31) / 2021

ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online)

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное
научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная
научная библиотека»

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хабаровский государственный
институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (31) / 2021

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, Хабаровск)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич
(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ,
г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готнога Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Крюков Иван Владимирович
Салеева Лариса Владимировна
Шхалиев Рафик Шхалиевич
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»
Адрес издателя:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОРИЯ НОВИКОВА-ДАУРСКОГО

Неутомимый искатель.....4
Боевец Марина Юрьевна

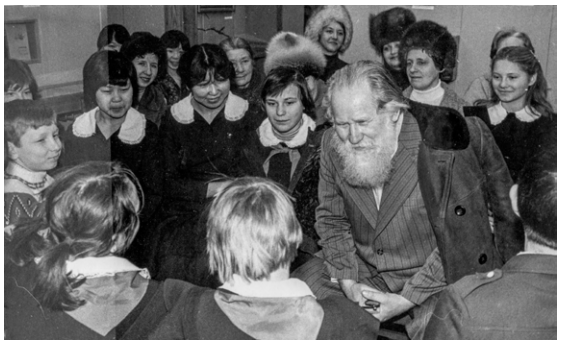
Вклад Г. С. Новикова-Даурского в развитие археологии Приамурья 9
Комарова Наталья Андреевна

▶К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕВОЛОДА СЫСОЕВА

«Любящий природу будет любим ею...» ...16
Гребенюкова Наталья Петровна

Человек-эпоха.....21
Новомодный Евгений Владимирович

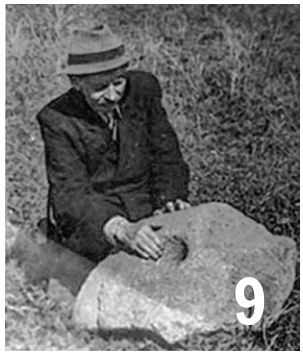

Вселенная Всеволода Петровича Сысоева ..28
Филаткина Ирина Викторовна

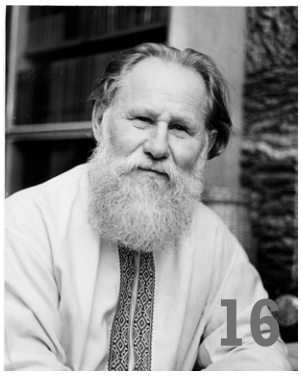
▶К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА КОМАРОВА

Поэтика соцреализма в ранней лирике Петра Комарова (на материале сборника «У берегов Амура», 1940 г.).....31
Александрова-Осокина Ольга Николаевна, Хуан Цзянь (黄健)

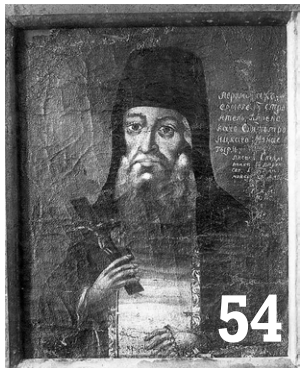
Григорий Степанович ставил перед собой глобальную задачу — систематизация всех имеющихся сведений по археологии региона, выявление и регистрация новых памятников и как итог — составление археологической карты Амурской области.

Лично Всеволодом Петровичем было собрано немало археологических, палеонтологических, предметов дальневосточной флоры и фауны, и среди них — чешуйчатый крохаль, берлога гималайского медведя, ствол тиса, раковина с жемчужиной, бивень мамонта, рог ископаемого бизона, каменный уголь с транспорта «Байкал» Г. И. Невельского.

Первое документальное упоминание Ермогена содержится в челобитной илимских крестьян и промышленных людей, поданной 15 марта 1663 года воеводе Лаврентию Обухову. Челобитчики просили выделить землю близ Никольского погоста для устройства монашеской обители, строителем которой выдвигали чёрного попа Ермогена.

▶К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА ЗАВАЛЬНЮКА
Леонид Завальнюк между «углом» и «овалом», или Об одном стихотворении с двумя эпиграфами 37
Красовская Светлана Игоревна

Леонид Завальнюк. Возвращение 43
Горевой Игорь Геннадьевич

▶ИСТОРИОПИСАНИЕ
Православная церковь в Хабаровском крае в 1950-е – 1960-е годы 49
Рубан Наталия Алексеевна

«Народное мнение на стороне его святости»: к вопросу о канонизации иеромонаха Ермогена, первого подвижника веры и благочестия на Амуре 54
Пушкарев Владимир Анатольевич

Особенности функционирования потребительской кооперации в Хабаровском крае в 1992–1997 годы 60
Ермакова Наталья Леонидовна

▶ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Четыре основания культуры 64
Флиер Андрей Яковлевич

Этнографические труды П. П. Шимкевича являются одним из достоверных источников по изучению духовной культуры нанайцев. Однако о Петре Поликарповиче мало знают как о фотографе, и до сих пор в России не были опубликованы его снимки. За время пребывания на Дальнем Востоке он сделал немало интересных фотографий, которые являются ценнейшим источником в изучении истории и культуры народов региона.

Очевидно, в Воронеже не находилось места начинающему литератору и журналисту, и он снова уезжает, на этот раз на Сахалин — редактором областного отделения Дальневосточного книжного издательства. За десять лет отредактировал сто книг (в том числе литературно-художественные сборники «Сахалин»), немало поездил по Дальнему Востоку (Курилы, Камчатка, Колыма). Любил суровую природу и в иные минуты потом говорил друзьям: «Сахалин спас меня от гражданской смерти».

Была и ещё одна характеризующая его черта — это какая-то неизбывная печаль и глубокая самоирония, возможно, ставшая своеобразной формой психологической защиты от нередко встречающейся благоглупости и простоты, зачастую переходящей в откровенное хамство.

▶СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Социокультурная реабилитация инвалидов и возможности библиотек 69
Домбровская Ирина Вячеславовна

Проект «Забытое путешествие: фотографии Петра Шимкевича. XIX век»: опыт реализации 75
Малакшанова Виктория Баторовна

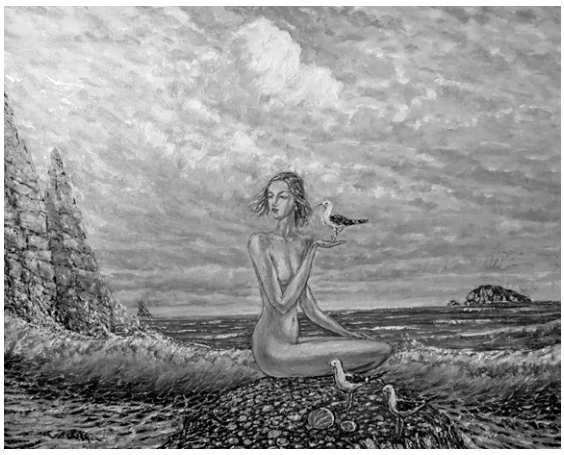
Архитектурное наследие Уссурийской железной дороги в городе Вяземском 80
Глатоленкова Екатерина Викторовна, Иванова Алина Павловна

Города и посады 85
Иванова Алина Павловна

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА
Время странствий (штрихи к биографии поэта и публициста Владимира Переверзева) 93
Кондратенко Алексей Иванович

Дальневосточный российский пейзаж в творчестве Ивана Никитчика 99
Гутарёва Юлия Ивановна

Александр Никольский: духовно-музыкальное наследие композитора 109
Тринеева Инна Михайловна

▶НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ
Функционально-стилистическая специфика системы номинации в повести В. Н. Боровицкой «Кавторанг» 114
Гасымов Эльдар Шафиаддинович

▶НАСЛЕДИЕ
Мыслитель и учитель — Илья Михайлович Ревич 118

Информация для авторов 127

БОЕВЕЦ МАРИНА ЮРЬЕВНА

НЕУТОМИМЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Статья посвящена Г. С. Новикову-Даурскому (1881–1961 гг.), известному дальневосточному учёному-краеведу, журналисту и сотруднику Амурского областного краеведческого музея. На основе изучения исторической литературы и документальных источников раскрываются биографические факты из жизни Григория Степановича, описывается его активная краеведческая деятельность (сбор историко-краеведческих материалов по этнографии, фольклору, топонимике, комплектование коллекций по археологии, зоологии, биологии, палеонтологии, геологии).

Особое внимание в статье уделяется эпистолярному наследию Г. С. Новикова-Даурского, изучение которого даёт представление о различных вопросах, касающихся прошлого и настоящего Амурской области.

Статья подводит к пониманию значимости личности Г. С. Новикова-Даурского в исторической и культурной жизни Приамурья.

Ключевые слова: краевед, переписка, письма, коллекция, Г. С. Новиков-Даурский, дневник, археология.

Keywords: ethnographer, correspondence, letters, collection, G. S. Novikov-Daurskii, diary, archeology.

В 2021 году Амурский областной краеведческий музей (г. Благовещенск) отмечает две знаменательные даты: своё 130-летие и 140-летие со дня рождения амурского учёного, исследователя, краеведа Григория Степановича Новикова-Даурского (1881–1961 гг.).

Имя Г. С. Новикова-Даурского известно многим жителям Амурского края: энтузиаст-исследователь, талантливый самоучка, многие годы жизни отдавший изучению Приамурья. С 1993 года его имя с гордостью носит Амурский областной краеведческий музей, в котором он проработал более 30 лет.

Григорий Степанович Новиков-Даурский (1881–1961 гг.). 1950-е годы. Фотофонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Григорий Степанович Новиков-Даурский (псевдоним; настоящая фамилия — Новиков) родился 14 октября 1881 года в г. Нерчинске Забайкальской области. Рано потеряв родителей, батрачил у зажиточных мещан, работал в городской аптеке, затем — служащим в Нерчинской почтово-телеграфной конторе.

В 1903 году в составе Квантунского флотского экипажа участвовал в обороне Порт-Артура, а после его капитуляции оказался в японском плену. Здесь он впервые начал заниматься газетной работой: издавал на гектографе журнал «Друг», предназначенный для военнопленных, писал статьи в журнал Н. К. Судзиловского (Русселя) «Япония и Россия».

По возвращении в Нерчинск в 1906 году Г. С. Новиков-Даурский занимался переплётно-картонажным ремеслом, работал почтальоном, с 1907 года сотрудничал со многими газетами, издававшимися в Забайкалье.

В 1914 году он приехал в Благовещенск. Первое время работал репортёром в редакции газеты «Эхо», а затем в течение 13 лет заведовал детской библиотекой-читальней имени Л. Н. Толстого. Более 30 лет, с 1927 по 1958 год, работал в Амурском областном краеведческом музее.

Г. С. Новиков-Даурский проводит экскурсию по музею. Благовещенск, 1940-е годы. Фотофонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Выполняя обязанности научного сотрудника, Григорий Степанович предпринимал поисковые маршруты, изучал историю Амурской области, опубликовал работы «Приамурье в древности» (Благовещенск, 1953 г.), «Открытие Амура русскими и начало освоения края» (Благовещенск, 1953 г.) и другие. Он с увлечением занимался археологией, изучал заселение Приамурья и его прошлое, интересовался вопросами этнографии и топонимики тех мест, где ему приходилось бывать.

Наряду со сбором и формированием исторических материалов Григорий Степанович комплектовал коллекции по различным природоведческим темам: ботанике, зоологии, геологии, палеонтологии; записывал местные пословицы, казачьи песни, озорные частушки или понравившиеся ему диалектные слова. В 1933 году он был избран почётным членом кафедры географии Благовещенского государственного педагогического института имени М. И. Калинина.

В личном архиве значительное место занимает эпистолярное наследие, переписка со многими людьми. В письмах освещаются самые различные вопросы, касающиеся прошлого и настоящего области. С 1928 года Г. С. Новиков-Даурский изучал археологию Амурской области, лично обследуя памятники древности. Он упорно собирал сведения из литературных источников, переписывался и сотрудничал с учёными и краеведами-любителями.

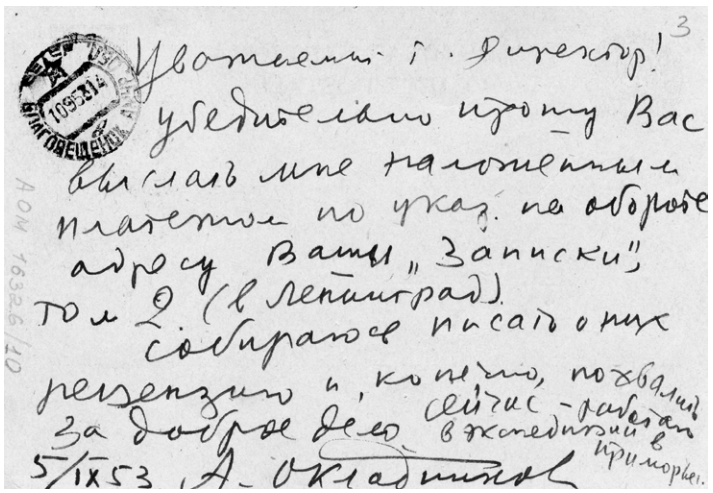
Много ценной информации по ведению археологических разведок, описанию артефактов получил Г. С. Новиков-Даурский от Алексея Владимировича Мачинского, научного сотрудника Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. 19 ноября 1940 года на имя Г. С. Новикова-Даурского из ИИМК приходит документ с просьбой подготовить для печати «Материалы к археологической карте Амурской области»: «Институт считает, что такая работа представляет интерес и готов принять ее для опубликования.

Г. С. Новиков-Даурский осматривает памятник археологии. 1949 год. Фотофонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Также представляется целесообразным произвести Вам совместно с А. В. Мачинским работу по описанию археологических коллекций Амурского областного музея, это введет в научный оборот тот материал, который до сих пор остается малоизвестным» [1].

В 1953 году началась переписка Новикова-Даурского с археологом А. П. Окладниковым. В письме Алексей Павлович просил выслать ему наложенным платежом второй том «Записок Амурского областного музея краеведения и Общества краеведения» для написания рецензии.

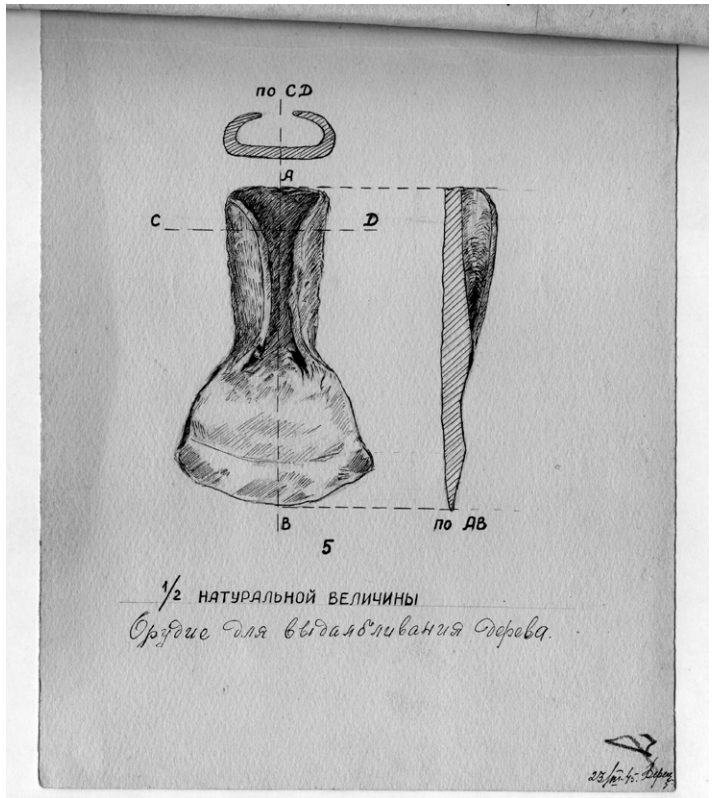
Письмо А. П. Окладникова от 5 сентября 1953 года. Документальный фонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского.

Рецензируя работы Г. С. Новикова-Даурского, А. П. Окладников даёт им высокую оценку: «Спасибо за рукопись, я читаю ее с увлечением и все думаю: какой Вы молодец! Это лучший пример для моих юнцов — пусть смотрят и учатся любви к труду в науке» [2].

Из письма Новикова-Даурского от 29 мая 1954 года А. П. Окладникову: «Уважаемый Алексей Павлович! Вы в письме намекали, что в текущем году предполагаете проводить археологические работы в пределах Амурской области. Видите ли, мне очень хочется принять некоторое участие в Вашей экспедиции. Мне это принесло бы большую пользу, и я сам мог бы оказать Вам небольшую помощь в качестве проводника что ли, так как многие археологические памятники я осматривал в разное время и знаю их местонахождение. Кроме того, и географию Амурской области, пути сообщения знаю удовлетворительно» [3].

Григорий Степанович в своих письмах рассказывает об археологических разведках, проводимых музеем и им лично на территории Амурской и Читинской областей, о состоянии тех или иных объектов. Так, в письме от 6 сентября 1954 года даются следующие сведения: «Поездка наших четверых сотрудников, со мною и директором музея Красновой в Бибиково и Новопокровку оказалась без результата, так как заинтересовавший Вас могильник у Бибиково оказался распаханным пограничниками. Он попал в пограничную полосу и срыт плугом. Та же участь постигла лежащее подле могильника селище со следами наземных жилищ. Собрали некоторое количество подъемного материала в виде керамики, сетевых грузил и др. Одновременно с настоящим письмом Вам посылаются, согласно Вашей просьбе, 2-й том “Записок” Амурского областного музея краеведения и краеведческого общества…

Мною собираются сведения о памятниках древности области из разных источников, например, по коллекциям музея, имеющим паспорта, из расспросов посетителей музея, путем переписки с разными лицами, из литературных источников, а также их личных обследований.

Зарисовки археологических предметов, выполненные Г. С. Новиковым-Даурским.

Археологические памятники Приамурья ждут научно-организованных исследований и изучения» [3].

В своём дневнике Григорий Степанович пишет: «Сегодня, 30 января 1959 г., получил письмо из Москвы от научного сотрудника Палеонтологического института А. К. Рождественского, с которым семь лет тому назад я совершил экскурсию по Амуру на лодке от Горящих гор до Благовещенска. К письму он приложил 15 фотоснимков, сделанных им на Амуре во время экспедиции, и оттиск его статьи "О местонахождениях верхнемеловых динозавров на р. Амур". Статья содержит краткие выводы Рождественского о результатах его экспедиции на Амур в 1951 г., в которой я сопутствовал ему в части маршрута» [1].

Итогом многолетней научной работы Г. С. Новикова-Даурского стала книга «Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания», которая была издана в Благовещенске в 1961 году.

О своей собирательской деятельности Григорий Степанович писал в автобиографии: «Мои фольклорные записи… в настоящее время достигают таких размеров: пословиц и присловий — до 8 000, частушек — около 1 000, по словарю сторожилого забайкальского населения и амурских казаков — до 4 000 слов с примерами, много народных песен, загадок, суеверных заговоров и обычаев…» [4, с. 128].

Можно предположить, что повышенный интерес Новикова-Даурского к амурской лексике был вызван встречами с А. П. Георгиевским, преподавателем Дальневосточного университета, который в 1928 году по заданию диалектологической комиссии при АН СССР Владивостокского отдела Географического общества организовал этнографо-диалектологическую экспедицию по Приамурью. А. П. Георгиевский писал, что Амурский музей оказал содействие и стал базой для работы, а Г. С. Новиков-Даурский непосредственно участвовал в поездке от начала до конца. В дальнейшем собирательская деятельность стала внутренней потребностью Григория Степановича.

Являясь почётным членом кафедры географии Благовещенского государственного педагогического института имени М. И. Калинина, он тесно сотрудничал с преподавателями, и сотрудничество это не прекращалось до конца его трудовой деятельности. Из дневника от 19 марта 1959 года: «Был у меня зав. кафедрой географии пед. института Н. К. Шульман — предлагает сотрудничество в его работе по составлению географического словаря Амурской области» (Г. С. Новиков-Даурский многие годы собирал материал для географического словаря Амурской области) [1].

Григорий Степанович занимался активной просветительской работой: сотрудничал с различными газетами и журналами по вопросам истории, естествознания, литературоведения; посылал свои материалы и вёл переписку с журналами «Наука и жизнь», «Природа», «Исторический архив», «Дальний Восток», газетами «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Советская культура» и целым рядом областных и районных газет. Он публикует свои работы в нескольких выпусках альманаха «Приамурье», часто печатался в газете «Амурская правда».

В дневнике Г. С. Новиков-Даурский пишет: «По просьбе редакции газеты "Амурская правда" написал небольшую статью о необходимости изучения известных и поисков новых месторождений полезных ископаемых, в целях увеличения запасов сырья для промышленности и строительных материалов» [1].

Среди корреспондентов Г. С. Новикова-Даурского были писатели, краеведы, историки: П. А. Сычёв, Н. И. Матвеев-Бодрый, В. В. Кирюшин, А. П. Гончаров, Г. Н. Хлебников, ученик Арсеньева историк Н. И. Рябов и многие другие. В этих письмах порой содержится информация о жизни самого Г. С. Новикова-Даурского, его отношении к тем или иным событиям в собственной судьбе, об оценке окружающих людей. Из дневника Г. С. Новикова-Даурского: «Получил от кандидатов исторических наук Н. И. Рябова и М. Г. Штейна из Хабаровска книгу "Очерки истории русского Дальнего Востока XVII – нач. XX века" с надписью: "Плодотворному исследователю Д. В. Гр. Ст. Новикову-Даурскому в знак глубокого уважения. Н. Рябов, М. Штейн, 30.12.1958"» [1].

Уйдя на пенсию, Григорий Степанович не представлял себе жизни без работы в музее. В письме к другу А. П. Гончарову от 20 апреля 1958 года он сообщает: «13 марта я ушел с работы в музее на пенсионное обеспечение. Однако фактически я еще работаю в музее. Работа моя заключается в приведении в порядок библиотеки музея и систематизации археологических коллекций, чего без меня работникам музея, пожалуй, скоро не выполнить…» [1].

Письмо И. А. Аксёнова, старого друга Григория Степановича, заканчивается, как и многие другие, добрым пожеланием: «Ну, пожелаю быть здоровым, не симулянничать, а работать и работать. Надо оставить о себе след да поглубже…» И этот след Г. С. Новиков-Даурский оставил. Он умер 13 апреля 1961 года. В памяти людей, лично знавших Григория Степановича, он остался человеком большой душевной теплоты, чутким и внимательным, всегда готовым прийти на помощь любому, кто, по его мнению, в этом нуждался.

Вся жизнь Г. С. Новикова-Даурского — замечательный пример любви к родному краю, своей малой родине — Приамурью. Не случайно ежегодная областная научно-практическая конференция носит его имя — «Новиковские чтения».

Список использованных источников

1. *Дневник Г. С. Новикова-Даурского за 1959–1961 гг. // Книжный фонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского. АОМ 28464/1.*
2. *Письмо // Документальный фонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского. АОМ 16326.*
3. *Письмо // Документальный фонд АОКМ им. Г. С. Новикова-Даурского. АОМ 16385.*
4. *Рудковский, Н. Неутомимый искатель / Н. Рудковский // Приамурье-2003 : лит.-худож. альм. — Благовещенск, 2003. — № 6 (24). — С. 118–128.*

Фотографии из фотофонда Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского.

Материал поступил в редакцию 24.08.2021.

Сведения об авторе: Боевец Марина Юрьевна, заведующая экскурсионным отделом Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: marinaboevec@mail.ru.

КОМАРОВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА

ВКЛАД Г. С. НОВИКОВА-ДАУРСКОГО В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ ПРИАМУРЬЯ

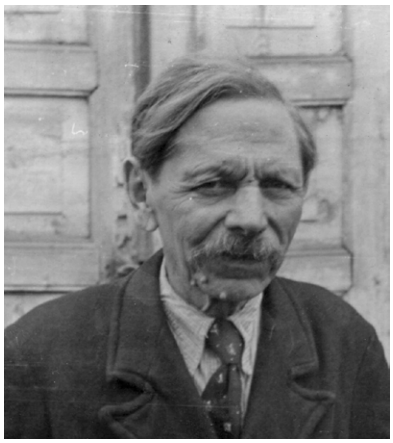
В статье представлен обзор начального этапа археологических исследований на территории Приамурья через призму деятельности амурского краеведа Григория Степановича Новикова-Даурского (1881–1961 гг.).

Ключевые слова: Г. С. Новиков-Даурский, А. Я. Гуров, А. В. Мачинский, А. П. Окладников, археология Приамурья.

Keywords: G. S. Novikov Daurskii, A. Ia. Gurov, A. V. Machinskii, A. P. Okladnikov, Priamur Region archeology.

Григорий Степанович Новиков-Даурский (1881–1961 гг.) известен как выдающийся краевед, посвятивший всю свою жизнь многоплановому изучению Амурской области и сопредельных территорий.

Одно из основных направлений его деятельности — изучение археологии края. Цель этой работы заключалась в том, чтобы подготовить основу и дать достоверные данные для будущих научно организованных исследований.

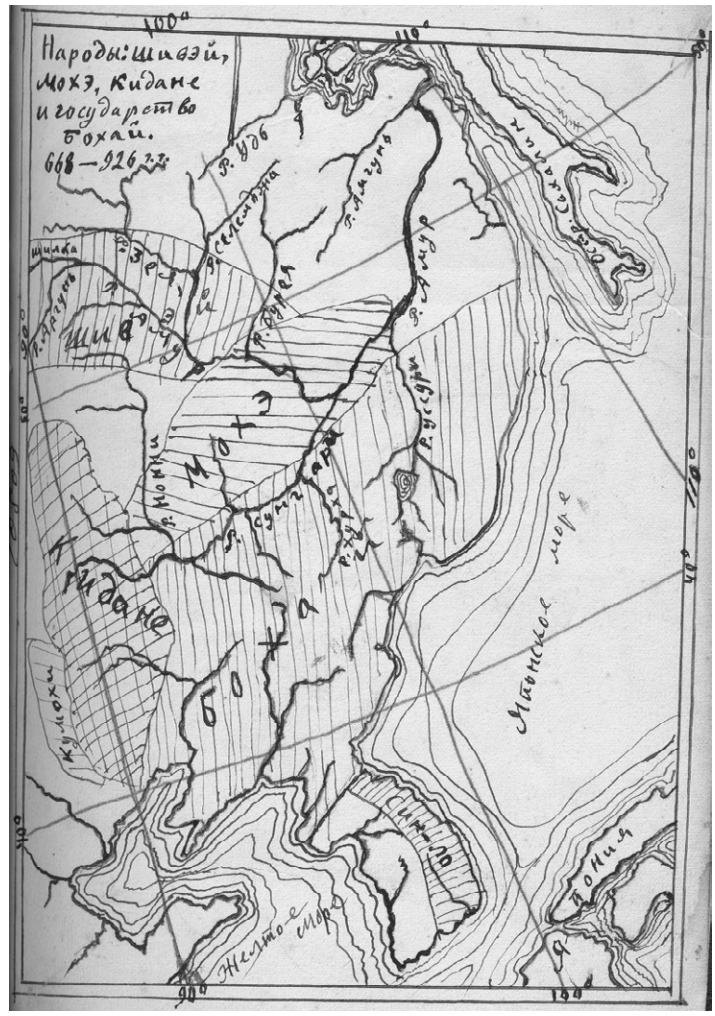

Григорий Степанович Новиков-Даурский.

Григорий Степанович ставил перед собой глобальную задачу — систематизация всех имеющихся сведений по археологии региона, выявление и регистрация новых памятников и как итог — составление археологической карты Амурской области. Такая карта должна была «показать точное расположение всех памятников и места отдельных находок, дать достоверные сведения об исчезнувших, в том числе и указать объекты, которые не могут быть точно определены или датированы, но не вызывающие сомнений в своей археологической принадлежности» [7, л. 1]. Приложенные к карте описания памятников и находок позволили бы каждую справку углубить до детальной характеристики объекта и найти путь ко всем источникам, где о нём имеются те или иные сведения.

В своих дневниковых заметках Григорий Степанович пишет: «Материалы к археологической карте Амурской области собирались мною с 1927 года /со времени поступления на работу в Амурский областной краеведческий музей/. Первоисточником послужили имевшиеся в музее археологические коллекции, имевшие паспорта /т. е. письменные сведения о том, где, кем и когда данный предмет или коллекция добыты/. Затем — сведения, сообщаемые посетителями музея и вообще расспросные данные; некоторое количество материалов получено путем переписки с местными краеведами, а также из печатных известий в газетах, журналах, книгах и трудах путешественников и исследователей Амура. Некоторая часть памятников обследована составителем лично, путем внешнего осмотра»[1] [7, л. 1].

Большое внимание в своей работе Г. С. Новиков-Даурский уделял составлению археологической библиографии. В результате изучения местных и центральных изданий было выявлено около 150 печатных источников, содержащих

Карта-схема расселения племён Дальнего Востока. Скопирована из книги З. Н. Матвеева «Бохай» (1929 г.) и редактирована Г. С. Новиковым-Даурским.

сведения по археологии Приамурья. Кроме того, исследователем собиралась литература по археологии сопредельных территорий и отечественной археологии в целом, а также материалы, имеющие методологический характер. Основными литературными источниками, на которые Григорий Степанович опирался в своих исследованиях, были работы Н. Бичурина, В. Васильева, В. Горского и других. Во многих книгах и на опубликованных в них картах имеются заметки и уточнения, сделанные рукой Г. С. Новикова-Даурского.

По полученным в ходе библиографического исследования данным была составлена небольшая глава к отчёту по археологическим исследованиям на Верхнем Амуре, проведённым им в 1949 году, и статья «Первые археологические работы на Амуре» [6, л. 53–59].

Изучая историю археологических исследований, Григорий Степанович ведёт активную переписку с первым амурским краеведом-археологом Алексеем Яковлевичем Гуровым, проводившим с 1889 по 1932 год обследования памятников древности по берегам Амура. В результате был собран интересный документальный материал: телеграммы

1 Во всех цитатах грамматика сохранена.

А. Я. Гурова благовещенскому музею и от музея — Гурову, автобиография исследователя, газетные вырезки его статей и заметок. Эти материалы, а также учётная документация Амурского областного краеведческого музея г. Благовещенска свидетельствуют о том, что начало формированию его археологической коллекции положили именно предметы, переданные А. Я. Гуровым в 1902 году.

Алексеем Яковлевичем было сдано более 500 предметов археологии. Все они, а также другие предметы, получившие наименование в музейных документах «из старых поступлений музея», то есть поступившие до 1927 года, были обработаны Г. С. Новиковым-Даурским: произведено их подробное описание и каталогизация.

Новиков-Даурский высоко оценивал деятельность Гурова. В небольшой справке, датированной 13 ноября 1958 года, он отмечает, что «особенно обширные и интересные археологические коллекции собраны близ с. Сторожевое на месте смытого водою Амура пространства берега занятого неолитической стоянкой, а также в размываемых культурных слоях берега около с. Иннокентьевки Хингано-Архаринского района», «большой интерес для археологов представляет составленная Гуровым археологическая карта берегов среднего течения Амура от с. Константиновки (Константиновского района) до с. Екатерино-Никольской Еврейской области» [1]. Но вместе с тем указывал и на существенные недостатки: «Однако научная ценность коллекций невысока, так как кроме указания, и то, не всегда точного, на место сбора, никаких данных в них не имеется» [3, с. 13].

Огромную помощь в археологических изысканиях Г. С. Новикову-Даурскому оказала чётко поставленная им массовая работа с населением области и сформированная разветвлённая система корреспондентской сети. Сам характер археологических работ таков, что он требует хорошего знания данного края и постоянных широких связей с мест-

Встреча Г. С. Новикова-Даурского с краеведами Екатеринославской средней школы, июль 1960 года.

ными жителями, которые нередко хранят у себя некоторые археологические находки и сведения о различных фактах, имеющих археологическое значение. Григорий Степанович пытался поставить эту работу на постоянную основу, он всеми способами стремился поддерживать и развивать интерес у местного населения к древнейшему прошлому, бережное отношение к объектам археологии. Не будучи квалифицированным археологом, Г. С. Новиков-Даурский сам «воздерживался от попыток производить раскопки и, как мог, предостерегал местных любителей старины от таковых мероприятий» [3, с. 14].

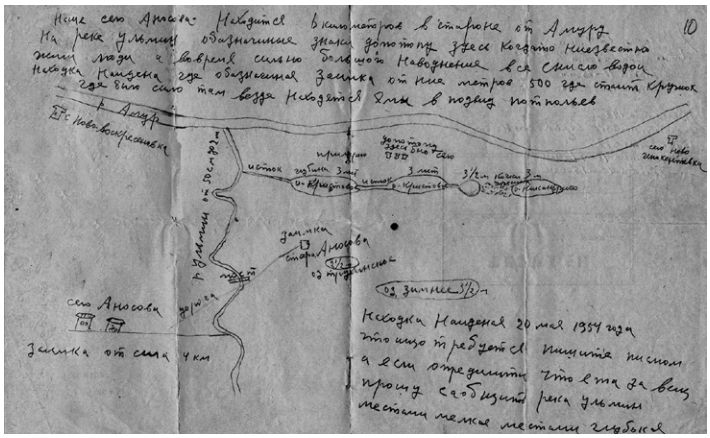
В личных бумагах Григория Степановича указаны имена более 60 респондентов из числа местного населения, среди них есть и простые сельские жители, и работники институтов, имеющие учёные степени. Так, в 1929 году сотрудник Амурской сельскохозяйственной станции Иван Евграфович Овсянкин сообщил об остатках укреплений древних городищ в Благовещенском [3, с. 40, 62] и Мазановском [2, л. 46] районах Амурской области.

В 1954 году в музей поступили очень интересные предметы от Прокопия Матвеевича Швалова, старшего конюха колхоза «Красный Ульмин» (с. Аносово, Кумарский район). В заметке, подготовленной в газету, Григорий Степанович сообщает, что «камни эти являются весьма редкими памятниками древней культуры. Это зернотерки усовершенствованной формы. Племена, обитавшие на Амуре, также как и в Маньчжурии, очень долго не знали жерновов и зерно на муку не мололи, а или раздавливали тяжелыми каменными валами, вращаемыми ослом или лошадью, или растирали на камне ручными короткими каменными пестами-терками, большей частью выбранными из гальки, в естественном виде, продолговатой формы, валунами, которые можно удобно держать в руке.

Со временем, конечно, эти гальки стали подвергаться некоторой обработке, и наконец, додумались вытесывать терки такого вида, которые нашел тов. Швалов. Такие терки, конечно, значительно удобнее простой гальки и, имея более широкую трущую подошву, они сокращали время заготовки муки и облегчали труд женщин (как и везде, в древности, приготовлением пищи и хлебопечением и заготовкой муки у амурских туземцев занимались женщины)» [5].

Особенно отмечалось, что «т. Швалов поступил правильно. Он не забросил свою находку, а прислал ее почтовой посылкой в музей, а в письме не только указал точное место обретения ее, но даже начертил схематический план местности, т. е. дал работникам музея полный материал для научного паспорта экспоната» [5].

Из содержания письма П. М. Швалова от 6 января 1955 года следует, что он и в дальнейшем намеревался помогать амурскому краеведу: «Вы спрашиваете насчет

Письмо П. М. Швалова в музей с сообщением подробностей о находке зернотёрок. 6 января 1955 года.

аносовского вала такого здесь нет а также нет названия серебряного озера… какие ищо будут вас интересовать вопросы пишите я отвечу» [10].

Во время экспедиции 1949 года Г. С. Новиков-Даурский узнаёт от своего случайного попутчика Зубкова (имя и отчество неизвестны) о пещере у села Буссе Свободненского района. Данные сведения очень заинтересовали исследователя, однако у него не было возможности лично осмотреть пещеру, поэтому в своём письме к Зубкову Григорий Степанович просит выполнить первоначальное обследование: «Проделать это Вы могли бы таким образом: взять группу наиболее способных учеников и может быть пригласить кого еще из сельской интеллигенции и совершить туда экскурсию, а на месте описать внешний вид пещеры, т. е. вид горы, высоко ли от уровня дна пади находится пещера, затем размеры пещеры /длина, ширина, высота пустоты/, конфигурация её, желательно получить план и чертёж вертикального разреза пещеры, хотя бы схематические. Хорошо бы иметь фотоснимок или зарисовку наружного вида пещеры. Желательно получить данные о том, как высоко гора и нет ли в ней других пещер, скалистых навесов, ниш и мелких пустот, расщелин. Есть ли в пещере следы пребывания в ней древних людей /не находили ли в пещере или в окрестности её древних вещей, оружия, черепков и т. п./ Общество краеведения включило в план своей деятельности обследование археологических памятников и пещер в Амурской области, но пока имеются указания на нахождение пещер только у Кольцово и у с. Буссе. Кольцовские пещеры я обследовал, а Буссевскую, смею надеяться, Вы не откажетесь обследовать и прислать мне результаты проведенной работы. При опубликовании работы Ваше авторство останется за Вами…» [12].

Позднее информация о пещере у села Буссе поступала от Д. И. Пакулова и других респондентов Григория Степановича, однако учёным ещё долгое время не удавалось обнаружить её. Официально памятник был открыт только в 1970 году Б. С. Сапуновым, а в 1984 и 1987 годах он обследовался отрядом разведки Северо-азиатской комплексной археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР, выявившим здесь следы проживания человека периода палеолита [16, с. 45].

Наиболее активное сотрудничество у Г. С. Новикова-Даурского сложилось со школами и краеведческими кружками Амурской области. К примеру, от Константина Евгеньевича Таскаева, учителя средней школы села Практичи, были получены сведения о памятниках археологии, расположенных в Михайловском, Хингано-Архаринском, Свободненском и Мазановском районах [3, с. 46, 47, 61, 62].

Важные сведения передал учитель Алексей Абрамович Глущенко: «В 1927–1928 гг. учитель А. А. Глущенко осматривал археологические памятники в Свободненском, Куйбышевском и Серышеском районах и доставил в музей краткое описание некоторых из них со схематическими чертежами, а также коллекцию сборов из случайно вскрытого / распашкой/ древнего погребения на пашне села Светиловка Куйбышевского (Белогорского) района» [6, л. 53].

Нередко Григорий Степанович обращался к школам и детско-юношеским краеведческим организациям с просьбой следить за сохранностью тех или иных археологических объектов. Так, в ответ на сообщение директора Иннокентьевской школы Валентины Николаевны Поповой об имеющихся у села археологических памятниках Г. С. Новиков-Даурский даёт важные рекомендации по осуществлению охранительных действий и фиксации предметов, оказавшихся по разным причинам на поверхности: «Мы весьма Вам благодарны за сообщение об имеющихся близ с. Иннокентьевки археологических памятниках — остатках древней культуры. Эти культурные остатки нам известны по имеющимся в музее коллекциям, собранным на Иннокентьевских стоянках и могильниках. Памятники эти весьма интересны, но они до сего времени не исследованы и не изучены, в тоже время они разрушаются стихийными силами и руками людей не знакомых с правилами научного исследования и изучения археологических остатков — стоянок, могильников, городищ и т. п.

Наша просьба к Вам принять находящиеся близи села Иннокентьевки археологические памятники в виде разрушаемых водою культурных слоев в земле берега Амура, древних могильников и селищ, на попечение вашей школе. Это попечение должно заключаться в том, чтобы не допускать самоличных раскопок разным лицам или группам экскурсантов и самой Вашей школе не покушаться на такие раскопки. В тоже время организовать надзор за состоянием этих памятников, т. е. почаще посещать их и в случае обвала земли, посмотреть не вывалились ли, вместе с землей какие-либо предметы /костяные, каменные, металлические

и пр./ Если окажутся такие, то их необходимо собрать что бы то ни было, записать место, время, кто собрал и хранить впредь до передачи каким-либо способом нашему музею /а может быть районному музею, если таковой будет создан/.

Нынешним летом в мае-июне наш музей предполагает организовать поездку в Хингано-Архаринский район с целью обследования археологических памятников. Помощь местных краеведов в этом деле является необходимой. Ваша школа может также оказать важную помощь нашим работникам указанием места нахождения памятников. А наши работники помогут школе ознакомиться с правилами обследования памятников, сбора археологических коллекций, их описания и т. д.

Хорошо было бы если бы Вы Валентина Николаевна взяли на себя труд создания краеведческого кружка в Вашем селе, базирующегося на Вашей школе. Для такого случая посылаем Вам устав Амурского областного общества краеведения, в котором имеется типовой устав краеведческого кружка» [14].

Археологическая разведка в селе Новопокровка Архаринского района, 1959 год.

Г. С. Новиков-Даурский также старался наладить контакты с центральными научными учреждениями и с отдельными исследователями, специалистами в области археологии. В 1940 году он помогает в организации небольшой археологической экспедиции Алексею Владимировичу Мачинскому, бывшему научному сотруднику Ленинградского отделения института археологии, который в 1940–1941 годах находился в Амурской области в составе 12-й ремонтно-восстановительной роты 69-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в селе Черемхово Ивановского района, и занимался по возможности изучением археологических памятников.

В районе села Черемхово А. В. Мачинский произвёл раскопки. Здесь было частично вскрыто несколько жилищ, относящихся к раннему железному веку. Ознакомившись с коллекциями Амурского областного краеведческого музея, он подготовил и опубликовал в газете «Амурская правда» статьи, в которых кратко охарактеризовал музейную коллекцию и сделал попытку классификации некоторых археологических памятников Амурской области.

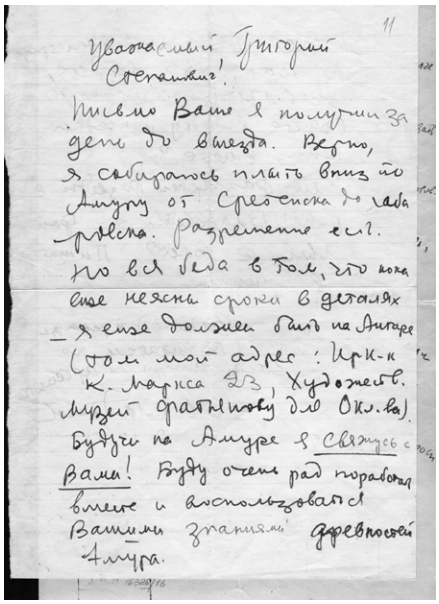
Мачинский, как специалист-археолог, сыграл большую роль в направлении научных интересов Новикова-Даурского. Во многом благодаря ему начинается планомерная работа Григория Степановича по сбору материала к археологической карте. Именно Алексей Владимирович сообщил в Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР о том, что у Григория Степановича есть возможность подготовить к печати «Материалы к археологической карте Амурской области». Об этом стало известно из письма на имя Г. С. Новикова-Даурского в Амурский областной музей от 2 декабря 1940 года, в котором институт подтверждал свою заинтересованность в подобной работе и готовность принять её к публикации [9, л. 47].

В Государственном архиве Амурской области хранится копия переписки Г. С. Новикова-Даурского с А. В. Мачинским [9] с пометкой, что оригиналы писем Мачинского и дублетные экземпляры сделанных им фотоснимков экспонатов музея в сентябре 1956 года были переданы Алексею Павловичу Окладникову в Ленинград, чтобы тот смог «достойно почтить память товарища, издав весь его материал, связанный с Амуром». В письме к Алексею Павловичу было написано следующее: «Собрал я все письма Алексея Владимировича и посылаю их Вам в том виде, как они сохранились у меня, со всем с конвертами. Думаю, что так они будут лучше говорить об условиях солдатской жизни товарища Мачинского» [11].

Сохранилась и переписка Г. С. Новикова-Даурского с А. П. Окладниковым. Несколько писем Алексея Павловича, написанных от руки, хранится в основном фонде краеведческого музея, копии машинописных текстов писем Григория Степановича отнесены к научно-вспомогательным материалам, одно письмо находится в Государственном архиве Амурской области, в личном фонде Г. С. Новикова-Даурского [2, с. 118].

Переписка между исследователями началась с письма Алексея Павловича от 5 сентября 1953 года на имя директора краеведческого музея Александры Васильевны Красновой с просьбой выслать ему наложенным платежом 2-й том «Записок Амурского областного краеведческого музея и Общества краеведения» для написания рецензии; это письмо с пометкой «Направить посылкой 2 экз. бесплатно» было передано для ответа Г. С. Новикову-Даурскому [15].

Отвечая на запрос А. П. Окладникова, Григорий Степанович не только выслал 1-й и 2-й выпуски «Записок», но и указал на редакторские неточности в своих статьях об археологических памятниках Амурской области. В рецензии Алексей Павлович даёт довольно высокую оценку этим

Уважаемый Григорий Сергеевич!

Письмо Ваше я получил за день до выезда. Верно, я собирался плыть вниз по Амуру от Сретенска до Хабаровска. Разрешение есть. Но вся беда в том, что пока еще неясны сроки в деталях – я еще должен быть на Ангаре (мой мой адрес: Иркутск, ул. К. Маркса 23, Художественный музей Братышеву для Окладн.). Будучи на Амуре я свяжусь с Вами! Буду очень рад поработать вместе и воспользоваться Вашими знаниями древностей Амура.

Письмо археолога А. П. Окладникова от 7 июня 1954 года Г. С. Новикову-Даурскому.

публикациям, об этом же свидетельствуют и строки письма, пришедшего в ответ на приведённое выше: «Спасибо за рукопись, я читаю ее с увлечением и все думаю: какой Вы молодец! Это лучший пример для моих юнцов — пусть смотрят и учатся любви к труду в науке» [13].

Кроме того, в письмах планировалось участие в совместных работах, здесь же сведения о текущих археологических экспедициях. Алексей Павлович упоминает о своих изысканиях в Таджикистане и Приморье, Григорий Степанович рассказывает об археологических разведках, проводимых музеем и им лично на территории Амурской и Читинской областей [2, с. 120].

С именем ещё одного известного учёного — Александра Петровича Георгиевского — связано начало полевых исследований Г. С. Новикова-Даурского. А. П. Георгиевский — архивист, филолог, окончил университет и археологический институт в Санкт-Петербурге. С 1918 года — преподаватель Дальневосточного университета (г. Владивосток). В 1928 году совершил диалектологическую экспедицию в центральные и южные районы Амурской области.

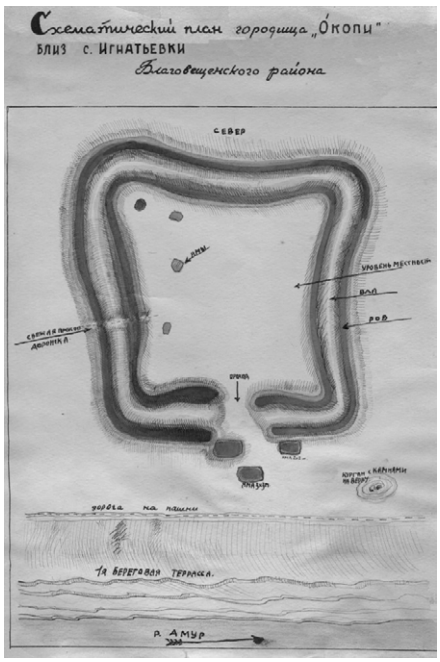

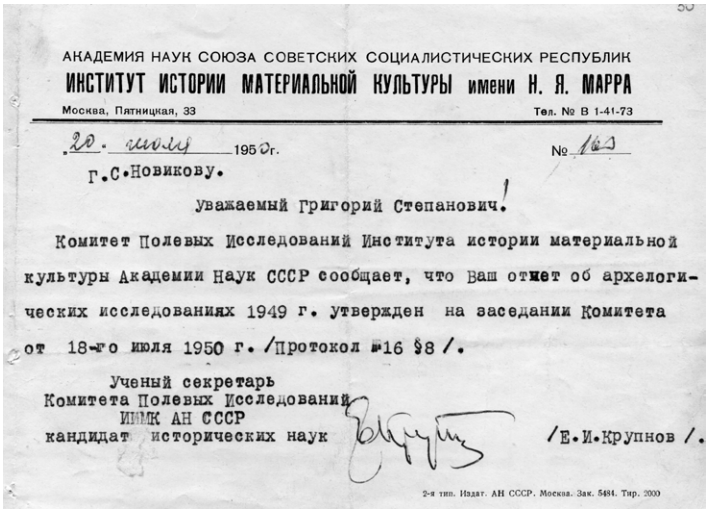
Схема археологического памятника — городища «Окопи», 1928 год.

В первом выпуске «Записок Амурского областного краеведческого музея» опубликованы воспоминания Григория Степановича, в которых он упоминает о том, что подтолкнуло его к первым археологическим исследованиям: «6 августа 1928 г., сопровождая профессора А. П. Георгиевского в его экспедиции по Амурскому округу, я в с. Игнатьевке случайно приобрел каменное шлифованное долото, найденное детьми в огороде, и узнал, что недалеко от села имеются какие-то старинные “окопи” — городище.

Находка и последнее сведение натолкнули меня на мысль произвести археологическую разведку в окрестностях Игнатьевки. Заручившись нужными документами, я 10 августа отправился туда» [4, с. 27].

С конца 1920-х годов Г. С. Новиков-Даурский планомерно осуществлял археологические разведки в пределах Амурской области. Так, в 1928 году были обследованы окрестности сёл Игнатьево, Марково, Екатериновки, в 1929 — Михайловки, Екатериновки, Ново-Покровки, Сергеевки и Бибиково, в 1931 — местность между Сергеевкой и Корсаково, в 1932 — у Алексеевки, Натальино и Петровского, в 1936 — повторно у Натальино, в 1939 — археологическая разведка в Константиновском районе, в 1940–1941 — в Мазановском, в 1949 — по Верхнему Амуру, в 1951 — в среднем течении Зеи, в 1952 году Григорий Степанович открыл городище у села Семиозёрки Ивановского района и осмотрел остатки древней крепости «Гора-Шапка» около Поярково. В 1950-е годы Г. С. Новиков-Даурский совершает более 25 археологических разведок на территории Зейско-Буреинской равнины [3, с. 5]. За всё время полевых исследований им было открыто более 200 памятников различных эпох.

Ценными источниками, отражающими экспедиционную деятельность Григория Степановича, являются его полевые дневники за 1940-е и 1950-е годы, отчёты в Полевой комитет, их копии и черновики, фотографии, личные дневниковые записи и другие материалы, хранящиеся в Амурском областном краеведческом музее, Государственном архиве Амурской области, архиве Инсти-

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА
Москва, Пятницкая, 33 Тел. № В 1-41-73

20. июля 1950 г. № 163

Г.С.Новикову.

Уважаемый Григорий Степанович!

Комитет Полевых Исследований Института истории материальной культуры Академии Наук СССР сообщает, что Ваш отчет об археологических исследованиях 1949 г. утвержден на заседании Комитета от 18-го июля 1950 г. /Протокол №16 §8 /.

Ученый секретарь
Комитета Полевых Исследований
ИИМК АН СССР
кандидат исторических наук /Е.И.Крупнов /.

2-я тип. Издат. АН СССР, Москва. Зак. 5484. Тир. 2000

Уведомление Института истории материальной культуры АН СССР, 1950 год.

тута археологии РАН. В этих документах можно найти не только дополнительные данные по археологии Западного Приамурья и сопредельных территорий, не вошедшие в опубликованные материалы, в них также содержатся очень интересные сведения об экспедиционном быте, отражены различные события из жизни местного населения, дана краткая характеристика уровня экономического и культурного развития региона.

Исследования этого выдающегося краеведа внесли значительный вклад в изучение древнейшего прошлого Приамурья. Результаты его работ объединены в труд «Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания», изданный в 1961 году в г. Благовещенске, уже после смерти автора. Сведения, содержащиеся в нём, до сих пор не потеряли своей актуальности и активно используются современными археологами.

Список использованных источников

1. *Документы (постановления, переписка, отчёты) о научно-исследовательской и краеведческой работе Амурского областного музея за 1928–1940 годы // Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 8–9.*
2. *Комарова, Н. А. Из переписки Г. С. Новикова-Даурского с А. П. Окладниковым // Амур. Краевед. — Благовещенск, 2004. — Вып. 1 (21). — С. 118–121.*
3. *Новиков-Даурский, Г. С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания / Г. С. Новиков-Даурский. — Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1961. — 190 с., 1 л. портр.*
4. *Новиков-Даурский, Г. С. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатьевки, Марково и Екатериновки Амуро-Зейского района Ам. окр. и гор. Благовещенска / Г. С. Новиков-Даурский // Записки Амурского окружного музея и Краеведческого общества. — Благовещенск, 1930. — Вып. 1. — С. 27–32.*
5. *Новиков-Даурский, Г. С. Интересная находка / Г. С. Новиков-Даурский // Амурский комсомолец. — Благовещенск, 1954. — № 151.*
6. *Новиков-Даурский, Г. С. Отчеты по археологическим экспедициям — в Верхнем Амуре, в низовьях р. Зеи, в верховьях р. Онони, в Тындинском, Сковородинском, Кумарском, Хинганo-Архаринском, Михайловском, Константиновском, Благовещенском, Ивановском районах за 1949–1953 гг. / Г. С. Новиков-Даурский // ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 75. Л. 20–102.*
7. *Новиков-Даурский, Г. С. Текст статьи «Археологические памятники Среднего Амура и бассейна р. Зеи. Материалы к археологической карте Амурской области, 1955 г.» / Г. С. Новиков-Даурский // ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–71.*
8. *Отчет об археологических исследованиях в Амурской области, совершенных в 1951 году Г. С. Новиковым-Даурским // ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 70. Л. 45–53.*
9. *Письма (копии) А. В. Мачинского Г. С. Новикову-Даурскому за 1940–1941 гг. // ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 201. Л. 41–47.*
10. *Письма из с. Аносово от П. М. Швалова со схемой и указанием места находки предметов (зернотерки), переданных в Амурский областной музей // Амурский областной краеведческий музей (АОКМ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 36. Л. 9–10.*
11. *Письмо Г. С. Новикова-Даурского археологу А. П. Окладникову, 5.09.1956 // АОКМ Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.*
12. *Письмо Г. С. Новикова-Даурского т. Зубкову, 13.11.1949 // ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 200. Л. 42.*
13. *Письмо А. П. Окладникова Г. С. Новикову-Даурскому с сообщением о получении рукописи и диапозитивов, 1956 г. // АОКМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. Л. 22.*
14. *Письмо из Амурского областного краеведческого музея В. Н. Поповой, 25.03.1957 // ГААО Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 200. Л. 2.*
15. *Почтовая карточка в Благовещенск директору областного музея из Ленинграда от А. П. Окладникова, 5.09.1953 // АОКМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.*
16. *О результатах археологической разведки в районе пещеры Каменный дом на Верхнем Амуре / Сапунов Б. С., Петров В. Г., Болотин Д. П., Зайцев Н. Н. // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвящённой 100-летию АОКМ. — Благовещенск, 1991. — С. 44–48.*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 22.09.2021.

Сведения об авторе: Комарова Наталья Андреевна, методист по культурно-образовательной деятельности Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: komarik79@list.ru; тел. 8-962-295-19-01.

ГРЕБЕНЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

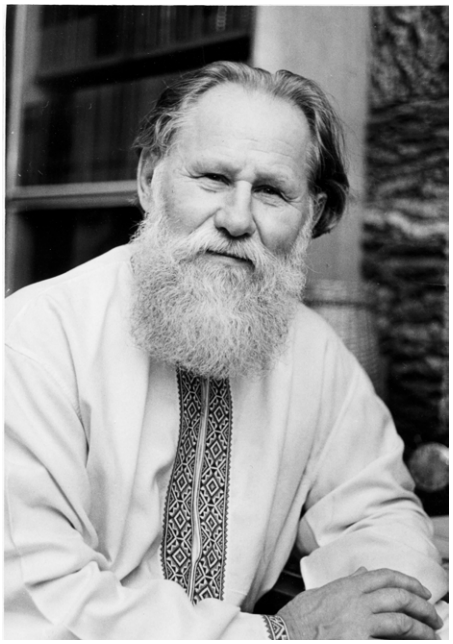
«ЛЮБЯЩИЙ ПРИРОДУ БУДЕТ ЛЮБИМ ЕЮ…»

В статье рассматривается творческая судьба дальневосточного писателя-натуралиста, охотоведа, почётного гражданина Хабаровска Вс. П. Сысоева в контексте художественной жизни Дальнего Востока.

Ключевые слова: Вс. П. Сысоев, солдат Отечества, Маньчжурская операция, охрана амурского тигра, обогащение охотничьих угодий края, директор краеведческого музея, литературная и научная работа, Союз советских писателей, культурное пространство Хабаровска, Международный биографический центр.

Keywords: Vs. P. Sysoev, Soldier of the Homeland, Manchurian operation, Amur Tiger conservation, enrichment of hunting grounds of the region, director of the local history museum, literary and scientific work, Soviet Writers Union, cultural space of Khabarovsk, International Biographical Center.

Время летит, как всадник на горячем коне, и тот, кто был ещё вчера с нами рядом, с улыбкой смотрит с небес. Всеволоду Петровичу Сысоеву, дальневосточному писателю, охотоведу, общественному деятелю, директору Хабаровского краеведческого музея, почётному гражданину Хабаровска исполняется 110 лет со дня рождения… Когда человек уходит в вечность, он оставляет современникам тайну, и каждый в попытках понять её создаёт некий идеальный образ, близкий ему самому. Этот образ — часть культурного пространства родного города, в нём собирательные черты многих земляков.

Всеволод Петрович Сысоев, 1981 год.

Льву Толстому принадлежат слова о том, что «одно из первых и всеми признаваемых условий счастия есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой, то есть жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе; общение с землёй, растениями, животными» [11, с. 280]. Вс. П. Сысоев был счастлив не только тем, что всегда жил в гармонии с природой, делая всё для её блага. Но ещё и тем, что был солдатом Отечества, участвовал в боях против Квантунской армии в звании лейтенанта, в составе 97-го медико-санитарного батальона Дальневосточного фронта. Во время Маньчжурской операции он не сделал ни единого выстрела, зато спас сотни людей, которых во время военной неразберихи вели на расстрел[1].

В фондовом собрании Гродековского музея (г. Хабаровск) есть фрагмент рукописи книги немецкого фотографа-натуралиста и писателя Вольфа Шпильнера «Где у меня друзья» (Берлин, 1977 г.). В главе «О клещах, тиграх и Сысоеве, или Человеке с глазами подснежника (хохлатки)» автор воспроизводит рассказ Всеволода Петровича об охоте. Своей парадоксальностью поражает фраза: «Когда тигр нападает, охотник должен улыбаться». Вс. П. Сысоев улыбался в самых трудных жизненных обстоятельствах, сохраняя спокойствие, которое придавало силы тем, кто был рядом.

У Всеволода Петровича было особое отношение к амурскому тигру, обитающему в Хабаровском и Приморском краях, в предгорьях Сихотэ-Алиня. «Никакие впечатления, полученные на охоте, не могут сравниться с тем, что я испытывал, когда связывал лапы молодой тигрице, пойманной на Сихотэ-Алине, — писал он. — Большими золотистыми глазами смотрела она на меня. В них не было злобы и трусости, какая бывает в глазах волка, и тупого раздражения, как в глазах росомахи. Недоумение и страх перед человеком, гордое сознание своей силы светились в них. Тот, кто видел эти глаза, никогда не поднимет ружья на тигра» [9, с. 13].

В 1947 году Вс. П. Сысоев разработал проект закона об охране амурского тигра, благодаря принятию которого его численность на российском Дальнем Востоке возросла в настоящее время почти до 600 особей. В конце земного пути Сысоев писал: «В пору моей юности Дальний Восток манил своей экзотикой, слабой изученностью. Как всякий страстный охотник, я мечтал побывать там и поохотиться на тигров. С годами наука обогатилась новыми познаниями о природе, и мы изменили своё отношение ко многим животным. Прежде гонимый тигр стал охраняемым, а я вместо охотника стал его хранителем» [7, четвёртая обложка].

Едва ли не самая известная книга Вс. П. Сысоева — повесть «Золотая Ригма». Мало кто знает, что тигрицу-альбиноса автор назвал в честь поэтессы Риммы Казаковой, добавив к имени для звучности взрывной звук [г]. Молодая поэтесса приехала в Хабаровск по комсомольской путёвке после окончания Ленинградского университета и прожила на Дальнем Востоке семь лет. В Хабаровске в 1958 году был опубликован первый сборник стихов Риммы Казаковой «Встретимся на Востоке». Римма Фёдоровна посвящала Всеволоду Петровичу стихи, как и некоторое время спустя хабаровский поэт В. С. Ераценко.

В 1950-е – 1960-е годы в Хабаровске работали интересные прозаики и поэты, среди которых был и П. Л. Проскурин; литературная жизнь Дальнего Востока была яркой и насыщенной событиями всесоюзного значения. В среде творческой интеллигенции Хабаровска царила атмосфера дружбы. Лилиана Рустамовна Агишева-Проскурина позже вспоминала, что в Хабаровске в те годы нравы были простые, столы незатейливые и не принято было звонить перед тем, как прийти в гости. В культурном пространстве города Вс. П. Сысоев был знаковой фигурой, и его слова имели силу, потому что всегда совпадали с делами. Где бы он ни работал (охотоведом в Зейской экспедиции первоначаль-

1 Эту историю автор не раз слышала от самого Всеволода Петровича и от его дочери Ольги Всеволодовны, которая помнит рассказы отца. Это было в августе 1945 г. По одной из улиц Харбина вели большую группу людей на расстрел. Вероятно, в военной неразберихе офицер подумал, что эти люди сотрудничали с японцами. Несчастные обратились ко Всеволоду Петровичу, который проезжал мимо, и он немедленно во всём разобрался.

ного землеустройства Наркомзема РСФСР, начальником Управления охотничьего хозяйства при Хабаровском крайисполкоме, преподавателем и деканом географического факультета Хабаровского государственного педагогического института, сотрудником НИИ лесного хозяйства, директором Хабаровского краеведческого музея), он неизменно вкладывал в свой труд не только знания, но и душу. Писатель, друг Вс. П. Сысоева и его соавтор В. И. Клипель писал: «Работая охотоведом, он стремился не собирать материалы для диссертаций, а обогатить охотничьи угодья края новыми видами пушных зверей…» [2, с. 24].

С 1950 года Сысоев стал заниматься литературной работой, сочетая её с научной. Первая книга, «Охота в Хабаровском крае», вышла в Хабаровске в 1950 году, выдержала пять переизданий и была переведена на английский, немецкий, французский языки. В предисловии к книге доцент Хабаровского мединститута, председатель Приамурского филиала Географического общества СССР А. В. Маслов отметил: «Написанная живым, увлекательным языком, книга легко читается и <…> даёт много ценных сведений и целостное представление о животном мире нашего края» [3].

Почти 40 лет спустя Вс. П. Сысоев писал: «Для меня охота означала многое: она развила во мне наблюдательность и выдержку, обострила любовь к природе, разбудила постоянное желание оберегать её и обогащать. <…> Охота сделала меня писателем. <…> Охота… согревала моё сердце радостью общения с природой, а это и является одним из непременных условий человеческого счастья!» [10, с. 251].

Владимир Клипель, который был соавтором многих произведений Всеволода Сысоева, сравнивая его с известным естествоиспытателем и писателем-натуралистом Эрнестом Сетон-Томпсоном, дал очень точную оценку его художественному стилю: «Как специалист с высшим зоологическим образованием, истинный натуралист,.. он в своих характеристиках животных не награждает их ни человеческим благородством, ни жестокостью. <…> Думаю, что В. П. Сысоев по достоинству занимает место в ряду таких писателей-натуралистов, как Корбетт, Сэтон-Томпсон…» [2, с. 25].

В 1958 году, к столетию города Хабаровска, на его привокзальной площади был открыт памятник-монумент землепроходцу Ерофею Павловичу Хабарову, который в 1649–1653 годах совершил несколько походов из Якутска на Амур. Автор памятника, А. П. Мильчин, ученик знаменитого скульптора-монументалиста Веры Игнатьевны Мухиной, а впоследствии студент Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова, долго не мог найти зрительный образ легендарного землепроходца. Он прочёл немало исторической литературы, создал скульптурные портреты первооткрывателей Сибири и Дальнего Востока, искал среди современников тип с элементами внешности русского богатыря. В ту пору на улицах города можно было встретить только двух заметных мужчин с бородами — профессора мединститута А. В. Маслова и писателя Вс. П. Сысоева. Рассказывают, что, встречая на улицах города Всеволода Петровича, Абрам Пейсахович, обладавший профессиональной наблюдательностью, картинной памятью и творческим воображением, пристально рассматривал писателя. По мнению многих горожан, в могучем облике великого землепроходца есть черты и Всеволода Сысоева.

С 1959 по 1971 годы, в течение 12 лет, Сысоев был директором Хабаровского краеведческого музея. При этом он продолжал заниматься полевыми обследованиями рек Приамурья на предмет пригодности их для жизни бобров, и при его участии бобры были привезены из Белоруссии и акклиматизировались на новом месте. Лично Всеволодом Петровичем было собрано немало археологических, палеонтологических, предметов дальневосточной флоры и фауны, и среди них — чешуйчатый крохаль, берлога гималайского медведя, ствол тиса, раковина с жемчужиной, бивень мамонта, рог ископаемого бизона, каменный уголь с транспорта «Байкал» Г. И. Невельского. Бывали случаи, когда переправить эти предметы в музей было весьма затруднительно, однако Всеволод Петрович, обладавший дипломатическим искусством, мог убедить собеседника, к которому всегда проявлял глубокое уважение независимо от его социального статуса, помочь музею.

Всеволод Петрович проводил блистательные экскурсии для гостей города, которые потом связывали представление о Хабаровске, о стране, о русском национальном характере с Хабаровским краеведческим музеем и его сотрудниками. В 1960-е годы музей посетили шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, чешские путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, мексиканский врач и антрополог Хесус Лосойя. Константин Михайлович Симонов, побывав в музее, сделал в книге отзывов запись о том, что природоведческий отдел подобран так блистательно, что посетителю не хочется отсюда уходить.

Вс. П. Сысоев сделал музей одним из лучших в стране, обогатив его уникальными экспонатами из собранных им охотоведческих, зоологических, археологических коллекций, которые, помимо Хабаровского краеведческого музея, хранятся также в музеях Москвы, Владивостока, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре. В 1968 году руководимый Сысоевым музей был удостоен звания «Лучший музей РСФСР».

В 1971 году Всеволод Петрович оставил музей, чтобы заняться литературным творчеством. Ещё будучи его дирек-

тором, он послал свою первую книгу «Охота в Хабаровском крае» (1950 г.) М. А. Шолохову, перед художественным даром и личностными качествами которого он преклонялся. Михаил Александрович проживал в Ростовской области, в станице Вёшенской; он был большим ценителем природы, и, по его признанию, в степи или на рыбалке ему лучше всего думалось.

В 1966 году М. А. Шолохов приехал в Хабаровск и сразу спросил, проживает ли здесь охотовед Вс. П. Сысоев. Писатели встретились, и директор музея провёл Михаилу Шолохову экскурсию, рассказал ему о дальневосточной природе. Позже Сысоев вспоминал: «Внимательно осмотрев отдел природы, Михаил Александрович сделал запись в Книге почётных посетителей: “Сердечно благодарен В. П. Сысоеву — хранителю и умножателю богатств Хабаровского края — за возможность ознакомления с экспонатами музея, собранными любовно и умело”» [6, с. 150].

Дальневосточный край, «где ещё и поныне живут тигры и леопарды, непальские куницы и антилопы-горалы. Где на озёрах цветёт лотос, и утомлённый путник может укрыться от палящего солнца в тени вечнозелёных тисов» (это слова Вс. П. Сысоева) [8, с. 7], не оставил М. А. Шолохова равнодушным. Через некоторое время он написал Вс. П. Сысоеву из Вёшенской о своём намерении побывать на Амуре, потому что амурские края пришлись ему по душе. В декабре 1966 года Всеволоду Петровичу пришла от М. А. Шолохова рекомендация в Союз советских писателей. Михаил Шолохов был краток: «Сысоев В. П. может быть принят в члены ССП. Написанные им книги — лучшее поручительство. М. Шолохов. 24.12.66 г.» [5]. В 1967 году Сысоев был принят в Союз советских писателей.

В 1979 году в Москве, в правлении Союза писателей РСФСР, в совете по российской прозе, состоялось обсуждение творчества Вс. П. Сысоева. Было отмечено, что он крупнейший художник-психолог, а в его произведениях видна преемственность лучших традиций охотничьих рассказов классической русской литературы. Позже Сысоев говорил о том, что все его книги — «зарисовки карандашом с натуры» [Цит. по: 1].

Уже в 1960 году в музее стал формироваться фонд Всеволода Петровича. Первыми материалами, переданными им в музейное собрание, были документы и фотографии. В настоящее время фонд писателя (архивная опись № 145), весьма разнообразный по своему составу, насчитывает более 500 единиц хранения. Материалы Вс. П. Сысоева находятся и в фонде Хабаровской писательской организации (оп. 147, 147а), которая начала регулярно передавать фотодокументальные материалы в дар музею с 1980 года.

После 2011 года фондообразователем коллекции Вс. П. Сысоева стала его дочь Ольга Всеволодовна, единомышленница и продолжательница его дела. Работе в отделе природы Хабаровского краеведческого музея она отдала 25 лет, значительно пополнив фондовое собрание материалами по природе края, обновив экспозицию, построенную Всеволодом Петровичем. О. Вс. Сысоева, вспоминая об отце, говорила, что была у него и машинисткой, и главным редактором, и первым читателем его книг, а в последние годы его жизни, когда его зрение резко ухудшилось, записывала на диктофон его размышления.

Благодаря Ольге Всеволодовне фондовое собрание Хабаровского краеведческого музея пополнилось аутентичными предметами Всеволода Петровича. Среди них — многочисленные награды, книги, киносъёмочная камера, радиола, фотоаппарат, кресло, барометр, боеприпасы, часы, посуда, одежда. Немало в коллекции картин, подаренных писателю дальневосточными художниками Г. Д. Павлишиным, В. Н. Высоцким, В. П. Дроздовым, В. В. Слепченко, В. И. Клипелем, П. П. Трачом.

Перед 90-летием Вс. П. Сысоева солнечным осенним днём мы встретились с ним на улице Муравьёва-Амурского, недалеко от цветочного магазина «Анюта». Всеволод Петрович был в джинсовой рубашке, в лёгких брюках и кроссовках. Он улыбался только глазами, а такая улыбка всегда имеет эффект зеркала — обязательно улыбнёшься в ответ. Мы говорили о его мемориальной выставке. «Давайте лучше откроем выставку к моему столетию», — предложил Всеволод Петрович. Выставка «Хранитель и умножатель богатств Хабаровского края» состоялась к 95-летию писателя, в 2006 году, в Гродековском музее и в Хабаровской государственной академии экономики и права. К 100-летию Вс. П. Сысоева в Гродековском музее, в историческом корпусе, прошла выставка «Мятежная душа», а в 2014 году, к 80-летию Хабаровского регионального отделению Союза писателей России, в музее работала выставка «Пять имён», и среди этих знаковых имён дальневосточных писателей был, конечно, и Вс. П. Сысоев.

Всеволод Петрович Сысоев — автор семи охотоведческих, пяти художественных книг, более 250 рассказов, очерков, статей. Произведения писателя печатались в Австралии, Франции, Японии, Италии и других странах. Повесть, которая принесла автору наибольший успех, — «Золотая Ригма» (1970), с её переводом на японский язык связано имя поэта и журналиста Окада Кадзуя, который жил в Хабаровске в конце 1990-х годов и работал переводчиком. В 2016 юбилейном году, когда Всеволоду Петровичу было 105 лет со дня рождения, по нашей просьбе Окада Кадзуя подготовил свои воспоминания о писателе для литературного выпуска «Записки Гродековского музея», № 34.

Окада Кадзуя, большой друг Вс. П. Сысоева, перевёл многие его книги. А интерес к творчеству писателя начался

у него с повести «Золотая Ригма». На японском языке она была выпущена в издательстве «Синдокусёся» (Токио) в 2001 году; пять книг, в которые вошли переводы других произведений, вышли с 2008 по 2013 год в издательстве «Мититани» (Токио). Среди них — книга «Таёжная жизнь» (Токио, 2011 г.), «Амурские звероловы» — с иллюстрациями художника Морита Адзуми (Токио, 2011 г.).

В Японии Всеволода Сысоева называют русским Сетоном (Эрнест Сетон-Томпсон, канадский писатель и художник-анималист). Воспоминания о Сысоеве Окада Кадзуя закончил так: «Нелегко находились слова, когда я пытался нарисовать образ Всеволода Петровича Сысоева, но вот эти вдруг упали на меня, подобно метеору, увиденному однажды Дерсу: любящий природу будет любим ею» [4, с. 87]…

Литературное и научное творчество Вс. П. Сысоева получило международное признание: его биография была опубликована в 1992 году Международным биографическим центром, находящимся в Кембридже (Англия), в 15 томе биографического энциклопедического словаря за особые заслуги перед человечеством. Всеволод Петрович никогда об этом не говорил, считая, что наградой за труд может быть только само дело и счастье им заниматься. Было бы безрассудством искать иной награды; другие могут оценить твой труд, но для тебя это уже неважно.

Имя Сысоева носит зоосад «Приамурский», что находится в пригороде Хабаровска (с. Воронежское-2). Также оно присвоено одному из хребтов Сихотэ-Алиня и скале в составе этого хребта. Его именем названа улица в Хабаровске, который Всеволод Петрович так любил...

Список использованных источников

1. *Аннотация // Сысоев. Вс. П. Избранное : в 3 т. Т. 2. — Хабаровск, 2013. — С. 384.*
2. *Клипель, В. И. Амурское ожерелье : [путевые очерки и размышления] / В. И. Клипель. — Хабаровск, 2000. — 43 с.*
3. *Маслов, А. В. Предисловие / А. В. Маслов // Сысоев Вс. П. Охота в Хабаровском крае. — Хабаровск, 1950. — С. 3.*
4. *Окада, Кадзуя. Воспоминания о Всеволоде Петровиче / Кадзуя Окада // Записки Гродековского музея. — Хабаровск, 2016. — Вып. 34. — С. 84–94.*
5. *Рекомендация в Союз писателей М. А. Шолохова Вс. П. Сысоеву // Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. Ф. 52. Оп. 7. Д. 13. Л. 34.*
6. *Сысоев, Вс. П. Записки хабаровского краеведа / Вс. П. Сысоев. — Хабаровск : Кн. изд-во, 2006. — 256 с.*
7. *Сысоев, Вс. П. Золотая Ригма / Вс. П. Сысоев. — Хабаровск : Приамурские ведомости, 2009. — 139 с.*
8. *Сысоев, Вс. П. От автора // Удивительные звери / Вс. П. Сысоев. — Хабаровск,1973. — С. 7–8.*
9. *Сысоев, Вс. П. Славься, край мой! Заметки писателя // Избранное : в 3 т. Т. 2. / Вс. П. Сысоев. — Хабаровск, 2013. — С. 5–20.*
10. *Сысоев, Вс. П. Слово об охоте // Избранное : в 3 т. Т. 1. / Вс. П. Сысоев. — Хабаровск, 2013. — С. 246–251.*
11. *Толстой, Л. Н. В чём моя вера? // Исповедь. В чём моя вера? / Л. Н. Толстой. — Ленинград, 1991. — С. 117–345.*

Фотография из фонда Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.

Материал поступил в редакцию 13.09.2021.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: suerte.09@mail.ru; тел. 8-909-806-67-06.

НОВОМОДНЫЙ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Статья приурочена к первому юбилею светлой памяти Всеволода Петровича Сысоева (1911–2011 гг.), дальневосточного писателя, охотоведа, музейного и общественного деятеля.

Ключевые слова: Всеволод Сысоев, Дальний Восток, Хабаровск.

Keywords: Vsevolod Sysoev, Far East, Khabarovsk.

Минуло десять лет, как нет с нами Всеволода Петровича Сысоева — патриарха дальневосточного охотоведения, писателя, музейного и общественного деятеля. Будучи широко известной личностью, открытым для диалога человеком, живо откликавшимся на все события хабаровской действительности, за время своей продолжительной жизни и активной деятельности, Всеволод Петрович был для местных краеведов символом связи поколений. Для нас, молодых, которым посчастливилось общаться с ним лично, он являлся живым воплощением людей из грозных 1930-х – 1940-х годов и славных подвижников расцвета науки и культуры времён хрущёвской оттепели 1950-х – 1960-х.

Всеволод Сысоев, 1931 год.

В 1970-х – 1990-х годах, когда Хабаровское книжное издательство большими тиражами под мягкой обложкой выпустило несколько сборников его литературно-художественных произведений, я, как и многие другие, стал обладателем целой библиотечки книг Вс. П. Сысоева, приобщился к его творчеству. Но мало знать работы писателя. Мне всегда была интересна история формирования его личности.

Сысоев неоднократно признавался в интервью и отмечал в своих книгах, что вполне удовлетворён прожитым, что считает себя счастливым человеком, и, насколько нам известно, никогда публично не сетовал на неприятности, которые, как и со всяким, безусловно, случались с ним за долгий век на жизненном пути. Лишь в личных беседах он иногда доверительно рассказывал, в том числе автору этих строк, о тех критических ситуациях, которые заставляли его напрягать все свои силы для достижения поставленной цели, а в определённые моменты становиться жёстким, принципиальным и нелицеприятным человеком или даже вынужденно менять ориентиры. Недаром же по материнской линии он происходил из особого дворянского сословия — свободолюбивой смоленской шляхты, наследия Речи Посполитой на русской земле. Часть этих историй я знаю в пересказе его дочери Ольги Всеволодовны, которая во время моей учёбы в Хабаровском пединституте сначала учила нас, студентов «химдыма», методике преподавания биологии в школе, а позднее под её руководством в отделе природы нашего музея я постигал все премудрости музейной работы. Вот об этих малоизвестных фактах биографии её отца мне хотелось бы рассказать в данной статье, так как задуманная им на эту тему автобиографическая повесть «Мятежная душа: История жизни одного охотоведа» (первая публикация состоялась в 2005 г. на страницах газеты «Суворовский натиск»), к сожалению, так и осталась неоконченной. Она доведена лишь до послевоенного возвращения в уже ставший к тому времени ему родным город — Хабаровск.

Так угодно было распорядиться судьбе, что именно в беззаботные детские и юношеские годы, хоть и совпавшие с трудными для нашей страны и её народов временами, Вс. П. Сысоев получил заряд интереса к живой природе прямо из рук ласковых к человеку, чудесных в своём великолепии субтропиков южного берега Крыма — «тёплых задворков России». А великолепие убранства многочисленных местных дворцов, где ему доводилось бывать и даже жить, чтение произведений художественной литературы развили эстетическое чутьё, тягу к прекрасному, нетерпимость к чувственной фальши. Однако, как нам известно, в этот период был и весьма драматичный момент. Когда мать уехала из врангелевского Крыма на материк и не смогла вернуться назад, через фронт, в девятилетнем возрасте мальчик оказался один, без родительской поддержки. Ему грозила бы голодная смерть, но маленький Севка в компании с такими же «беспризорниками» научился искать пропитание в море: не столько ловить рыбу, сколько собирать мелкую съедобную живность. Тем и выжил, несмотря на малолетство!

Впоследствии, в возрасте двадцати одного года, находясь в едином душевном порыве с молодёжью того времени, захваченный перспективами индустриализации страны, он уезжает из Крыма и поступает в хороший вуз — знаменитую Бауманку (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана), но вскоре понимает, что это не его стезя. Тянуло к природе, ведь к этому времени он уже стал заядлым охотником, и выход был найден. В Советской России взялись тогда не только за переустройство человеческого общества, но и за природу. На государственном уровне на щит было поднято кредо селекционера И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача». В 1933–1937 годах Сысоев учился на биотехника-охотоведа в московском Институте пушного звероводства, в 1934 году переименованном во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-мехового хозяйства Наркомзема СССР. Здесь он слушал лекции и занимался у целой плеяды выдающихся учёных-биологов, в том числе Петра Александровича Мантейфеля (1882–1960 гг.), знаменитого зоолога-охотоведа и великолепного рассказчика, с

которым советовался и вёл переписку всю жизнь, считая его своим идейным отцом. Нужно сказать, что такое внимание к охотничьему промыслу со стороны государства было не случайно. В конце 1920-х годов доход от экспорта пушнины вышел на первое место в числе источников валютных поступлений в бюджет страны, превысив прибыль от продажи пшеницы, поэтому в эту выгодную отрасль народного хозяйства тогда не жалели вкладывать средства. В производственном масштабе в СССР проводились опыты по акклиматизации ценных пушных зверей. Именно в такое время Вс. П. Сысоев начинает работать по специальности на Дальнем Востоке, на севере Приамурья.

Вс. П. Сысоев (слева) в Маньчжурии, 1945 год.

Поначалу суровый характер и однообразие северной природы угнетали, но когда довелось познакомиться с Уссурийским краем, сердце Всеволода Петровича оттаяло, он безоговорочно принял Дальний Восток. Выздоровев после тяжёлой, но излечимой болезни, без какого-либо особого протеже летом 1939 года он стал начальником Госохотинспекции по Хабаровскому краю и на этой должности прослужил, с перерывом в годы войны, до середины 1950-х годов. Наряду с совершенствованием традиционных методов охотпользования, под его руководством на подведомственной территории полным ходом шла реакклиматизация животных, названных русским «мягким золотом», — соболей тёмного кряжа (тип окраски меха). Источником её был Верхне-Буреинский соболиный рассадник, созданный на базе найденной в верховьях реки Буреи вполне жизнеспособной популяции. (Во многих местах ареала соболь вымирал.) Благополучно и повсеместно вселили также его родственника — американскую норку — и водного грызуна ондатру родом с того же континента. Плодами этих усилий до сих пор с успехом пользуются профессиональные охотники и любители, поэтому Всеволод Петрович этим фактом гордился и всегда подчёркивал, что считает его своим главным вкладом в народное хозяйство нашей страны.

После Великой Отечественной войны в правительстве началась череда структурных преобразований. Так, в декабре 1953 года при Министерстве сельского хозяйства СССР было организовано Главное управление по заповедникам и охотничьему хозяйству. В октябре 1955 года это управление было реорганизовано и вошло в состав Главного управления лесами Министерства сельского хозяйства СССР. В связи с переподчинением организационно-правовой статус хабаровского подразделения настолько понизился, что Сысоеву даже нормального кабинета в этом ведомстве не нашлось. Конечно, чувствуя себя ни за что униженным, Всеволод Петрович обиделся, справедливо считая себя равным с остальными управленцами краевого уровня, и решил искать другое место работы, по душе. Он и меня так наставлял: «Себя нужно уважать, иначе другие это делать не будут. Если тебя не ценит руководство той организации, где служишь, уходи без сожаления. Всё равно ничего хорошего не добьёшься. Я всегда так поступал».

В 1955–1958 годах Всеволод Петрович работал в Хабаровском педагогическом институте, на факультетах естествознания и географии — сначала преподавателем, а затем его избрали деканом последнего. Здесь он с успехом применил опыт, наработанный им в самом начале трудовой деятельности, когда работал охотоведом в Зейской землеводоустроительной экспедиции Наркомзема РСФСР. Студенческие практики он наполнил деятельным содержанием. Навыки изыскателя пригодных для проживания и производственной деятельности территорий будущим географам и биологам могут быть очень полезны в жизни. Кроме того, он умело использовал стремление молодёжи того времени к путешествиям, к активному познанию родного края, к занятиям туризмом. По содержанию отчёты за практику приближались к производственным! Например, был составлен капитальный коллективный труд по технико-экономическому обоснованию хозяйственного освоения слаборазвитого Кур-Урмийского района. Но оказалось, что не всем такое нравится (дорого обходится, да и опасно, лучше занимайтесь школой), были жалобы в вышестоящие инстанции. Однако проверки не выявили недостатков, а, наоборот, деятельность Вс. П. Сысоева похвалили и поставили в пример другим.

Хорошо известно, что для студентов декан — «отец родной». Одна из девушек пожаловалась ему, что, используя

своё служебное положение, её домогается один из высших руководителей института. Всеволод Петрович возмутился и вынес обсуждение этого безобразного факта на партсобрание. С человеком разобрались, но начались трения с ректором — частенько слишком активных подчинённых недолюбливают. В это время от Хабаровского отпочковался Комсомольский-на-Амуре пединститут. В список факультетов-переселенцев попал и географический. Почему, случайно или нет — история умалчивает. Доводы его декана о том, что на нём готовятся самые широко образованные специалисты народного хозяйства, в расчёт приняты не были, но с любимым Хабаровском он прощаться не стал, а просто уволился. Полгода поработал Сысоев в Амуррыбводе, провёл летний сезон в экспедиции на реке Амгуни, но понял, что ихтиология не его стезя. Два года работал он научным сотрудником в Дальневосточном научно-исследовательском институте лесного хозяйства (г. Хабаровск). Вроде бы все признавали, что лес — сообщество сложное, там растут и размножаются не одни только деревья, но и другие существа животного и растительного мира. Не имея собственного научного направления, он помогал другим. Предложил руководству института запросить в союзном министерстве соответствующую его научному профилю тему о влиянии лесозаготовок на жизнь охотничьих зверей на всей территории Дальнего Востока. Но Москва эту тематику не утвердила. В то время ему, видимо, даже не составило особого труда написать пресловутый «кирпич» — рукопись диссертации на эту тему, но коллеги её забраковали. «Если судить по предъявляемым к ним критериям, для кандидатской слишком широка по количеству обсуждаемых вопросов, и вполне могла бы сойти за докторскую, но каждый в отдельности так мало разработан, что не потянет даже в качестве кандидатской», — примерно так говорил мне в 1986 году старейший в то время лесовед Дальнего Востока Константин Петрович Соловьёв (1896–1987 гг.). Первый блин, как говорится, вышел комом, что вовсе не редкий случай, но Вс. П. Сысоев больше не стал возвращаться в науку. Он решил заняться другими видами деятельности — музейным делом и литературным трудом. Ведь первая книга — «Охота в Хабаровском крае» (1950 г.) — при дефиците соответствующих справочных изданий имела огромный успех и уже вскоре, в 1952 году, была переиздана.

Вс. П. Сысоев и академик А. П. Окладников в совместной экспедиции.

В эти же годы, в результате выборов став председателем Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества СССР (был им в 1953–1959 гг.), он умело использовал энергию молодых хабаровских учёных-исследователей для организации многочисленных экспедиций в неизведанные районы Приамурья с целью комплексного экономико-географического изучения административных районов Хабаровского края. Эти работы носили настолько практически значимый и общественно зримый характер, что заслуженно принесли славу их инициатору, а этот период жизни филиала общества был метко назван известным хабаровским историком-краеведом В. А. Востриковым «сысоевским».

В феврале 1960 года Сысоев был назначен директором Хабаровского краеведческого музея, где проработал вплоть до ухода на пенсию в феврале 1972 года. Нужно сказать, что на эту должность Всеволод Петрович буквально пробился, используя нужные знакомства в высшем руководстве края. Предшествовал этому его визит к начальнику Управления культуры Хабаровского крайисполкома с предложением своей кандидатуры на вышеуказанную должность. Ему отказали: «Что ты, что ты — мы ведь совсем недавно нашли на это место подходящую кандидатуру, и человек уже начал работать! Нет, ничего изменить уже нельзя». Тогда он пошёл на приём к третьему секретарю крайкома КПСС и сказал, что испытывает горячее желание сделать краевой музей образцовым, лицом Хабаровского края, но не нашёл понимания в Управлении культуры. И партийные органы помогли ему занять этот пост. По-видимому, там понимали, что хорошо зарекомендовавший себя чиновник высокого ранга, свой, проверенный человек, остался не у дел не по своей воле. И если он рвётся в бой, нужно дать ему такую возможность.

Одним из первых дел, как рассказывал Сысоев автору этих строк, была проверка герметичности кровли. Когда он залез на чердак и обнаружил, что стропила настолько сгнили, что пальцы руки свободно погружаются в них до ладони, новый директор пришёл в ужас. Срочно нужны деньги на безотлагательный незапланированный ремонт, а их в бюджете музея нет. Тогда он, пользуясь своими прошлыми приятельскими отношениями в крайисполкоме, отправился к начальнику финотдела. Тот выслушал его, но сказал, что помочь не сможет, на этот год не утверждена такая статья расходов. По личному опыту зная, что на конец года всегда из заказанных денег остаются невостребованные

суммы (всего заранее не просчитаешь), Всеволод Петрович предложил использовать их: «Всё равно у нас их отберут в пользу центра — на следующий год ведь не перенесут, а мы сделаем доброе дело». Краевой начфин согласился, ремонт аварийной крыши провели, никого не наказали — ревизия признала использование этих средств законным. Предприимчивость и находчивость были характерны для поведения Вс. П. Сысоева.

Под его руководством наш музей стал прежде всего любимым местом для совместного времяпрепровождения родителей с детьми. В корне были реконструированы многие экспозиции, но, конечно, более всего Всеволод Петрович выразил своё восприятие животного и растительного мира Дальнего Востока в отделе природы. Хорошо понимая, что никаких денег не хватит на покупку готовых экспонатов, он организует специальные экспедиции с конкретными целями по их сбору. Сысоев умело использует наработанные за прошлые годы связи у нас и в Москве, устанавливая взаимовыгодные отношения с владельцами необходимых материалов, привлекая к работе талантливых художников и мастеров. К примеру, по договору на московскую фабрику «Военохот № 3», имевшую хорошую таксидермическую мастерскую, поставлись три-четыре шкуры крупных зверей, добытых им или товарищами в Приамурье во время охоты, а взамен, как сказали бы сейчас, «по бартеру», одна из них возвращалась в наш музей уже в виде чучела. Именно так в короткие сроки Сысоев сумел создать к 1964 году совершенно новую экспозицию отдела природы. Она настолько полно соответствовала господствовавшим в то время представлениям о взаимоотношениях природы с человеческим обществом, верно, образно и ярко отражала своеобразие животного и растительного мира Дальнего Востока России, что, несмотря на изменившуюся парадигму мышления, нынешний упор на экологию, во многом не потеряла своей актуальности и, с небольшими позднейшими изменениями, существует уже почти 60 лет — уникальный случай! За неё в 1966 году автору было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР. В период, когда Сысоев был директором, музей дважды был отмечен правительственными грамотами: в 1967 году — дипломом о присвоении почётного звания «Лучший музей РСФСР» за многолетнюю плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, а в 1970 году — дипломом первой степени за активное участие и успехи во Всесоюзном смотре работы музеев, посвящённом 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Благодаря Всеволоду Сысоеву Гродековский музей ныне является обладателем уникальных, многопудовых природных экспонатов — натуральной берлоги гималайского медведя и ствола тисового дерева почти двухтысячелетнего возраста. Обычно охотникам сложно вынести из тайги даже добытые мясо и шкуру, не говоря уж о том, чтобы доставить из лесных дебрей по бездорожью огромную лесину. Каждая из таких экспедиций — настоящая транспортная эпопея, которую сейчас, видимо, никто не согласится повторить ни

Михаил Шолохов в Хабаровском краеведческом музее, 1966 год.

Экскурсия для бельгийских фотодокументалистов, 1968 год.

Экскурсия в музее с гостями из Монголии, лето 1970 года.

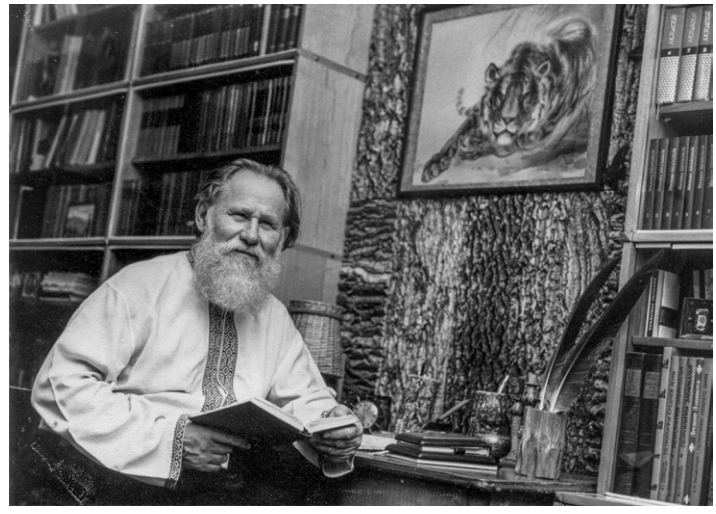
за какие деньги. Конечно, современные музеи не должны быть только кунсткамерами, но и без таких ярких, запоминающихся штучных экспонатов он просто будет тривиален даже в таком богатом регионе, как Дальний Восток. Всё это прекрасно понимал Всеволод Петрович, прилагая неимоверные усилия для их добывания.

Особый вид искусства — уникальная панорама «Волочаевская битва», созданная при его непосредственном участии, — единственная в Сибири и на Дальнем Востоке, единственная, посвящённая Гражданской войне. А всего в России, вместе с нашей, их сейчас пять. Сами посудите о ценности этого произведения, относящегося к батальному жанру изобразительного искусства. Из нашего с ним разговора выяснилась в том числе и такая интересная деталь. Оказывается, Сысоев и не рассчитывал на такую удачу, когда в 1967 году в Москве, на совещании в Министерстве культуры, познакомился с художником-баталистом С. Д. Агаповым из знаменитой студии военных художников имени М. Б. Грекова, который со своим другом А. А. Горпенко лишь в предыдущем году закончил живописное полотно диорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в районе станции Крюково. 1941 год»[1]. Неожиданно для самого себя Всеволод Петрович задал возбуждённому от похвал и поздравлений художнику провокационный вопрос: «А сумели бы вы создать диораму последнего крупного сражения на полях Гражданской войны — Волочаевского боя?» «А почему бы нет?» — запальчиво ответил Агапов и обещал посоветоваться с напарником. Вскоре замечательные мастера сообщили о своей готовности начать работу. Так Вс. П. Сысоев фактически инициировал создание нашей панорамы. Дело было политически окрашенным (полная победа красных!), поэтому Министерство культуры брало на себя оплату работы коллектива художников и бутафоров, а подходящее здание для размещения художественного полотна и макета местности предлагалось найти местным властям. Естественно, как директор, он был рад и горд получить такой уникум в музей, но долго не ставил последних в известность, потому что понимал, что за договорённости с Москвой через голову начальства ему крепко влетит даже за такой раритет. Когда из студии пришло сообщение, что эскизы готовы и от Хабаровска нужно подтверждение о том, что здесь тоже решаются вопросы строительства панорамы, он пошёл к своему другу, первому секретарю крайкома партии А. П. Шитикову, и они от своего имени отправили телеграмму, что всё идёт хорошо. Ну а потом, конечно, был скандал, отношения с председателем крайисполкома А. К. Чёрным и его преемником на посту Г. Е. Подгаевым совсем испортились, но дело было сделано. Когда Министерство культуры за подписью самой Е. А. Фурцевой обратилось непосредственно в Хабаровский крайисполком, дело со строительством сдвинулось с мёртвой точки. Средства были изысканы, найден подходящий (как для музея в Алма-Ате!) проект... Историю создания своего детища Вс. П. Сысоев впервые рассказал в главе «Дальневосточный Перекоп» книжки «Путешествия по музею. Записки краеведа», увидевшей свет в 1979 году в Хабаровском книжном издательстве[2].

В советские времена Хабаровск являлся единственным городом Дальнего Востока, открытым для посещения иностранцами. Что же они смотрели прежде всего? Конечно, музей. Поэтому отдел природы, находящийся в голове всех экспозиций, выступал и выступает в качестве его лица, служит визитной карточкой и музея, и края. Когда Всеволод Петрович спросил у знаменитого чешского путешественника Иржи Ганзелки, какая отличительная черта нашего музея бросилась ему в глаза, он ответил, что «умение немногими предметами рассказать о многом, — в вашем музее не

Встреча со школьниками, 1986 год.

Всеволод Петрович Сысоев, 1980-е годы.

1 Холст высотой 2,65 м и шириной 12 м находится в Московском областном краеведческом музее, г. Истра.

2 Сысоев, Вс. П. «Дальневосточный Перекоп» // Путешествия по музею / Вс. Сысоев. — Хабаровск, 1979. — С. 65–75.

рябило в глазах от обилия экспонатов». Выводы по этому замечанию очень актуальны и в наше время. Хотя экспозиции музея во времена Сысоева создавались согласно типовым шаблонам, утверждённым Минкультом, ему и его единомышленникам из коллектива сотрудников удалось создать место самобытное, типично дальневосточное. Поскольку экспозиция в музейном деле чаще всего рассматривается как особый род публикации, можно считать, что она и была его диссертацией по созданию и организации музейного пространства.

У Всеволода Петровича был ещё один природный дар — в виде хорошего слога речи. Благодаря ему Сысоев прочно занял своё место в дальневосточной литературе, в той её части, которая называется научно-художественной. Не греша против реальной действительности, работая в жанре писателя-натуралиста, ему удалось поделиться с читателем всем, что волновало его в жизни. В буквальном смысле этого слова, сев за рабочий стол самого В. К. Арсеньева, он и в делах, и на литературном поприще выступил продолжателем его лучших традиций.

В завершение сделанного мной обзора славных дел Всеволода Петровича Сысоева как пример глубокого понимания им житейских проблем хочу привести его пожелание, сказанное мне и в то время сильно удивившее: «Советую жить там, откуда ты сможешь ходить на работу и с работы пешком». Заметьте: не материального или научного успеха он желал мне, а, как я со временем понял, физического здоровья и душевного равновесия, ключ к которым — ходьба!

Фотографии из фонда Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова.
Материал поступил в редакцию 16.09.2021.

Сведения об авторе: Новомодный Евгений Владимирович, старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора природы Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: evgenov@mail.ru; тел. (4212) 30-66-91.

ФИЛАТКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА

ВСЕЛЕННАЯ ВСЕВОЛОДА ПЕТРОВИЧА СЫСОЕВА

В 2021 году проект «Вселенная Всеволода Петровича Сысоева», разработанный АНО «Лаборатория идей» совместно с рядом научных учреждений Хабаровска и Биробиджана, стал победителем конкурса Фонда президентских грантов. Настоящая статья о том, чему посвящён этот проект, какие мероприятия будут проведены в ходе его реализации.

Ключевые слова: Всеволод Сысоев, Дальний Восток, проектная деятельность, природа, историческая память.

Keywords: Vsevolod Sysoev, Far East, project activities, nature, historical memory.

24 ноября 2021 года исполняется 110 лет со дня рождения Всеволода Петровича Сысоева. Он был писателем, краеведом, географом, учёным, охотоведом, преподавателем, музейным работником, общественным деятелем. Прожил долгую и насыщенную жизнь. Дожил почти до 100 лет. Много сил отдал развитию охотничьего хозяйства на Дальнем Востоке, интродукции и разведению промысловых животных, сохранению и приумножению природных богатств. Значителен его вклад в развитие музейного дела, формирование и сохранение коллекции личных вещей и документов известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева.

Вс. П. Сысоев написал замечательные книги, посвящённые природе Дальнего Востока. Они имеют познавательную, воспитательную и научную ценность. Всеволод Петрович до последних дней своей жизни вёл активную общественную работу, был популяризатором знаний о природе, идей бережного к ней отношения и сохранения её богатств и разнообразия, обогащения природы

Но, к сожалению, у наших современников-дальневосточников имеется одностороннее представление о личности и деятельности Вс. П. Сысоева. Часто его знают только как автора повести «Золотая Ригма». Мало кому известны его работа по акклиматизации и расселению промысловых животных, развитию охотничьего хозяйства на Дальнем Востоке, исследованию бассейнов дальневосточных рек, его популярные очерки и научные статьи по этой теме, его идеи о сохранении и защите природы. Ситуация осложняется тем, что произведения Вс. П. Сысоева отсутствуют в Национальной электронной библиотеке, а документы о его жизни и деятельности рассредоточены по нескольким учреждениям, многие из которых мало доступны для ознакомления и изучения.

Автономная некоммерческая научно-образовательная культурно-просветительная организация «Лаборатория идей» при поддержке Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (ХКМ им. Н. И. Гродекова), Биробиджанской областной универсальной научной библиотеки имени Шолом-Алейхема, при участии дочери Вс. П. Сысоева — известного краеведа Ольги Всеволодовны Сысоевой — в 2021 году разработала и представила на конкурс, объявленный Фондом президентских грантов, проект «Вселенная Всеволода Петровича Сысоева». Грантовое направление, которому преимущественно соответствует планируемая деятельность по проекту, — «Сохранение исторической памяти». Тематика грантового направления — «Увековечивание памяти выдающихся людей и значимых событий прошлого». Заявка № 21-2-001725 была рассмотрена, и проект стал победителем конкурса [2]. Он начал свою жизнь 1 августа 2021 года и завершится 31 ноября 2022 года.

Целью проекта является сохранение памяти о человеке и гражданине планетарного масштаба — Всеволоде Петровиче Сысоеве. В ходе реализации проекта будут оцифрованы его произведения, в том числе трёхтомник «Избранное» (2013 г.), а также уникальные документы, связанные с жизнью и творчеством и хранящиеся в фондах учреждений — участников проекта, в личных архивах частных лиц.

Всеволод Петрович вёл дневники, записывал свои выступления, фиксировал интересные факты, делал выписки из трудов известных учёных, художественных произведений, вёл переписку с различными людьми, с органами власти. Среди эпистолярного наследия, хранящегося в ГАХК, в фонде личного происхождения, переписка с писателем, краеведом Г. Г. Пермяковым, академиком А. П. Окладниковым, писателем В. Г. Распутиным, заслуженным художником РСФСР из г. Комсомольска-на-Амуре Е. В. Короленко [3]. Уже проведена основная работа по отбору книг в ДВГНБ и документов в ГАХК, а также работа по поиску правообладателей и заключению лицензионных соглашений с Хабаровским книжным издательством, Издательским центром «Приамурские ведомости», фотографами, художниками.

В ХКМ им. Н. И. Гродекова хранятся личные вещи писателя, фотографии, запечатлевшие его в разные годы жизни, личные документы: удостоверение участника войны, пенсионная книжка персонального пенсионера республиканского значения, членские билеты Литфонда, Союза писателей СССР и России, читательский билет Хабаровской краевой научной библиотеки и другие, аттестат заслуг и отличия от редакционного совета энциклопедии Men of achievement («Выдающиеся люди»), диплом о вручении национальной премии Минина и Пожарского «Достойному гражданину — благодарная Россия», государственные награды, книги с дарственными надписями [1]. На основе книг, фотографий, личных и рукописных документов будет создан историко-краеведческий информационный электронный ресурс «Всеволод Петрович Сысоев — писатель, учёный, гражданин», который будет представлен в Интернете, что позволит транслировать его идеи и увековечить память о его личности и творческом наследии.

В ходе реализации проекта планируется создать документальный фильм о творческом наследии Вс. П. Сысоева. Уже написан сценарий. ООО «Дальневосточная киностудия» приступила к съёмке отдельных эпизодов. Это рассказы известных людей, современников Всеволода Петровича, которые его знали, общались и сотрудничали с ним, в том числе и в ходе подготовки к изданию его произведений. Среди них известный хабаровский художник Герман Алексеевич

Палкин, создавший цикл иллюстраций к произведениям Вс. П. Сысоева; журналист Александр Григорьевич Чернявский; художник, проработавший многие годы в Издательском доме «Приамурские ведомости» Александр Никитович Посохов; директор лесоохотхозяйства, фотограф Александр Сергеевич Баталов.

В ДВГНБ экспонируется постоянно действующая выставка, на которой представлено творческое наследие Вс. П. Сысоева.

1 сентября стартовал конкурс студенческих эссе по произведениям Всеволода Петровича Сысоева. Цель его проведения — транслирование идей и популяризация творческого наследия писателя среди молодёжи. В положении о конкурсе сформулированы основные требования к конкурсным работам. Участниками конкурса уже стали студенты образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Хабаровска. Поступившие на конкурс эссе посвящены произведениям Вс. П. Сысоева или его творческому наследию в целом. Интересны взгляды авторов на выбранную тему, описания фактов и причин, повлиявших на их точку зрения и конечный вывод, отражение собственного взгляда на тему. Победители конкурса будут награждены призами за первое, второе и третье места. Специальные дополнительные призы будут учреждены партнёрами проекта.

Среди других мероприятий 2021 года — комплексные информационно-просветительные мероприятия к 110-летию со дня рождения писателя, мастер-класс по живописи «Золотая Ригма».

В ходе реализации проекта в 2022 году будет проведён цикл информационно-просветительных мероприятий по популяризации идей и творческого наследия Вс. П. Сысоева: презентации созданного историко-краеведческого ресурса и фильма в Хабаровске и Биробиджане и в девяти муниципальных образованиях Хабаровского края, а также на платформе Zoom для жителей удалённых территорий Хабаровского края, конкурс детских рисунков, онлайн-викторина, посещения Большехехцирского заповедника и зоосада «Приамурский» имени Вс. П. Сысоева для целевой группы.

Реализация проекта будет способствовать сохранению исторической памяти, увековечиванию имени выдающегося дальневосточника, получению новых знаний о природе и об истории Дальнего Востока представителями целевой аудитории — дальневосточниками (не менее 1 130 человек — участников информационно-просветительных мероприятий), а также пользователями Интернета.

Список использованных источников

1. *Серебренников, В. Вселенная Сысоева. Наследие известного писателя-дальневосточника живо. — Текст : электронный / В. Серебренников // Аргументы и факты. — 2018. — № 42. — URL: https://hab.aif.ru/culture/vselennaya_sysoeva_nasledie_izvestnogo_pisatelya-dalnevostochnika_zhivo (дата обращения: 31.10.2021).*
2. *Статус проекта: победитель конкурса. Вселенная Всеволода Петровича Сысоева. — Текст : электронный // Фонд президентских грантов. Проекты. — URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=cdc7995a-6366-461c-a5c7-7d4a979fd62d (дата обращения: 31.10.2021).*
3. *Сысоев Всеволод Петрович (1911–2011 гг.) — член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР, г. Хабаровск, 1930–2007 гг. — Текст : электронный // Справочник сведений по фондам архивов России, Белоруссии и еще 4 стран. Фонд № Р-1243. — URL: https://alertino.com/ru/60563 (дата обращения: 31.10.2021).*

Материал поступил в редакцию 01.11.2021.

Сведения об авторе: Филаткина Ирина Викторовна, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат филологических наук, доцент, руководитель проекта «Вселенная Всеволода Петровича Сысоева» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: ivfilat@mail.ru; тел. (4212) 31-28-01.

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА
ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,
ХУАН ЦЗЯНЬ (黄健)

ПОЭТИКА СОЦРЕАЛИЗМА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ПЕТРА КОМАРОВА
(на материале сборника «У берегов Амура», 1940 г.)

Статья обращена к творчеству Петра Степановича Комарова. Материалом анализа стала лирика 1920-х – 1930-х годов, опубликованная в периодике и сборнике «У берегов Амура» (1940 г.). Цель — выявить механизмы творческого взаимодействия индивидуального творческого дара поэта и художественной системы соцреализма. Исследование литературного материала проведено с опорой на методику имманентного и контекстуального анализа, что позволило показать, как социокультурные реалии преломлялись в поэтическом мировидении поэта; особый акцент в работе сделан на поэтике пролеткульта, нашедшей отражение в творчестве поэта 1920-х – 1930-х годов. В статье прослежены отдельные художественные приёмы, присущие ранней лирике Комарова: жанровая сценка, бытовая деталь, сказовое начало. Показано, что в художественном мире поэта уже в ранних произведениях проявлялось чувство единства природы и человека.

Ключевые слова: Пётр Степанович Комаров, соцреализм, пролеткульт, лирический пейзаж.

Keywords: Petr Stepanovich Komarov, socialist realism, proletkult, lyrical landscape.

В статье рассматривается поэзия замечательного дальневосточного поэта, лауреата Сталинской премии (1950 г.) Петра Степановича Комарова (1911–1949 гг.).

Пётр Комаров — это поэт советской эпохи. Творчество его, пришедшееся на 1920-е – 1940-е годы, неразрывно связано с основными идейно-художественными тенденциями советской поэзии. Для его стихов характерны гражданственность, патриотизм, чувство единства с народом, ощущение целостности социального и природного мира. В стихотворении «Раздумье» поэт изложил свою поэтическую программу:

Есть одно у меня
Изо всех непреложных условий:
В жизни надо
Отменное,
Самое лучшее слово
Для страны,
Для героя,
Для песни сберечь! <…>
Надо песню сложить…
(1934 г.) [8]

Эти слова — не просто поэтическая декларация: поэт создал произведения, отражающие социальное и историко-культурное преобразование советской жизни в 20-х – 30-х годах XX века.

В 2021 году исполнилось 110 лет со дня рождения поэта. Юбилейная дата — хороший повод для того, чтобы пристальнее всмотреться в литературное наследие, в те грани творчества, которые особенно заметны с такой значительной временной дистанции. Таким образом, актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью актуализации знания о характере творчества поэта, а также возросшим в последнее десятилетие интересом к советскому культурному достоянию в целом.

Говоря о литературном наследии поэта, интересно вспомнить, о чём говорила критика в «юбилейных» статьях предыдущих лет. В 1992 году, к восьмидесятилетию со дня рождения поэта, известный дальневосточный писатель и критик Юлия Алексеевна Шестакова писала о пейзажной лирике Комарова как доминанте его творчества, а, говоря об особенностях его поэтического языка, подчёркивала изобразительность и наглядность образов: «…из многих деталей поэт выбирает самые характерные, но это будут подробности, только им увиденные и неповторимые» [16, с. 28].

О гражданской теме в лирике П. С. Комарова писала хабаровский литературный критик Валентина Николаевна Катеринич в статье, посвящённой столетнему юбилею со дня рождения поэта. Она подчеркнула, что гражданская тематика в творчестве поэта есть «свидетельство искренней веры… и благородного патриотизма... верности большой и малой родине» [6]. Значимой видится мысль критика о том, что поэт в своих стихах стремился «показать роль и значение тихоокеанских владений России для будущего нашего народа и для судеб многочисленных народов стран Тихого океана... его творчество — лирическое постижение природного и исторического пространства нашего края» [6].

Предметом изучения в настоящей статье является творчество П. С. Комарова в 1920-е – 1930-е годы. В этот период определился круг главных тем лирики: социалистическое строительство, оборонная тематика, природоведческая лирика. Пафос стихотворений Петра Комарова конца 1920-х – начала 1930-х годов отражает атмосферу творческого подъёма. Эпизоды социально-культурных преобразований в советской деревне нашли отражение в стихотворениях «Сенокос», «Апрель», «Трактор», «Деревенский спектакль», «Помнишь, как мы уходили из дома», «Покорители Тукурингра», «На плотах», «Галоши» и многих других.

Художественное мироощущение этих стихотворений определяет эстетика пролеткульта. Пролеткульт был неоднозначным культурно-идеологическим явлением начала XX века: зародившись в первое десятилетие нового века, он как направление был расформирован к 1932 году, однако его идеи — понимание высокой роли искусства как средства формирования идеологии, вовлечение народных масс в культурное строительство, формирование культуры, проникнутой идеями коллективизма, и т. д. — оставались актуальными на протяжении последующих десятилетий [4, с. 7; 5; 15]. Жизненность идей пролеткульта обусловлена тем, что в них воплотилось стремление широких слоёв населения к культурному просвещению и творчеству.

Анализ первых стихотворений П. С. Комарова позволяет проследить специфику структуры художественного образа его лирики: «обычные», «бытовые» события в его художественной системе всегда приобретают дополнительные значения, «поднимающие» события над «бытовой» действительностью; в обыденном поэт всегда стремится подчеркнуть сущностное.

Распространённой формой для создания такого рода художественной картины у поэта является жанровая сценка, сочетающая эпическое и лирическое начало. Жанровая (бытовая) сценка — изображение сцен повседневной жизни простого народа в живописи и литературе — распространённый приём в искусстве [2]. В литературе такая форма выступает как рассказ (репортаж) с места событий. Диалоги и реплики персонажей, просторечная лексика несут сюжетно-фабульную и характерологическую нагрузку; художественный эффект от такого приёма — создание картины «настоящей жизни» в её непосредственном течении [1, с. 82–83; 13]; этот приём типологически близок приёму сказа, который также помогает передать информацию о человеке как ис-

тинном объекте изображения в тексте. Сказовые элементы организации речевого пространства дают возможность «предоставить слово» героям произведения, передать их собственный голос [11]. Именно эта форма оказалась удобна для передачи коллективного сознания, для формирования эффекта народного многоголосья. Присущая этим стихам повествовательность обусловлена не просто любовью Комарова к сюжетной лирике, но свидетельствует о чуткости поэта к современным формам: в искусстве соцреализма сюжетность как способ реалистического художественного мироотражения стала распространённым приёмом не только в прозе, но и в поэзии и в живописи [10, с. 3].

Форма жанровой сценки позволила Комарову создать в простых текстах образ народной культуры.

Так, например, стихотворение поэта «Трактор» (1927 г.) [7, с. 36] становится поэтическим рассказом о значительном событии в деревне — появлении «новой машины»:

К нам весной комсомолец Карцев
Первый трактор пригнал в село.
Всё село — от юнцов до старцев —
Разговоры о нём вело.

Выразительные средства в этом стихотворении создают колоритную картину деревенской жизни. Сказовые элементы организации речевого пространства «предоставили слово» героям «из народа», в отрывочных репликах дали образ народных представлений о счастье, о прошлом и настоящем. В стихотворении прослеживается развитие сюжетно-фабульной линии; реплики персонажей строятся с применением просторечия и экспрессивной лексики («Ну, конёк! Не конёк, а диво!», «пахать на таком — с руки», «Ажно сердце в груди замрёт», «Эх, и сила! — толпа кричала», «рванёт», «бойко», «ажно»); профессиональная лексика, связанная с крестьянским трудом («хомут», «удила», «пласт»), также способствует формированию наглядно-изобразительной картины из деревенского быта.

В стихотворении обозначены и ностальгические настроения персонажей, грусть по «живой» природе («Конь, конечно… Да конь не тот»). В генетической памяти крестьянина навсегда укоренены сокровенные воспоминания о тройке с бубенцами, от хода которой «ажно сердце в груди замрёт».

Жанровая сценка стала основой лирического сюжета в стихотворении «Деревенский спектакль» [7, с. 36–37]. Фабульной основой здесь выступают реалии культурного советского строительства, развернувшегося в первые годы советской власти. Для проведения масштабной культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы открывались избы-читальни, красные уголки, клубы — там проводились беседы и лекции, ставились спектакли, выпускались стенные газеты [14].

В стихотворении автор использует многочисленные детали, подчёркивающие атмосферу деревенского праздника («тесный зал», «шумная мелюзга», «подсолнечная лузга», «громкий смех», «ночные неутоптанные тропы», «комсомольский спектакль»).

Атмосферу происходящего передаёт система речевых средств: использование просторечий и разговорных слов, прямой речи («Ванька, Ванька-то, язви его, / Погляди — королём нарядился»). Автору важно показать эмоции актёров, когда они находятся в кульминационном моменте переживания: «Спор за сценой, и первый спектакль». Ведь эти строки передают волнение актёров, которым вот-вот выходить на сцену. Кольцевая композиция («Этот вечер запомнится так, / Как другие мы вспомнить не сможем») — приём, который часто используется Комаровым, ещё раз подчёркивает важность совершившегося события и особый трепет, с которым зрители, да и сами актёры отнеслись к спектаклю.

Во многих стихотворениях П. С. Комарова человек показан в единстве с природой, в гармоничных трудовых и семейных отношениях. Таковы идиллические сцены сельскохозяйственного труда: покоса («Сенокос», 1927 г.), где травы «встречают косарей *поклоном*» [7, с. 35], первой пахоты («Апрель», 1927 г.). Единство всего живого автор умеет воплотить в простых формах сюжетного стиха.

Так, стихотворение «Апрель» начинается с панорамного изображения, в котором река, земля, человек, небо, птица соединены в общей картине природы, пробуждающейся от зимнего сна:

На нашей речке — ледолом,
И первый трактор землю пашет,
И в небе трепетным крылом
Весёлый жаворонок машет. [7, с. 35]

В следующей строфе композиция меняется, раскрывая уже образ человека, передавая его личные ощущения: чувство радости от труда и единения с миром природы. В стихотворении дана картина динамичного, а не статичного состояния мира. Всё находится в движении: и льды на речке, и первый трактор, и весёлый жаворонок, и чувства героя стихотворения. Присутствие «индустриальной приметы» — трактора — не разрушает идиллической картины единства человека с землёй:

Вдаль загляделся тракторист:
Теплу апреля сердце радо,
И кажется, что песня птиц —
За добрый труд ему награда.

Эпитеты «трепетным крылом», «весёлый жаворонок», «добрый труд» передают радостное настроение природы и человека, которые объединяются в этом наслаждении первым теплом долгожданной весны.

Целостность социального и природного будет ведущей темой на протяжении всего творчества поэта.

Стихотворение «Сенокос» также воссоздаёт идиллическую картину гармонии мира и человека [7, с. 35]. Здесь тоже уже ощутима изобразительная конкретика — веду-

щая характеристика поэтического мира П. С. Комарова. Каждый представитель флоры и фауны имеет у поэта своё название (научное или народное), обрисован комплексом изобразительных средств:

Зацветает мышиный горошек,
И в метёлку выходит пырей.

Примером соединения пейзажной и социальной тематики может стать стихотворение «Тайга» (1932 г.) [7, с. 41], где поэт использует форму песни. Всё стихотворение строится на антитезе «прошлое — настоящее», выраженной лейтмотивом «где были трущобы — встают города». Неосвоенная природа с «куньими тропами» и «бездорожье вокруг» открывает свои просторы человеку — строителю нового мира. Стихотворение изобилует поэтической риторикой советской поэзии этого времени: «чтобы крепла советская власть», «Простое, как полдень, величие дел / Меняет и чувства, и облик людей», «громкая слава невиданных дней».

Мир природы в лирике П. С. Комарова выступает в единстве с миром людей: природа раскрывает всю свою красоту и богатство только тогда, когда одухотворяется творческой деятельностью человека.

Лирика сборника «У берегов Амура», вышедшего в 1940 году [9], даёт возможность проследить творческую лабораторию поэта. Книга получила весомую, можно сказать, государственную, поддержку критики: критик газеты «Правда» С. А. Трегуб (1907–1975 гг.) посвятил ей обширную статью, подчеркнув, что жизнь и творчество П. С. Комарова неразрывно связаны с природой Дальнего Востока и трудовыми делами дальневосточников.

Первый раздел сборника представлен преимущественно пейзажной лирикой; кроме того, все стихотворения в той или иной степени соотносят человека с миром природы. Это видно уже по названиям произведений: «В лесу», «Снегопад», «Девушка из лесной сторожки», «Баллада о зверолове», «Дальний берег», «Охотник», «Хехцир», «Ледоход на Уссури», «Рыболов», «Песня сплавщиков леса», «Озеро Ханка», «Зея», «Осыпаются листья и реже», «Мне всё знакомо здесь, у светлого ручья», «Весенний пал», «Сентябрь», «В степи».

С образом поступательно развивающегося времени у Комарова связана идея цивилизации и прогресса. Будучи поэтом советской эпохи, он, прибегая к поэтической риторике социалистического реализма, обращается к советской аксиоматике. Комаров воспевает социально-исторические достижения своего времени: дорогу, «по которой в тайгу / Молодые идут города» («Лувен») [7, с. 57], человека, выращивающего зерно, которое «будет диковинкой века / Пшеницею в рост человека» («Ботаник») [7, с. 58]; желает, чтобы «цвела и молодела / Год от году наша сторона» («Дальний берег») [7, с. 61].

В поэтической концепции «человек, природа, история» у Комарова важен образно-мотивный комплекс «преображённая природа-сад»:

И воспрянет природа,
Преображённая в сад. <…>
Выйдут жители в парк при заводе.
Им задумчивый тополь
Напомнит забытую быль…
(«Лувен») [7, с. 58]
Да белеют из тумана
Ветви яблонь у воды:
Это внуки атамана
Здесь раскинули сады.
(«Зея») [7, с. 60]

Обращение к образу сада было типично для советской поэзии. В лирике сталинского периода метафора «сад» призвана была показать достижения советского строительства; героем эпохи был человек-созидатель, преобразующий природное пространство в «сад»; утверждалась «дирижёрская» миссия человека в природе, использовалась тема «защиты» родины-сада и т. д. При этом воспевалась «не сакральная, духовная сущность сада, а его "материальность", отягощенность плодами, урожайность. <…> "чудесное" теперь являлось не проявлением мистического начала, а результатом человеческих усилий» [12, с. 25–26]. К образу «природа-сад» поэт будет неоднократно обращаться на всём протяжении своего творчества.

Поэтическая интуиция Комарова безошибочно угадывала неразрывную связь географического названия и истории. В стихотворении «Зея» (1938–1940 гг.) в видах речного пейзажа открываются события веков:

Не из царства ли Бохая,
В новый век устремлена,
Белой гривой полыхая,
По камням бежит она? <…>
Как по ней гребные кочи
Вёл Поярков-атаман. [7, с. 59]

С историей связан и образ Хехцира в одноимённом стихотворении: Хехцир (горный хребет) в поэтическом видении Комарова предстаёт в образе великана, обозревающего со своей высоты панораму долины: «охотничьи тропы», «сосны над ручьями», «могильные холмы», тайну которых он хранит.

Характерное для Комарова обогащение «социально-трудовой» тематики общечеловеческими смыслами обнаруживается в стихотворении «Песня сплавщиков леса» (другое название — «На плотах») (1935 г.) [7, с. 47]. Поэтика стихотворения отсылает к традиции фольклорных трудовых песен. Радость труда, состязание с водной стихией, красота физической силы и молодости плотогонов — вот простой и гармоничный мир «песни». Следует обратить внимание на то, что, не выходя из рамок «социальной» проблематики и воспевая коллективный труд плотогонов, произведение избегает каких бы то ни было идеологических «привязок», изображая гармонию труда и молодости.

Рефрен стихотворения «Следи, товарищ, за рекой — / Вдали водоворот», повторяясь трижды, выявляет свою потенциальную семантику — водоворот — как водоворот событий, и произведение в таком понимании содержит шутливое (исходя их общего эмоционального характера произведения) и одновременно серьёзное предупреждение о возможных жизненных водоворотах.

Уже в первом сборнике значимое место стал занимать лирический персонаж. В стихотворениях «Охотник» (1932 г.), «Лувен» (1938 г.), «Ботаник» (1938 г.), «Лесник» (1939 г.) это человек, неразрывно связанный с миром природы; в стихотворениях «Начало города» (1939 г.), «Озеро Ханка» (1939 г.) это современник, осваивающий социальный и природный мир.

Интересно обратить внимание на героя стихотворения «Лувен» [7, с. 57]. Создавая образ первопроходца — аборигена дальневосточной тайги, поэт не только называет реальные исторические имена, но и обращается к литературным типам. Так написано стихотворение «Лувен», герой которого — персонаж из повести Пришвина «Женьшень» (1933 г.):

Здесь, может быть, Лувен
Разыскивал корень женьшеня,
Петляя по тропам,
Знакомым ему одному.

Образ литературного персонажа Лувена сближается с образами реальных первопроходцев (географов, исследователей), известных и безымянных, и с образом лирического героя — и в таком контексте формируется целостный образ-мотив — человек, осваивающий первозданный мир природы. Имя Лувена в стихотворении приобретает обобщённый характер; интертекстуальные связи с повестью Пришвина позволяют не только осуществить художественный диалог, но и актуализировать архетипическое содержание образа литературного героя: Лувен — человек, слившийся с природой, образ органически близкий художественному мировосприятию П. С. Комарова.

В стихотворении «Охотник» (1932 г.) [7, с. 42] поэт создаёт образ аборигена дальневосточной тайги. К этой теме Комаров будет обращаться на всём протяжении своего творчества, развивая устойчивую для его художественного мира идею родства человека и природы. В стихотворении система эпитетов передаёт конкретность вещного мира, делает осязаемыми приметы чужой культуры. Создавая образ героя стихотворения — охотника Саура — и его конкретный вещественный мир, автор использует детали и атрибутику национального костюма («унты-скороходы из нерпичьих шкур», китайская трубка, нож). Перед читателем предстаёт картина идиллического мира, жизнь человека в гармонии с природой. В ритмике стихотворения угадывается фольклорно-песенная основа: различными ритмико-интонационными и языковыми средствами имитируется речитативно-интонационная структура песенного фольклора коренных народов Амура.

Олицетворение, передающее мифопоэтическое начало связи всего живого, выступает формой передачи ощущения целостности природного и человеческого мира, в частности: леса поют герою «лебединую песню» («Лувен»), травы приглашают к разговору («Ботаник»), рассказы реки о прошлом герой «слушал допоздна» («Зея»), долины встречают «криком журавлиным» («Дальний берег»), Хехцир передаёт свои слова через голос реки («Хехцир») и т. д. Все эти художественные приёмы подчинены конкретной задаче — отразить в стихах жизнь природы в её многообразном движении.

Особенностью лирического героя Комарова является его неразрывная связь с природным, социальным и историческим миром. Лирический герой поэта — носитель народного сознания; он открыт современности и истории, природе и социуму.

Главной темой творчества П. С. Комарова был Дальний Восток: экономическое и культурное преобразование жизни на Дальнем Востоке, история освоения Дальнего Востока, оборонная тематика, необыкновенная природа края. Оценивая эту сторону творчества поэта, критики подчёркивали, что лирика Комарова даёт представление о характере советского человека-труженика, воина, землепроходца, передаёт дух современности и прошлого, проникнута пафосом патриотизма и глубоким чувством единения с природой [3].

Оборонная тематика занимала важное место в творчестве писателей-дальневосточников. Это было обусловлено пограничным характером региона, который, уже начиная с отчётных записок первых первопроходцев, ощущался дальневосточным форпостом России. Укрепление и защита приамурских и тихоокеанских границ были приоритетной политической и экономической задачей советского правительства. В первом сборнике П. С. Комарова «У берегов Амура» эта тема находит воплощение в стихотворениях «Дорога на заставу» (1936 г.), «В дозоре» (1936 г.), «Запев» (1936 г.), «Часовой» (1937 г.), «Ушагоу» (1938 г.).

В оборонной лирике противопоставлены свои и чужие, утверждается зоркость пограничника:

Я снова свой пост измеряю шагами,
Чтоб шорох, чтоб сердца биенье услышать. [7, с. 53]

В стихотворении «Ушагоу» звучит тема «дружественного трудового Китая», угнетённого милитаристской Японией.

Многие стихотворения строятся в русле песенной поэзии, сохраняя песенную простоту формы и образности.

Качается в сёдлах
Лихой эскадрон. <…>
Весёлая песня
Летит, как привет,
И девушки всадникам
Машут вослед.
(«В степи», 1935 г.) [7, с. 46–47]

«Простое» стихотворение «В степи» оказывается ёмким в эмоциональном отношении, соединяя в одно художественное целое защиту рубежей, любовь, мирный труд:

Девчата поют
У дороги степной
И сено сгребают —
Копна за копной. [7, с. 47].

Воспевая гармоничный быт и гармоничную жизнь, песня по чистоте образов может быть сопоставима с всемирно известной «Катюшей».

В стихотворении «Дорога на заставу» (1936 г.) [7, с. 51] соединяются пейзажная зарисовка и жанровая сценка. Художественное пространство стихотворения формируется топографическими элементами: названиями русского села — «Полтавка» и маньчжурского города — «Санчагоу», реки — «Суйфун», образом плывущих на горизонте сопок, рефреном («Направо уходят сёла, / Налево уходят сёла») — все эти характеристики создают пространственную перспективу, рисуют традиционный для русского пространственного восприятия образ бескрайнего простора и дороги.

Поэтический словарь поэта наполняют советизмы («предколхоза»), элементы просторечия, особенно часто встречаются слова с экспрессивной окраской, передающие характер устной речи («Старуха сегодня, кстати, / Оладьями угостит», «Дорога на заставу», 1936 г.); лексика, связанная с географическими и культурными реалиями Дальнего Востока (прежде всего топонимика; слова оборонной тематики: «застава», «дозор», «эскадрон» и т. д.), — все они оказываются художественным средством для создания картины жизни и быта русского человека, дальневосточника, советской эпохи.

В своих стихотворениях поэт обращался к темам советского строительства, обороны и защиты рубежей, истории освоения Дальнего Востока и его богатой природы. Показывая неразрывное единство и красоту дальневосточной природы и русского человека, который на протяжении веков проявлял волю к освоению дальневосточного пространства, поэт напрямую выходил к вопросам русского национального характера, проявившего себя в освоении Дальнего Востока в историческом прошлом и в современности. Человек в поэзии Комарова является средоточием природного и социального мира, современности и прошлого.

Осмысление творчества Комарова даёт возможность заново открыть этого значительного поэта 30-х – 40-х годов XX века, почувствовать колорит его поэтического слова и увидеть глубину его поэтического природоведческого миросозерцания.

Список использованных источников

1. *Бойко, М. Н. Лирика Некрасова / М. Н. Бойко. — Москва : Худож. лит., 1977. — 118 с.*
2. *Бытовой жанр // Краткий словарь терминов изобразительного искусства. — Москва, 1961. — С. 24–26.*
3. *Вараксина, Л. Не только талант поэтический : [к 70-летию со дня рождения П. Комарова] / Л. Вараксина, А. Светачева // Дальний Восток. — 1981. — № 7. — С. 144–148.*
4. *Иванцов, Д. С. Феномен пролеткульта в культурно-историческом аспекте (на материалах Костромского края) : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Д. С. Иванцов ; Вят. гос. гуманитар. ун-т. — Киров, 2006. — 18 с.*
5. *Карпов, А. В. Феномен пролеткульта и парадоксы художественного сознания постреволюционной России / А. В. Карпов // Общество. Среда. Развитие. (TerraHumana). — 2011. — № 4. — С. 153–157.*
6. *Катеринич, В. Н. Перечитывая Комарова. К 100-летию со дня рождения поэта / В. Н. Катеринич. — Текст : электронный // Словесница Искусств. — 2011. — № 2 (28). — URL: https://www.slovoart.ru/node/939 (дата обращения: 09.09.19).*
7. *Комаров, П. С. Избранное / П. С. Комаров. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. — 256 с.*
8. *Комаров, П. С. Раздумье // Сочинения / П. С. Комаров. — Хабаровск, 1951. — С. 40–41.*
9. *Комаров, П. С. У берегов Амура : стихи / П. С. Комаров. — Хабаровск : Дальгиз, 1940. — 84 с.*
10. *Некрасова, Е. С. Социалистический реализм как культурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Е. С. Некрасова ; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2006. — 26 с.*
11. *Осьмухина, О. Ю. Сказ / О. Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 4. — С. 236–237.*
12. *Разумовская, А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / А. И. Разумовская ; [место защиты: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН]. — Санкт-Петербург, 2010. — 34 с.*
13. *Слонь, О. В. Жанр сценки в ролевой лирике Н. А. Некрасова и его композиционные особенности / О. В. Слонь // Вестн. Оренбург. гос. пед. ин-та. — 2006. — № 11. — С. 51–56.*
14. *Спешилова, Е. В. Деятельность сельских культурно-просветительских учреждений Приморья в 1923–1925 годах / Е. В. Спешилова // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — № 1. — С. 73–77.*
15. *Терехина, В. Н. Пролеткульт / В. Н. Терехина // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва, 2001. — Стб. 820–821.*
16. *Шестакова, Ю. А. Родник его поэзии / Ю. А. Шестакова // Комаров П. С. Избранное. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. — С. 5–34.*

Материал поступил в редакцию 07.10.2021.

Сведения об авторах:
Александрова-Осокина Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета, и. о. заведующего кафедрой (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: osokina-11@mail.ru; тел. 8-914-773-77-09.

Хуан Цзянь (黄健), старший преподаватель Института международного образования Цзямусского государственного университета (г. Цзямусы, КНР).
Контактные данные: e-mail: 58waiter@163.com.

КРАСОВСКАЯ СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА

ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК МЕЖДУ «УГЛОМ» И «ОВАЛОМ», ИЛИ ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ С ДВУМЯ ЭПИГРАФАМИ

Публикация посвящена проблеме поэтической идентичности Леонида Завальнюка. На примере одного стихотворения в статье проанализированы мировоззренческие установки и эстетические предпочтения автора в соотнесении с мейнстримными трендами эпохи хрущёвской оттепели; показана сложная неоднозначность отношения поэта к своему поколению, включённость его в один из глобальных мировоззренческих споров своего времени.

Ключевые слова: поэтическая идентичность, лирический субъект, поколение, литературное поле, официальная литература, массовая культура, неподцензурная литература, хрущёвская оттепель.

Keywords: poetic identity, lyric subject, generation, literary sphere, official literature, mass culture, Khrushchev Thaw.

В этом году Леониду Завальнюку могло бы исполниться 90, но вот уже 11 лет, как его нет с нами. Самое время поговорить о поэтической идентичности поэта[1], попытаться описать его место в истории.

Однако может ли одно произведение рассказать о «месте поэта в рабочем строю»? Наверное, не всегда и не каждое, но стихотворение Леонида Завальнюка, о котором пойдёт речь, — возможно. Вот оно:

Геометрическое

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!
П. Коган
Я с детства полюбил овал.
За то, что он такой законченный.
Н. Коржавин

Имея эллиптическую сущность,
Нельзя не натыкаться на углы.
Не потому нельзя, что невозможно,
А потому, что света нет без мглы.
Есть утренняя серая пора,
Есть пасмурные дни и вечера,
Но как-то забываем мы об этом,
Как и о том,
Что не единым светом
Жив человек.
И что б ни рисовала
Его рука,
Куда бы ни вела, —
Углы всегда лежат внутри овала,
Как сам овал всегда внутри угла.
Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж теменью и светом.
Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал… [4]

Своё стихотворение поэт предварил двумя эпиграфами — стихами, как мы сейчас понимаем, если не ключевых, то, пожалуй, символических фигур определённого периода XX века (нам необходимо уточнить, какого именно) — Павла Когана и Наума Коржавина. Предварил и тем самым вступил в диалог, очевидно важный для себя. Стихотворение явно содержит некую декларацию, разъяснение собственной позиции по отношению к тому, что кажется общим местом. Без сомнения, перед нами попытка мировоззренческой и эстетической самоидентификации поэта.

Завальнюк редко датировал свои стихотворения, его ранние сборники труднодоступны, поскольку выходили малыми тиражами в небольшом дальневосточном издательстве — в Благовещенске. Первый — «В пути» — увидел свет в 1953 году. За ним последовали и другие: «За отступающим горизонтом» (1956 г.), «Стихи о доме» (1958 г.), «На полустанке» (1958 г.), «Моя прописка» (1962 г.), «Лирика» (1963 г.). Первое московское издание — «Поле-половодье» — датируется 1965 годом. Несмотря на то, что начиная с 1975 года стихи и проза Завальнюка регулярно публикуются в хабаровском и центральных московских издательствах, сегодняшнему исследователю бывает трудно определить дату написания того или иного текста. Поэтому и дату «Геометрического» вычислить не так просто, тем более что возрастная идентичность поэта не считывается сразу. Однако небольшое расследование может помочь если не датировать текст, то предположить время написания стихотворения и тем самым продвинуться в осмыслении мировоззренческой и творческой позиции поэта, особенностей его диалога с эпохой и современниками.

Первый эпиграф — строки из стихотворения «Гроза» (1936 г.) Павла Когана (1918–1942 гг.), поэта-романтика, не успевшего повзрослеть, погибшего на войне. Стихотворение стало визитной карточкой поэта.

Гроза

Косым, стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далёко, может быть, в края,
Где девушка живёт моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.

1 «О поэтической идентичности говорят лишь тогда, когда в стихах непосредственно отражается взгляд на мир и поэзию, характерный для той части общества, к которой относит себя поэт. Поэт осознаёт свою принадлежность к некоторой общественной группе и регулярно говорит от её лица — так что его стихи благодаря выраженной в них идентичности образуют общий контекст с текстами других поэтов, проявляющих ту же идентичность» [8, с. 140].

И снова мир.
Как равнодушье, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
(20 января 1936 г.) [6]

По нему был назван первый сборник поэта — «Гроза», увидевший свет в 1960 году — в разгар хрущёвской оттепели. В лице Когана эпоха нашла своего героя. Поэт стал символом вернувшейся на короткое время революционной романтики, веры в идеалы революции. Взятые Завальнюком в качестве эпиграфа строки были своеобразным паролем для тех людей, большей частью интеллигентов, кому претил конформизм, кто мог бы причислить себя к нонконформистам, а позже и к диссидентам. В «Грозе» Когана шестидесятникам слышались отзвуки горьковских призывов: «Буря! Пусть сильнее грянет буря!» В противопоставлении гордого буревестника «жирному пингвину» и «глупым гагарам», «угла» — «овалу» читалось подспудно нарастающее напряжение в обществе, наконец-то вздохнувшем свободнее, чуть залечившем военные травмы, зажившем чуть комфортнее и благополучнее. Уже не все могли бы с лёгкостью подписаться под сакраментальным «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей», и, очевидно, немногие были готовы расстаться с надеждой на социальный успех, пожертвовать дорогой ценой доставшимся благополучием ради верности идее, начинавшей восприниматься как несбыточная мечта. Но были и отчаянные романтики, сохранявшие веру в идеалы свободы и братства. Другое стихотворение Павла Когана — «Бригантина» — фактически стало их гимном:

Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют [5].

Симптоматично, что очень скоро «Бригантина» стала чрезвычайно популярной песней и переместилась в поле массовой культуры. В разговоре о Завальнюке отметить это важно вдвойне — ведь Леонид Андреевич сам по переезде в столицу стал поэтом-песенником, чьи песни исполняли самые популярные в то время певцы[2]. Правда, зашёл он на это поле с «другой стороны» — с парадного официального входа. Противостоянье «яростных» романтиков/пиратов/рыцарей, сражающихся за идею, и мирных обывателей, стремящихся к спокойной жизни у домашнего очага, было частью остающегося поляризованным массового сознания и во многом определяло поведенческие модели. Молодого интеллигента той поры не удовлетворяло «и снова тишь, и снова мир», он заявлял: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал».

О том, насколько остро воспринималось противоречие между любителями «углов» и «овалов», можно судить по роману Даниила Гранина «Иду на грозу» (1962 г.) и по популярности снятого по нему в 1965 году одноимённого фильма. Герои — два подающих надежды молодых физика (после космонавта, пожалуй, самая романтическая профессия 60-х годов) Сергей Крылов и Олег Тулин со студенческой скамьи изучают физику грозы. В духе революционных романтиков 1920-х годов друзья мечтают научиться управлять природой. Но постепенно их пути расходятся: Олег готов пойти на компромисс, поступиться принципами ради успеха, а Сергей считает, что истина дороже.

Поэтическим голосом поколения «отчаянных» романтиков 1960-х, безусловно, стали Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко. Завальнюк учился с ними в Литературном институте имени М. Горького в одно время (он поступил туда в 1957-м, а закончил заочно в 1960-м). Но был ли вместе с ними? С 1964 года он жил в Москве и, надо полагать, имел возможность, как сейчас принято говорить, быть в тренде, в сердцевине лирического потока и оттепельного литературного процесса. Возможность быть имел, но был ли?

Я не первая, кто задаётся этим вопросом. В довольно обстоятельной, хотя и не бесстрастной статье, предваряющей сборник избранных стихотворений разных лет «Всё с вами, но не ваш…», её автор — Александр Белый, наверное, впервые попытался разобраться в тех непростых отношениях, что связывали (или не связывали) поэта со своими современниками. В его поле зрения попали не только литературные факты, но и любопытные свидетельства современников поэта, его друзей. Воспроизведу одно из них, принадлежащее Юрию Кочеврину, экономисту и социологу: «Леонид Завальнюк выпадал из общей картины своего поколения, его эстетики, его образной системы. Не потому, что он был выше или ниже своего поколения или своих предшественников. Он принадлежал к иной “эстетической конструкции”, и ему было неловко среди своих современников. Впрочем, как и им было неловко с ним» [Цит. по: 1].

Однако современниками Завальнюка были не только «эстрадные» поэты. Второй эпиграф к «Геометрическому» — строки из стихотворения Наума Коржавина (1925–2018 гг.) «Меня, как видно, Бог не звал…»:

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.
П. Коган

Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы

2 Леонид Завальнюк — автор нескольких десятков песен, которые в своё время исполняли Сергей Таюшев и Татьяна Рузавина, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев и др.

И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы, и все печали,
И всех противоречий вал
Я тем больнее ощущаю,
Что с детства полюбил овал.
(1944 г.) [7]

Даже если бы стихотворение не было бы предварено эпиграфом, совершенно очевидно, что стихотворение отсылает именно к «Грозе» Когана. Очевидно и то, что первые строчки звучат иронично-вызывающе. Лирический субъект утверждает своё право любить овал, противопоставляя его целостности и гармоничности угловатую дисгармонию мира. Однако, несмотря на видимую полемику с предшественником, Коржавин обнаруживает с ним родственность внутреннего чувства неудовлетворённости миром. Его лирический субъект, пусть и по другому поводу, но так же противопоставляет себя миру, как и субъект Когана.

Стихотворение написано в 1944 году, но прочитать его Завальнюк мог, кажется, не раньше 1963-го[3]. Именно тогда вышел первый и единственный легально опубликованный в СССР сборник Коржавина «Годы». Правда, и в 1950-е, и в 1960-е стихи Коржавина активно распространялись в самиздате. Теоретически Леонид Андреевич мог читать стихотворение и раньше 1963-го, но вряд ли: его юность и молодость проходили вдали от столиц, где чтение самиздата было привычной практикой среди интеллигенции.

В 1964-м Завальнюк переехал в Москву, и здесь до него уже могли дойти самиздатовские тексты. Так или иначе, к середине 1960-х Завальнюк уже наверняка прочёл и Когана, и Коржавина. Возможно, и своё «Геометрическое» поэт написал тогда же — в 1965–1966-м, когда Коржавин выступил в защиту Юлия Даниэля и Андрея Синявского, правозащитников Юрия Галансков и Александра Гинзбурга[4]. Это были громкие дела и выступления, имевшие большой резонанс в писательской среде. Не слышать, не думать о них, наверное, Завальнюк не мог. Его «Геометрическое» можно прочитать как попытку осмыслить собственное отношение к вновь разворачивающемуся на его глазах вечному поединку между «светом» и «тьмой».

Первое, что обращает на себя внимание в стихотворении, — лирический субъект без возраста, точнее, в трудно определяемом возрасте. С одной стороны, есть ощущение «высоты» прожитых лет, с которой лирический субъект заявляет:

Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал…

и поучает:

Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж теменью и светом.

Так, наверное, мог бы написать пожилой поэт, пересматривающий привычное отношение к каким-то важным темам и суждениям, анализирующий общечеловеческие ценности или ценности поколения, подвергающий их проверке. Но проведённое расследование контекста почти не оставляет сомнений в том, что Завальнюку в момент написания стихотворения едва ли было больше 37 лет. Истории известно множество случаев, когда поэт развивает в себе идентичность пожилого человека, по факту не будучи им.

Так, Пушкин писал на 31-м году жизни:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
(«Элегия», 1830 г.) [9]

Есенин — на 26-м году:

Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком
<…>
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль.
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.
(«Отговорила роща золотая…», 1924 г.) [3]

Выстраивая таким образом свою возрастную идентичность, Завальнюк отстраняется от «вечно молодых» поэтов своего поколения. При этом Вознесенский — 1933 года рождения, то есть всего на два года моложе Завальнюка; Евтушенко — 1932-го (по паспорту — 1933-го). Отделяясь от поколения, поэт отделяет себя и от его ценностей. Противопоставление «овала» «углу» Когана используется здесь как хорошо узнаваемый маркер мировоззренческих и эстетических предпочтений поколения шестидесятников. Красной линией здесь становится максимализм отрицания повседневности, романтизация идеи революционного об-

3 Справедливости ради надо вспомнить, что впервые стихотворение было напечатано в альманахе «Тарусские страницы» в 1961 г. Мог ли читать его Завальнюк? Неизвестно. Вероятность есть, но не велика.

4 Выступления Коржавина привели к фактическому запрету на публикацию его произведений и, в конечном итоге, к эмиграции в 1973 г. В 1973 г., после допроса в прокуратуре, Коржавин подал заявление на выезд из страны, объяснив свой шаг «нехваткой воздуха для жизни». Эмигрировал в США, где продолжил литературную деятельность. В 1976 г. во Франкфурте-на-Майне вышел сборник его стихов «Времена», в 1981 г. там же — сборник «Сплетения».

новления, бунтарский дух. Возьмём для примера «геометрические» стихи Андрея Вознесенского — фрагмент из «Параболической баллады» (1959 г.):

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке и реже — по радуге.
Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом — торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра,
Он дал кругаля через Яву с Суматрой!
Унёсся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жён, духоту академий.
Он преодолел тяготенье земное.
Жрецы гоготали за кружкой пивною:
«Прямая — короче, парабола — круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи?»
А он уносился ракетой ревущей
Сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой гневно пробив потолок!
Идут к своим правдам, по-разному храбро,
Червяк — через щель, человек — по параболе [2].

«Овал» и «угол» трансформируются у Вознесенского в «прямую» и «параболу». Разумеется, «парабола — круче». Лирический субъект без тени сомнения, но с явной иронией декларирует: «Идут к своим правдам, по-разному храбро, / Червяк — через щель, человек — по параболе». Державинская максима «Я царь — я раб — я червь — я бог», постулирующая неоднозначную сложность человеческой природы, у Вознесенского сводится к противопоставлению и упрощению. В стихотворении легко определяются романтические клише конца 1950-х – 1960-х годов: антитеза художник-творец — обыватели-«жрецы»; творчество — «сумасшествие денег», «кудахтанье жён», «духота академий»; наука — религия; официальное «музейное» искусство — неформальное творчество площадей.

Чёрно-белой графике Когана и Вознесенского Завальнюк противопоставляет растушёванную картину в сером цвете со стёртыми углами, увиденную сквозь иную оптику — взглядом мудреца из народа:

Есть утренняя серая пора,
Есть пасмурные дни и вечера,
Но как-то забываем мы об этом,
Как и о том,
Что не единым светом
Жив человек.
И что б ни рисовала
Его рука,
Куда бы ни вела, —
Углы всегда лежат внутри овала,
Как сам овал всегда внутри угла.

Фольклорная мудрость «Не хлебом единым жив человек» — о том, что человеку следует не только интересоваться материальными благами, но и жить духовной жизнью, — оборачивается у Завальнюка по фольклорной же логике мыслью про то, что жить исключительно «светом» — тоже не совсем правильно. В человеке, как и в природе, уживаются «свет» и «тьма», «угол» и «овал», а тело и душа неразделимы:

Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж теменью и светом.
Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал…

По-своему отвечает Завальнюк и второму участнику поэтического диспута. Жалоба лирического субъекта Коржавина на острые углы, которыми его встречает мир, не находит отклика у Завальнюка. «Свободная вещь», — так сказал бы Платонов. «Привычное дело», — сказал бы Белов. «Имея эллиптическую сущность, / Нельзя не натыкаться на углы», — говорит Завальнюк. Признание за миром права быть несовершенным, в том числе и жестоким — кажется, так можно сформулировать пафос лирического обращения поэта к своим невидимым собеседникам. Ему одинаково чужды романтический нигилистический бунт, которым было охвачено его поколение, и самоощущение жертвы, иногда свойственное людям постарше, пережившим репрессии и войну. На первый план выходит не сочувствие, но назидание, суть которого можно передать, наверное, так: «Смирись, гордый человек, перед сложной неоднозначностью мира». Лирический субъект не сочувствует ни себе, ни своим собеседникам. Стих лаконичен, пожалуй, что аскетичен, стремится к афористической ёмкости и смысловой закруглённости. И в этом тоже можно усмотреть сепарацию от изощрённой, цветистой поэтики знаменитых современников. Это наблюдение навело исследователя на мысль о «принципиальном изменении культурной ориентации» поэта. «“Эстетическая конструкция” Завальнюка располагается в поле демократической (в бахтинском смысле) культуры, которая и приняла на себя нагрузку высокой», — пишет А. Белый [1].

Соблазн согласиться велик. Однако стоит заметить, что если и говорить о расположении поэзии Завальнюка в поле демократической культуры, то не в бахтинском смысле — карнавальность, амбивалентность, маргинальность, провокационность не были свойственны поэту и его произведениям. В этом поле существовали совсем другие персонажи отечественной неподцензурной поэзии: И. Холин, Я. Сатуновский, Вс. Некрасов, Вен. Ерофеев, например. По парадоксальной логике советского быта и бытия

поэзия Леонида Завальнюка располагалась в том же поле официальной поэзии, что и поэзия тех современников, от которых он стремился отделиться, но только на другом его конце. И связывала их не столько сила притяжения, сколько сила отталкивания друг от друга. Но тем не менее вместе они определяли интересный, сложный, неоднозначный ландшафт отечественной официальной, или подцензурной, поэзии второй половины XX столетия.

Список использованных источников

1. *Белый, А. «А без корней я — древесина…» / А. Белый. — Текст : электронный // Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш…». Избранное. — Москва, 2019. — URL: https://mybook.ru/author/leonid-zavalnyuk/vsyo-s-vami-no-ne-vash-izbrannoe/read/ (дата обращения: 20.10.2021).*
2. *Вознесенский, А. А. Параболическая баллада // Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе / А. А. Вознесенский. — Москва, 2012. — С. 7–8.*
3. *Есенин, С. А. Отговорила роща золотая… // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. / С. А. Есенин. — Москва, 1961. — С. 173–174.*
4. *Завальнюк, Л. А. Геометрическое / Л. А. Завальнюк. — Текст : электронный // РуСтих. Стихи классиков. — URL: https://rustih.ru/leonid-zavalnyuk-geometricheskoe/ (дата обращения: 20.10.2021).*
5. *Коган, П. Бригантина / П. Коган. — Текст : электронный // Русская поэзия. — URL: https://m.rupoem.ru/poets/kogan/nadoelo-govorit-i (дата обращения: 20.10.2021).*
6. *Коган, П. Гроза / П. Коган. — Текст : электронный // Онлайн-Читать.РФ : онлайн библиотека русской классической литературы. URL: https://онлайн-читать.рф/коган-гроза/ (дата обращения: 20.10.2021).*
7. *Коржавин, Н. Меня, как видно, Бог не звал… / Н. Коржавин. — Текст : электронный // 45-я параллель : Интернет-альманах. — URL: https://45parallel.net/naum_korzhavin/menya_kak_vidno_bog_ne_zval.html (дата обращения: 20.10.2021).*
8. *Поэзия : учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин [и др.]. — Москва : ОГИ, 2016. — 883 с.*
9. *Пушкин, А. С. Элегия // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Стихотворения. Сказки. Поэмы / А. С. Пушкин. — Москва, 1936. — С. 120.*

Материал поступил в редакцию 21.10.2021.

Сведения об авторе: Красовская Светлана Игоревна, доктор филологических наук, профессор, преподаватель кафедры словесности Лицея Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
Контактные данные: e-mail: skrasovskaya@mail.ru.

ГОРЕВОЙ ИГОРЬ ГЕННАДЬЕВИЧ

ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Материал приурочен к 90-летию со дня рождения поэта и прозаика Леонида Андреевича Завальнюка (1931–2010 гг.). Автор рассказывает о ряде беспрецедентных для Приамурья и Дальнего Востока в целом проектов, воплощённых им совместно с Натальей Марковной Завальнюк, вдовой поэта, посвящённых не только мемориализации наследия Л. А. Завальнюка, но также и нанесению Благовещенска на литературную карту России через его творчество.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, Благовещенск, Приамурье, литературная премия.

Keywords: Leonid Zavalnyuk, Blagoveshchensk, Priamur Region, literary prize.

Я не являюсь ни писателем, ни исследователем литературы, и даже чтение моё довольно нерегулярное и бессистемное. Вряд ли можно меня причислить к сообществу людей, сделавших книгу своей профессией, умеющих свободно толковать об авторах и сличать повороты их биографий с судьбами героев. Но я услышал давно и запомнил одну мысль, показавшуюся мне абсолютной истиной. Существует два мира — реальный и литературный. И если реальная территория не описана литературно, не населена героями и сюжетами, полюбившимися миллионам, то она так и остаётся недоосвоенной, малоизвестной и малопривлекательной. Духовное белое пятно…

Золотая лихорадка. Аляска и Дальний Восток. В детстве мы жадно читали Джека Лондона, смотрели «Смок и Малыш», подпевали с горящими глазами: «Люди золота жаждут, / Чтоб его тратили. Вечно в мире суровом / Бродят старатели», и не знали, что у нас по притокам Амура в то же самое время бушевали не меньшие страсти.

Вот сила литературы! Вот оно со всеми своими резкими контурами — литературное белое пятно!

Завальнюка мне довелось увидеть лишь раз. Он поднимался по лестнице, я спускался. Я узнал его, поздоровался. Он ответил. Это было в 2004-м. Я занимался бизнесом, потом госуправлением и, в общем, по своим повседневным занятиям вращался в мире рационального и понятного. И только через девять лет, уже после его смерти, произошла цепь случайностей, которая дала моей жизни совсем неожиданный поворот.

18 марта 2013 года я появился на пороге московской квартиры Завальнюков. Намерения мои были туманны, планов не было вовсе. Уже почти целый месяц я был уверен только в одном: Завальнюк — самый большой поэт и мыслитель, горячо любивший Приамурье и всю жизнь возвращавшийся к нему.

…Москва, чудесная Москва,
Ликующее чудо!
Но я по сути естества,
Должно быть, не оттуда.
Бежать, бежать!..
И я бегу,
И я спешу устало
К далёкой этой стороне,
Что выпала случайно мне
И вот — моею стала…
Я прожил здесь пятнадцать лет,
Весёлых и печальных.
Они ушли, давно их нет,
Но тихий шелест этих лет —
Как крылья за плечами.

(Поэма «Осень в Благовещенске») [2, с. 21]

И вот я в доме поэта. Немного освоившись, начинаю набрасывать идеи, как можно было бы вернуть Завальнюка городу. И когда Наталья Марковна, его жена, долго остававшаяся в стороне от застольного разговора, как бы присматриваясь к странному гостю, неожиданно и громко спросила меня: «Скажите, а зачем вам всё это надо?», ответить было уже нетрудно: «Благовещенск на литературной карте — белое пятно. Завальнюк может вписать его в эту карту». Такое рациональное распоряжение духовным, показалось ей, математику и музе поэта, близким к истине. Вскоре мы стали друзьями. Тогда же, в самый первый вечер, за чаем и тирольским пирогом родились идеи, которые воплощались в жизнь в последующие годы.

СПРАВКА

20 октября 2021 года исполнилось 90 лет со дня рождения Леонида Андреевича Завальнюка (20 октября 1931 г., Умань – 7 декабря 2010 г., Москва) — поэта, писателя, сценариста. Он родился на Украине, учился в Сибири, служил в армии на Дальнем Востоке. Здесь, в Благовещенске, началась его творческая биография. В Благовещенке и Хабаровске вышли первые из более 40 его поэтических сборников. Переехав в Москву в середине 1960-х, Завальнюк так и не смог оторваться от ставшего ему родным Дальнего Востока, по сути живя на два города. В течение 40 лет он почти каждый год возвращался в Благовещенск, здесь написаны многие его произведения.

Автор стихов более чем к полусотне популярных песен композиторов Ю. Саульского, П. Аедоницкого, Л. Лядовой, Б. Емельянова, А. Зацепина, Е. Птичкина, Д. Тухманова и других. За песни, написанные в соавторстве с Ю. Саульским, он неоднократно удостаивался звания лауреата телевизионного фестиваля «Песня года» (1979 г.: «Не покидает нас весна» — в исполнении Иосифа Кобзона; 1980 г.: «Ожидание» — в исполнении Софии Ротару; 1981 г.: «Осенняя мелодия» («Звенит высокая тоска…»), 1982 г.: «Обида» — в исполнении Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева; 1983 г.: «Счастья тебе, Земля!» — в исполнении Софии Ротару; 1986 г.: «Сожалею» — в исполнении Валерия Леонтьева).

Леонид Завальнюк писал сценарии к мультфильмам и художественным фильмам. В мультипликации сотрудничал с режиссёрами Л. И. Мильчиным, Ю. А. Прытковым и другими.

В 1966 году по повести Л. Завальнюка «Дневник Родьки Муромцева — трудного человека» был снят кинофильм «Человек, которого я люблю» с Георгием Жжёновым в главной роли.

Увлекался живописью. Его живописные работы находятся в частных коллекциях в России, Англии, Италии, Финляндии, США [4].

Завальнюк увлекался живописью, писал картины в жанре монотипия.

— А давайте возьмём 100 стихов и 100 картин и попытаемся подобрать одно к другому?

— Отличная идея! И назовём книгу «Слово и цвет. 100 стихов, 100 картин».

Через год наш литературный альбом вошёл в топ-10 Московской международной книжной ярмарки.

— Наталья Марковна, а ведь сохранилась квартира Завальнюка в Милицейском переулке, в этом дворике жили персонажи «Дневника Родьки». Может быть, там музей нужно сделать?

— Понимаешь, я боюсь, что вы потратите большие деньги, сделаете музей, а в него не будут ходить. В Москве немало таких примеров. Нужно что-то поживее музея…

— Литературная премия, например?

— Вот эта идея очень хорошая. Понимаешь, она как бы не совсем про Завальнюка. Она для всех. Лёня был бы очень рад, если бы его имя способствовало литературной жизни, поощряло людей, подбадрива-

На выставке картин Леонида Завальнюка. Наталья Марковна Завальнюк даёт интервью телеканалу «Альфа-канал». Амурский областной краеведческий музей, май 2015 года.

СПРАВКА

Лауреат литературной премии имени Леонида Завальнюка 2019 года Валентина Кобзарь.

Литературная премия имени Леонида Завальнюка присуждается с 2016 года.

Основными целями премии являются поддержка талантливых авторов, связанных своим творчеством с Приамурьем, повышение интереса к историко-литературному наследию Амурской области и увековечение памяти о поэте Леониде Завальнюке.

В 2016–2019 годах её лауреатами становились известные амурские писатели Владислав Лецик, Александр Маликов, Николай Левченко, Валентина Кобзарь. В первые два года премия присуждалась в номинации «Творческая молодость», её победителями стали Анна Синякова (посмертно) и Ярослав Туров. В номинации «Лучшее произведение в поэзии» в 2018 году победила Ирина Вакуленко.

С 2017 года вручаются награды в номинации «За вклад в популяризацию и изучение творчества Леонида Завальнюка и (или) литературы Приамурья»; лауреатами становились доктор филологических наук, профессор Александр Урманов (Благовещенский государственный педагогический университет) — за возвращение современному читателю творческого наследия поэта начала XX века Фёдора Чудакова, и доктор филологических наук Александр Белый (г. Москва) — за серию литературоведческих статей о творчестве Леонида Завальнюка.

В 2019 году в номинации «За общий вклад в культуру Приамурья» лауреатом стал поэт и прозаик Игорь Игнатенко, 17 лет руководивший Амурским отделением Союза писателей России. Призом читательских симпатий был отмечен спектакль «Счастливые люди» Павла Рукавицына, а также Евгения Кретова за роман «Навигатор из Нерюнгри».

Лауреат в номинации «Поэзия» литературной премии имени Леонида Завальнюка 2020–2021 годов Ольга Крутикова.

Из-за сложной эпидемиологической ситуации премия в 2020 году не присуждалась. Поэтому в 2021 году жюри рассматривало заявки, поданные в течение двух лет. Лауреатами премии 2020–2021 годов стали Галина Одинцова, Ольга Крутикова и Сергей Зражевский.

ло. Он знал, как это важно, особенно в самом начале творческого пути.

— Мы скоро открываем мемориальную доску Завальнюку. Вы просто обязаны там быть. Тем более что это будет целая неделя мероприятий под общим названием «Леонид Завальнюк. Возвращение». Выставка картин (мы специально для неё ремонтируем зал и оснащаем его современным освещением), спектакль по мотивам его произведений в драмтеатре, заключительный вечер его поэзии и песен на самой большой площадке Приамурья. Неужели вам не хочется через полвека снова оказаться в городе Завальнюка?!

Церемония открытия мемориальной доски Леониду Завальнюку в г. Благовещенске. 18 мая 2015 года.

— Хочется! Очень хочется! Но посмотри на меня. Мне 77 лет. Такие перелёты….

Она стойко выполнила всю программу, посетила все мероприятия, встречи. И вот мы сидим с ней на огромном бревне на берегу Зеи. Она смотрит на воду. Долго молчит. Это потом, уже в Москве, она назовёт это молчание минутами счастья. А там, на берегу, она оборачивается ко мне и спрашивает:

— Что же дальше?

— Дальше у нас завтра большой концерт…

На берегу Зеи: что же дальше?

— Нет, я не про завтра. Я вообще.

И мы начинаем обсуждать с ней идеи новых книг, сценарии для театра и кино, полное собрание сочинений...

До её смерти в декабре 2018-го мы успеваем издать ещё несколько сборников произведений Завальнюка: «Пророка жду», «Токи души», найти в архивах семьи Арбузовых сценарий пьесы «Счастливые люди» и увидеть её на сцене Амурского театра драмы.

Она ещё успела принять участие в составлении большого сборника «Всё с вами. Но не ваш...». Его идея возникла и была воплощена доктором филологических наук Александром Андреевичем Белым. Им также было написано несколько исследовательских статей по творчеству Леонида Андреевича. Свою литературную премию за эти работы он получал в Москве, в доме поэта.

— Знаешь… когда я умру… если там что-то есть и мы встретимся с Лёней, я дам тебе знать.

— Да у нас ещё лет на 10 работы с вами, куда вы там собрались? — пытаюсь перевести в шутку. — И потом, как это, интересно — телеграммой или СМС пришлёте?

Она пропускает шутки мимо, смотрит на меня пристально.

— Я пока не знаю как. Но ты поймёшь.

Прошло полгода. 2 января 2019-го я лечу в Москву на её похороны. Промежуточная посадка в Новосибирске. Звонит телефон.

— Ой, ну наконец-то я до вас дозвонилась! Вы меня узнаёте?

Лет 10 назад по работе я помог этой старушке. Уже тогда она была древней, ковыляла с палочкой. С тех пор ничего о ней не слышал и был удивлён, что она жива да ещё и в таком добром здравии. Было приятно, что на новогоднем веселье ей захотелось меня поздравить.

— Ой, а можно я для вас песню спою?

— А, давайте, Антонина Михайловна!

— Рідна мати моя, ти ночей не доспала,

Ти водила мене у поля край села,

І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала…

Искреннее, неожиданно свалившееся на меня движение чужой души, украинская мягкость, напевность, пронзительные слова. Она заканчивает последний куплет.

— Так вы с Украины?

— А як же! — переходит на родной язык старушка.

— Так и мои предки с Украины! А вы откуда?

— С Черкасской.

— Так и мои с Черкасской, с Канева, слышали? А вы где родились?

— Так рядом же. Я из Умани.

— Из Умани... Из Умани… Так Завальнюк ведь тоже из… — пытаюсь понять я смысл происходящего.

— Да-да, из Умани, из Умани я! Недалеко от вашего Канева! — Почти кричит в трубку весёлый голос.

«Я пока не знаю как. Но ты поймёшь», — звучит во мне другой голос.

Гол лежанки серый камень.
Пол исхожен пауками...
Здравствуй, друг мой —
Старый сад!
Перелёт — перенесенье:
Я вхожу в пустые сени,
В стог подгнивший,
В стон осенний,
В тыщу лет тому назад…
Я здесь жил — душа росла,
Я здесь жил — душа томилась.
Неба чернь в ушат вломилась.
Зачерпну, попью, воскресну,
Зачерпну, попью, забуду
День и час: куда спешить!
Я здесь жил, живу
И буду
Долго, долго буду жить.
(«Гол лежанки серый камень…») [3, с. 100]

Несмотря на проявления необъяснимого, я остаюсь реалистом. И понимаю, что традиционная литература и поэзия, какими они были на протяжении многих столетий, нужны всё меньшему числу людей. Новые технологии рождают новые жанры, новые скорости убивают размеренность и вдумчивость, глобальная жизнь на показ трансформирует ценности.

Так нужно ли продолжать вручение литературной премии? Кому и зачем требуются сегодня коллективные мероприятия, совместные усилия, субъективные оценки

Оркестр под управлением Анатолия Хопатько и артисты Центральной детской школы искусств на 5-й церемонии награждения. 17 октября 2021 года.

Председатель жюри А. В. Урманов. 5-я церемония награждения, 17 октября 2021 года.

жюри, если Интернет окончательно закрепил победу индивидуализма и алгоритмов? Популярный аккаунт мгновенно и без усилий собирает большую целевую аудиторию. Нужна ли теперь обычная, деревянная сцена самим литераторам, людям, стремящимся стать писателями и поэтами?..

Даже после 5-й церемонии награждения, которая состоялась 17 октября 2021 года, у меня нет ответов и я всё ещё сомневаюсь, что мы идём в правильном направлении. Но мы идём.

***

Евгений Евтушенко, поэт: «Леонид Завальнюк не только был моим близким другом, но и одним из самых самобытных поэтов, дополняющих свои стихи самобытными живописными домысливаниями» [3, с. 2].

Алексей Арбузов, драматург: «Леонид Завальнюк… Где-то слышал эту фамилию, но в каком контексте? Читаю стихи. Раз, другой — и просто дивлюсь, до чего хороши. Удивительно, что стихи эти попались мне в последний день года, окрасив его богатым разноцветьем своих поэтических интонаций» [3, 4-я обложка].

Паола Волкова, советский и российский искусствовед, историк культуры, заслуженный деятель искусств РСФСР: «Завальнюк большой и очень национальный поэт… Поэт очень глубокий, очень интересный и прекрасный в чтении. А его почти никто не знает. В чём дело-то, почему? Он не был ни на кого похож» [5].

Александр Белый, доктор филологических наук, пушкиновед: «Он [Завальнюк] — поэт не местного значения, а первого ряда русской поэзии. О нём нужно говорить столь же серьёзно, как о Пушкине и Лермонтове. Посему одна из первых задач российского культурного сообщества — вернуть Завальнюка в большую литературу» [1].

Список использованных источников

1. *Александр Белый: Леонид Завальнюк — это поэтическая Атлантида // А. Белый ; интервью Н. Наделяевой. — Текст : электронный // Amur.info / ООО «Амур Медиа Консалтинг». — Благовещенск, 2002–2021. — URL: https://www.amur.info/culture/2016/10/31/6928 (дата обращения: 10.10.2021).*
2. *Завальнюк, Л. А. Осень в Благовещенске. Поэма / Л. А. Завальнюк. — Москва : ОАО «Типография “Новости”», 2011. — 128 с.*
3. *Завальнюк, Л. Слово и цвет : сто стихов — сто картин / Л. Завальнюк. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. — 208 с.*
4. *Завальнюк, Леонид Андреевич. — Текст : электронный // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Завальнюк,_Леонид_Андреевич (дата обращения: 10.10.2021).*
5. *Наблюдатель. Жизнь и поэзия Леонида Завальнюка. — Изображение (движущееся) : видео // YouTube. Телеканал Культура. Запись от 5 марта 2013 г. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=X0DmMZPaGbA (дата обращения: 10.10.2021).*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 15.10.2021.

Сведения об авторе: Горевой Игорь Геннадьевич, учредитель литературной премии имени Леонида Завальнюка (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: green34@inbox.ru; тел. 8-914-538-13-45.

РУБАН НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В 1950-Е – 1960-Е ГОДЫ

Статья посвящена деятельности православной церкви в Хабаровске и Хабаровском крае в годы, совпавшие с хрущёвской антирелигиозной кампанией, а также особенностям отношений властных структур и церкви. Обобщены и проанализированы статистические данные о деятельности православных приходов и общин края.

Ключевые слова: православная церковь, антирелигиозная кампания, уполномоченный по делам религии, приходы и общины.

Keywords: Orthodox Church, anti-religious campaign, religious commissioner, parishes and communities.

В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы в Советском Союзе властями были приняты некоторые послабления в отношении православной церкви, связанные с необходимостью духовного объединения народа в этот сложный период. Но с началом правления Н. С. Хрущёва на посту генерального секретаря ЦК КПСС была возобновлена активная антирелигиозная кампания. Существуют различные взгляды на причины хрущёвских гонений на церковь, но одними из главных отмечают отрицание Хрущёвым сталинской политики по стабилизации церковно-государственных отношений в 1943–1953 годах и связанную с этим возросшую религиозность советских людей. Период с 1953 по 1964 год стал наиболее тяжёлым для религиозных организаций в СССР после войны, одной из мрачных страниц в нашей истории.

В 1954 году вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», в котором отмечалось оживление деятельности церкви и различных религиозных сект и рост числа граждан, отправляющих религиозные обряды. В связи с этим партийным, комсомольским организациям, Министерству просвещения и профсоюзам предписывалось проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям» [5, с. 502–505]. На деле эта борьба вылилась в наступательную пропагандистскую деятельность и активное преследование духовенства и верующих, выражающееся в отказах в приёмах на работу и в учебные заведения, увольнениях, изъятии детей из семей верующих, закрытии храмов и приходов, увеличении налогового бремени, лишении льгот и проч.

Не обошли эти события и православные приходы Хабаровского края. Временно управляющим Хабаровской и Владивостокской епархиями с 1958 по 1973 год был архиепископ Иркутский и Читинский Вениамин (Новицкий). Воспитанник Минской духовной семинарии, он многие годы преподавал в Варшавском университете и Лаврской монашеской школе в Успенской Почаевской лавре. Организовывал православные хоры в Почаевской лавре, в Остроге, Львове и других местах, что оказало положительное влияние на местное униатское население. Вместе с архимандритом Пантелеимоном (Рудыком) основал миссионерскую школу по подготовке кадров для просвещения униатов. Будучи в 1941–1942 годах епископом Пинским и Полесским, викарием Волынской епархии, во время оккупации Украины немецкими войсками, несмотря на давление националистов, владыка вошёл в состав Украинской автономной церкви, канонически связанной с Московским патриархатом, и призывал верующих хранить верность матери-церкви. В 1944 году был арестован по обвинению в связях с немецко-фашистскими захватчиками и до 1956 года отбывал наказание в лагерях на Колыме [2].

Архиепископ Вениамин возглавил архиерейскую кафедру в Иркутске в 1958 году и, находясь в Сибири, всегда проявлял деятельную заботу о вверенных ему дальневосточных епархиях, о чём свидетельствуют отчёты уполномоченного по делам религии по Хабаровскому краю С. Карева. Он писал, что в 1959 году архиепископ Вениамин на приёме уполномоченного был дважды — по вопросам пополнения штатов священников и перемещениям [8, л. 8], и что с его стороны были попытки к пополнению духовенством церковных приходов в Хабаровском крае, такие как дополнительное назначение в Христорождественскую церковь Хабаровска четвёртого священника, а в Александро-Невскую — второго. «По его мнению, — пишет Карев, — священники этих церквей в имеющемся составе не обеспечивают в полной мере потребности верующих в совершении богослужений и религиозных треб. Я ответил, что Ваше мнение является ошибочным, т. к. по этому поводу со стороны верующих и духовенства жалоб не поступало» [8, л. 3].

В отчёте за 1961 год С. Карев акцентирует внимание на том, что архиепископ Вениамин в Христорождественском храме произнёс две проповеди, направленные главным образом на укрепление религии, веры в Бога и послушание паствы: «Он [арх. Вениамин] говорил об атомной энергии, которую он присвоил Богу: “Бог создал такую могущественную силу, а человеку дал такой ум, которым он разгадал и изучил эту силу”. Архиепископ проводил совещание с духовенством и членами исполнительного комитета и ревизионной комиссии Христорождественской общины. Поучал, наставлял, не рекомендовал снижать цены на свечи, просфоры и другую утварь, т. к. церковь отделена от государства и других доходов, кроме треб, у церкви нет» [11, л. 21].

Активная деятельность архиепископа вызывала неприятие со стороны уполномоченного, которое он изложил в докладной записке о неправильном поведении духовенства под руководством архиепископа Вениамина от 12 июня 1962 года, адресованной председателю Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР В. А. Куроедову. Карев сообщал, что в послевоенный период со стороны архиепископа Иркутского и Читинского Вениамина, являющегося выходцем из западных областей Украины, наблюдается тенденция к насаждению в церквях Дальнего Востока своих приближённых-западников, большинство которых скомпрометировали себя связью с немецко-фашистскими захватчиками и украинскими буржуазными националистами. «В результате комплексных мероприятий со стороны общественности, — пишет Карев, — ряд священников были разоблачены и сняты с регистрационного учета за

аморальные, культовые и другие нарушения. Как проходимцы и рвачи-тунеядцы были разоблачены священники арх. Вениамина: Мурин Петр, Сметанюк Петр, Шитиков Николай, Кобля Николай, Барабан Николай. Священник Александро-Невской церкви Янцевич Михаил приподнес "подарок" уполномоченному в сумме 210 руб.» [12, л. 12]. В отчёте за 1962 год Карев продолжает: «Со своей стороны считаю, что действия арх. Вениамина со своими ставленниками-священниками направлены на усиление и поднятие религиозности среди населения не только в Хабаровском крае, но и на территории всего Дальнего Востока. На основании изложенного, прошу Вас, т. Куроедов, поставить вопрос перед патриархом Алексием об освобождении с должности архиепископа Вениамина за вышеизложенные его действия» [13, л. 19]. Вероятно, просьба уполномоченного не была услышана, так как архиерейскую кафедру в Иркутске владыка Вениамин возглавлял до мая 1973 года.

Священническое служение в эти годы сопровождалось большими трудностями. Тяжёлые условия содержания зданий церквей, клира, бремя высоких налогов, доносительства, угрозы, зависимость от уполномоченных по делам религий, частые перемещения по приходам, неустроенность быта и множество других проблем сопровождали жизнь духовенства.

В Хабаровском крае в 1950-е – 1960-е годы действовало только два православных храма — Христорождественский собор и Александро-Невская церковь. Стараниями уполномоченного по делам религии священнослужители в крае сменялись очень часто. Согласно данным, приведённым в отчётах С. Карева, в эти года служили:

1) Илюшкин Иван Иванович (85 лет), отправлен за штат по состоянию здоровья в 1956 году [8, л. 2];

2) Сметанюк Пётр Васильевич (1934 г. р.), украинец из Закарпатья, в 1959 году окончил Московскую духовную семинарию. В отчёте за 1960 год уполномоченный сообщает, что снял его с регистрации за «проведение религиозной пропаганды среди верующих, которая была направлена на привлечение населения в церковь и укрепление церкви». «Во второй половине 1960 г., — пишет С. Карев, — этот молодой фанатик Сметанюк в одном из писем архиепископу Вениамину пишет: "В Хабаровске Христорождественская церковь находится в упадническом состоянии, в нее скоро перестанут ходить верующие. <…> Настоятель Соколов мер никаких не принимает". <…> Сметанюк проводил работу среди верующих не только в церкви, но и у себя на квартире, в форме беседы, содержание которой было направлено на привлечение верующих, отошедших от церкви, и укрепление церкви» [10, л. 17–18];

3) Соколов Пётр Никитович, благочинный (1887 г. р.). Окончил духовную семинарию в 1908 году. Служил в сельских храмах Орловской области. В 1929 году был осуждён за неуплату налогов, отбывал наказание на торфоразработках в Московской области, где подорвал своё здоровье. В Христорождественском соборе Хабаровска служил с 1945 по 1964 год. Его стараниями к собору в конце 1940-х годов был пристроен придел в честь святителя Иннокентия Иркутского, восстановлена звонница, приобретено оборудование для изготовления свечей; под его руководством прихожане собирали средства в фонд обороны, оказывалась помощь инвалидам, вдовам и сиротам войны. Скончался в Москве в 1972 году [6; 20, с. 94];

4) Тарышев Иван Алексеевич, 3-й священник (1895 г. р.), русский, три класса начальной школы, духовного образования не имел, священником стал в 1954 году [9, л. 3];

5) Кулинич Роман Фёдорович, настоятель (1897 г. р.), украинец, бывший учитель начальной школы, духовного образования не имел. В отчёте уполномоченного за 1961 год сказано, что священник Кулинич снят с регистрационного учёта за самовольное и незаконное строительство пристройки и за организацию проведения сборов верующих у себя на квартире, среди которых вёл религиозную пропаганду с целью привлечения и вербовки граждан в церковь [11, л. 19];

6) Кобля Н. А. (1938 г. р.). В отчёте за 1961 год уполномоченный сообщает, что священник Кобля Н. А. снят им с регистрации за религиозную пропаганду вне стен храма и вербовку из числа молодёжи в духовную семинарию. Он обработал и завербовал Бронникова Михаила Андреевича, 18-летнего юношу, которого готовил для посылки в духовную семинарию. «Но мною, — пишет С. Карев, — совместно с партийными и советскими органами, были приняты меры. Кобля снят с регистрации, а Бронников устроен в техникум связи» [11, л. 19];

7) Сальчук Николай Иванович (1920 г. р.), выпускник Ленинградской духовной академии. В 1940-е годы служил в храмах на Украине, подвергался репрессиям [19, с. 44]. Назначен служить в Христорождественском соборе Хабаровска в 1965 году. Уполномоченный Кимарский отмечал в отчёте, что священник Сальчук не произносил длинных проповедей, говорил просто и понятно, объяснял смысл и содержание церковных праздников и обрядов, что нравилось верующим [13, л. 13], а также то, что он является ярым приверженцем религии, пользуется авторитетом среди верующих, в быту ведёт себя скромно, к советской власти настроен лояльно, вдумчивый, хитрый [16, л. 28];

8) Малевич В. Н., священник (1924 г. р.), украинец, окончил Ленинградскую духовную семинарию в 1951 году, в Христорождественском соборе служил с 1961 года [14, л. 25];

9) Распевин Пётр Васильевич (1904 г. р.), окончил Ленинградский финансовый техникум в 1935 году. Служил в храмах Амурской области, в Александро-Невской церкви Хабаровска начал служение в 1965 году [17, л. 31];

10) Русак П. С. (1938 г. р.). В 1955 году окончил среднюю школу, в 1958 году — Минскую духовную семинарию. В Христорождественской церкви — с 1965 года [14, л. 25];

11) Левицкий Орест Михайлович (1946 г. р.), из крестьян, украинец-западник, среднее образование, экзамен на звание священника сдал в 1968 году при Иркутском епархиальном управлении. Служил в Христорождественском соборе с 1968 года [17, л. 2];

12) Янцевич Михаил Илларионович (1907 г. р.), украинец, священник Александро-Невской церкви. Обвинён уполномоченным С. Каревым в том, что пытался вручить ему «подарок» в сумме 210 рублей [12, л. 22];

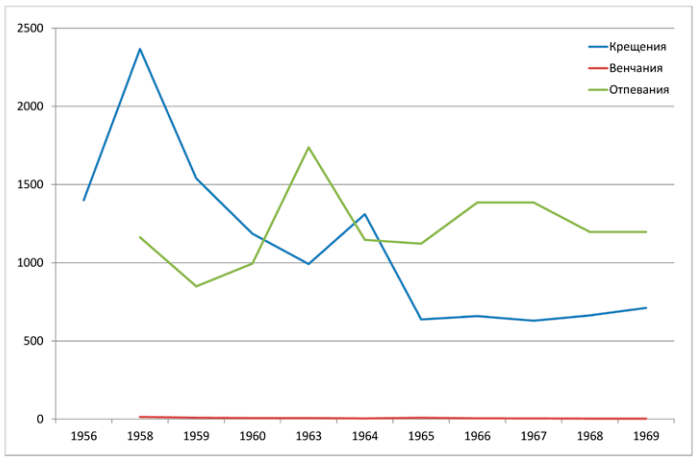
13) Похожай Дмитрий Михайлович (1932 г. р.) [17, л. 2];

14) Зубарский Исидор Макарович (1910 г. р.), родился в Западной Украине. Был подвергнут репрессиям (раскулачиванию), много лет работал на шахте [18]. В 1968 году служил в Христорождественском соборе [17, л. 1, 19];

15) Мурин Пётр, священник [12, л. 12].

Статистические данные, приводимые уполномоченным в ежегодных отчётах, по количеству крещений, венчаний и отпеваний (очных и заочных) свидетельствуют о том, что в 1950-е – 1960-е годы таинства с разной степенью интенсивности оставались востребованы хабаровчанами: в среднем более 1 тысячи человек в год принимали крещение, проводилось более 1 тысячи отпеваний, венчались 6–7 пар. Принимая во внимание тот факт, что население города составляло в эти годы 300–400 тысяч человек (а края — около 1 млн человек), можно сделать вывод, что православие я влялось важной составной частью жизни хабаровчан.

Совершение таинств в хабаровских церквях в 1956–1969 годах.

Из числа новокрещённых подавляющее большинство составляли младенцы. Взрослому человеку креститься было сложно, так как это влекло за собой тяжёлые последствия: общественное осуждение, увольнение с работы и проч. Но некоторые хабаровчане, понимая риски, всё же принимали сознательное решение о крещении. Так, в отчётах уполномоченного упоминается врач-хирург больницы № 11 Хабаровска Степаненко Борис Апполинарьевич, 35 лет, который принял таинство крещения по собственному желанию в 1965 году [14, л. 30], и Перлова Валентина Васильевна, 27 лет, работница Хабаровского овощесовхоза, крестившаяся в 1966 году [15, л. 14]. Нет точных сведений о том, как сложились судьбы этих людей, Борис Степаненко в том же году уволился из больницы. Но в воспоминаниях врача и писателя Евгения Косенко о годах учёбы в одном из медицинских училищ Украины (опубликованы в 2016 г.) встречается описание его педагога по хирургии: «У нас был очень строгий преподаватель, старый и строгий, неподкупный, жесткий, принципиальный. Его звали Степаненко Борис Апполинариевич. Все студенты боялись этого требовательного преподавателя, ходившего всегда в одном и том же: плащ, шляпа и зонтик. Он жаждал знаний студентов, фанатично вбивая нам в головы необходимые знания, есть такая категория преподавателей, у которой не бывает троек, а есть только твердые четверки и пятерки. Таким был Апполинарий, или Борька, как мы в шутку тихо его называли» [4]. Возможно, это и есть наш герой.

В Хабаровском крае в 1960-е годы, помимо указанных выше храмов, действовали общины и православные группы: в Николаевске-на-Амуре (38 чел.), в Комсомольске-на-Амуре (32 чел.), Вяземском (2 группы по 30 и 50 чел.), в Бикине (2 группы по 15 и 20 чел.), районе имени Лазо (3 группы по 15–20 чел.), в Нанайском (3 группы), Верхнебуреинском (2 группы по 20–30 чел.), в Облученском районах (2 группы по 15–25 чел.).

О деятельности молитвенной православной общины г. Комсомольска-на-Амуре упоминает уполномоченный С. Карев. Он сообщает о спекуляциях, совершаемых жительницами города Марией Душкиной, Матрёной Шелестовой и Марией Кошкиной, так как они «занимались продажей крестиков, свечей и просфор» [7, л. 15–16]. Общину возглавлял в 1960-е годы Архип Петрович Воловик. Уполномоченный называет его священнослужителем-самозванцем, который проводит молебны и служение по субботам и воскресеньям, на которые собирались от 30 до 60 человек, а в праздничные дни и до 100 [7, л. 15–16]. О подвижнической деятельности А. П. Воловика в своих воспоминаниях рассказал комсомольчанин А. В. Устимов. Он сообщил, что Архип Воловик не был священником, но являлся благочестивым мирянином, сумевшим объединить верующих Комсомольска. Его семья при переселении с Украины привезла с собой икону Божией Матери, которая, по свидетельству прихожан, явила в городе многие чудеса. В молитвенном доме в Комсомольске верующие собирались каждые выходные, хором руководила жена Архипа Петровича — Макрина Осиповна. А. П. Воловик, по

воспоминаниям свидетелей, был наблюдательным и смекалистым, умел с одного взгляда вычислить соглядатаев среди молящихся и находить к ним особый подход, высказывая в проповедях призывы молиться за светлое будущее молодого города и его строителей. Во время Великой Отечественной войны А. Воловик собирал пожертвования в Фонд обороны, вносил туда же средства от продажи свечей. Члены прихода молились об изгнании антихриста с родной земли и о победе русского православного оружия [3].

Не имея действующих храмов и возможности совершать службу со священниками, православные верующие небольших городов и посёлков Хабаровского края объединялись в молитвенные общины и группы, в которых служили мирским чином. Но попытки официально зарегистрировать приходы заканчивались в большинстве случаев отказом под разными предлогами со стороны действующей власти.

Несмотря на все трудности, связанные с гонениями на православную церковь в период хрущёвской оттепели, духовенство и верующие Хабаровского края сумели сохранить религиозные организации, которые получили полную свободу действия лишь после 1988 года.

Список использованных источников

1. *Василик, В. Гонения пятидесятых-шестидесятых годов / В. Василик. — Текст : электронный // Православие.Ru. — URL: https://pravoslavie.ru/37840.html.*
2. *Колымские мученики. Вениамин (Новицкий Сергей Васильевич). — Текст : электронный // [Сайт А. Д. Ржаницына]. — URL: http://rsvetal.narod.ru/ven.htm.*
3. *Вишнякова, С. Чудотворная икона «Божья Матерь с Младенцем» в Комсомольске-на-Амуре / С. Вишнякова. — Текст : электронный // Литературный клуб «Я — Писатель». — URL: https://yapisatel.com/text/10226/.*
4. *Косенко, Е. Первая операция / Е. Косенко. — Текст : электронный // Проза.ру. — URL: https://proza.ru/2016/07/04/1383.*
5. *О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения : Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Москва, 1971. — Т. 6. — С. 502–505.*
6. *Новомученики и исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь. — Текст : электронный // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. База данных за Христа пострадавшие. — URL: https://pstgu.ru/baza-dannykh-za-khrista-postradavshie/.*
7. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1953–1955 гг. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1359. Оп. 3. Д. 11.*
8. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1956 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 14.*
9. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1958–1959 гг. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 18.*
10. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1960 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 19.*
11. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1961 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 20.*
12. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1962 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 21.*
13. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1962 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 22.*
14. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1965 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 24.*
15. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1967 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 26.*
16. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1969 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 3. Д. 29.*
17. *Отчёт уполномоченного по делам религии за 1969 г. // ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 5.*
18. *Памяти протоиерея Исидора. — Текст : электронный // Свято-Никольский храм г. Черемхово Иркутской епархии РПЦ : [сайт]. — URL: http://www.svyatnikolae.cheremh.ru/page1.html.*
19. *Пострадавшие за Христа в земле Хабаровской : мартиролог духовенства, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших в Хабаровской земле в годы гонений в XX в. / М-во культуры Хабар. края, Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова, Хабар. епархия Русской Православной Церкви ; [составитель Н. А. Рубан]. — Хабаровск : [б. и.], 2017. — 121 с. : ил., портр.*
20. *Святой России край: Хабаровская епархия Русской Православной Церкви. — Хабаровск : Русский Успех, 2006. — 256 с.*
21. *Чурилина, Т. И. Государственно-церковные отношения на Дальнем Востоке в 1960-е гг. / Т. И. Чурилина // Гуманитар., социально-экон. и обществ. науки. — 2014. — № 9. — С. 179–182.*

Диаграмма предоставлена автором.

Материал поступил в редакцию 28.09.2021.

Сведения об авторе: Рубан Наталия Алексеевна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: na_ruban@mail.ru.

ПУШКАРЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

«НАРОДНОЕ МНЕНИЕ НА СТОРОНЕ ЕГО СВЯТОСТИ»: К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ ИЕРОМОНАХА ЕРМОГЕНА, ПЕРВОГО ПОДВИЖНИКА ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ НА АМУРЕ

Героем настоящей публикации является иеромонах Ермоген, православный подвижник веры и благочестия XVII века, устроитель Усть-Киренского Свято-Троицкого и Албазинского Спасского монастырей, духовник первых русских поселенцев Приамурья. В статье представлен краткий очерк его земной жизни, а также прослежена история народного почитания преподобного старца в восточных епархиях Русской православной церкви. В заключении данного обзора сделан вывод о перспективе церковной канонизации иеромонаха Ермогена в лике святых.

Ключевые слова: иеромонах Ермоген, православие в Прибайкалье и Приамурье, Усть-Киренский Свято-Троицкий монастырь, Албазинский Спасский монастырь, Албазинская икона Божией Матери, народное почитание, канонизация.

Keywords: Hieromonk Hermogen, Orthodoxy in the Baikal and Amur regions, Ust-Kirensky Holy Trinity Monastery, Albazin Spassky Monastery, Albazin Icon of the Mother of God, veneration, canonization.

О происхождении Ермогена[1] и его жизни до монашеского пострига ничего не известно. В источниках он именуется «прихожим попом», из чего можно сделать вывод, что он прибыл в Восточную Сибирь вместе с казаками, уже будучи иеромонахом [9].

Первое документальное упоминание Ермогена содержится в челобитной илимских крестьян и промышленных людей, поданной 15 марта 1663 года воеводе Лаврентию Обухову. Челобитчики просили выделить землю близ Никольского погоста для устройства монашеской обители, строителем которой выдвигали чёрного попа Ермогена. Прошение было удовлетворено. На реке Лене, при впадении в неё Киренги, Ермоген получил требуемые земли и начал собирать братию. Первым делом были построены часовня и кельи, заведено крепкое хозяйство. В 1665 году было получено благословение архиепископа Тобольского Симеона на строительство в новой пустыни двух церквей — в честь Живоначальной Троицы (с двумя пределами) и Казанской иконы Пресвятой Богородицы [6, с. 3–5].

Однако продолжить начатое дело иеромонаху Ермогену не удалось. Причиной тому стало убийство илимского воеводы Лаврентия Обухова 28 июня 1665 года. Преступление совершила группа местных жителей, которых воевода разорял и бесчестил. Учинив таким образом самосуд, они решили бежать в Даурию. Возглавил отряд беглецов приказчик Никольского погоста Никифор Черниговский. Под его предводительством в даурскую землю отправилось более 80 человек. В приказной избе на Чечуйском волоке они составили пространную челобитную, в которой объяснили свой поступок нежеланием более терпеть обуховский произвол. При этом они обещали верно служить русскому государю на Амуре. Среди многих беглых людей, приложивших руку к этой челобитной, значился и чёрный поп Ермоген [8, с. 88–89, 93].

Черниговцы увели старца против его воли, желая воссоздать на новых землях традиционный церковный уклад. По всей видимости, Ермоген расценил своё пленение как промысел Божий и с христианским смирением принял крест доброго пастыря для плениших его разбойников. Известно, что по мере следования на Амур несколько человек, включая сыновей Никифора Черниговского, оставили отряд и поворотили обратно [8, с. 120]. Вероятно, возможность побега была и у Ермогена. Однако, следуя пастырскому долгу, он продолжил путь с разбойничьей ватагой.

Отряд Никифора Черниговского прибыл на Амур осенью 1665 года и обосновался на месте бывшего даурского городка князя Албазы. Пятнадцатью годами раньше это поселение было захвачено Ерофеем Хабаровым, а после его ухода пришло в запустение. Уже к следующей осени люди Черниговского отстроили Албазинский острог, обложили ясаком местное население, завели пашню и сняли первый урожай. Тем самым через несколько лет они заслужили царское прощение, а также повеление и впредь нести службу на Амуре [7, с. 193–194].

Не забывали албазинцы и об устроении церковной жизни. В самом остроге была возведена церковь во имя Воскресения Христова. А в 1671 году в одной версте повыше Албазина, в урочище Брусяный Камень, иеромонах Ермоген основал монастырь во имя Всемилостивого Спаса [6, с. 7]. Здесь подвизалось несколько монахов и более 20 вкладчиков — семейных крестьян, которые передали в монастырскую собственность имущественные паи с правом получения от них годовой прибыли в виде хлеба и скота. Уже через несколько лет после своего основания монастырь имел довольно обширное хозяйство: пашни, сенные покосы, скотские выпуски, табун лошадей, стадо рогатого скота, две мельницы, торговые лавки, две заимки на Амуре и даже двор в Нерчинске. Духовным центром монастыря был храм во имя Спаса Всемилостивого. Усилиями монахов, албазинских казаков и монастырских вкладчиков для него были приобретены необходимые для службы иконы, книги и ризы [5, с. 39–40].

В июне 1685 года обитель была уничтожена маньчжурами. Монахи и жители окрестных селений укрылись за стенами Албазинского острога. Но силы противников были неравны. Тогда иеромонах Ермоген убедил албазинского воеводу Алексея Толбузина начать переговоры о мирной сдаче крепости. Маньчжуры позволили албазинцам беспрепятственно уйти в Нерчинск, отобрав всякое имущество [8, с. 246–248].

Отпущенные маньжчурами албазинцы пошли вверх по Амуру. Всего в отряде было более 230 человек. Опасаясь, что такому числу людей не удастся найти достаточного пропитания, они решили разделиться. Отряд служилых людей под командованием воеводы Алексея Толбузина продолжил движение в западном направлении и скоро прибыл в Нерчинский острог. Другая группа албазинцев двинулась на север — по рекам, ведущим к Лене. В числе этих 120 человек — пашенных крестьян, промышленных и служилых людей — был также иеромонах Ермоген [8, с. 249, 254].

По Лене он добрался до устья Киренги и вернулся в основанный им Свято-Троицкий монастырь, где принял схиму. 19 декабря 1690 года Ермоген почил и был погребён за правым клиросом Троицкой церкви [9].

1 В настоящей статье используется характерный для документов XVII–XVIII вв. и церковно-славянской традиции вариант написания этого имени. Исключение составляют библиографические данные и прямые цитаты из источников, где используется вариант «Гермоген».

Портрет Ермогена XVIII века.

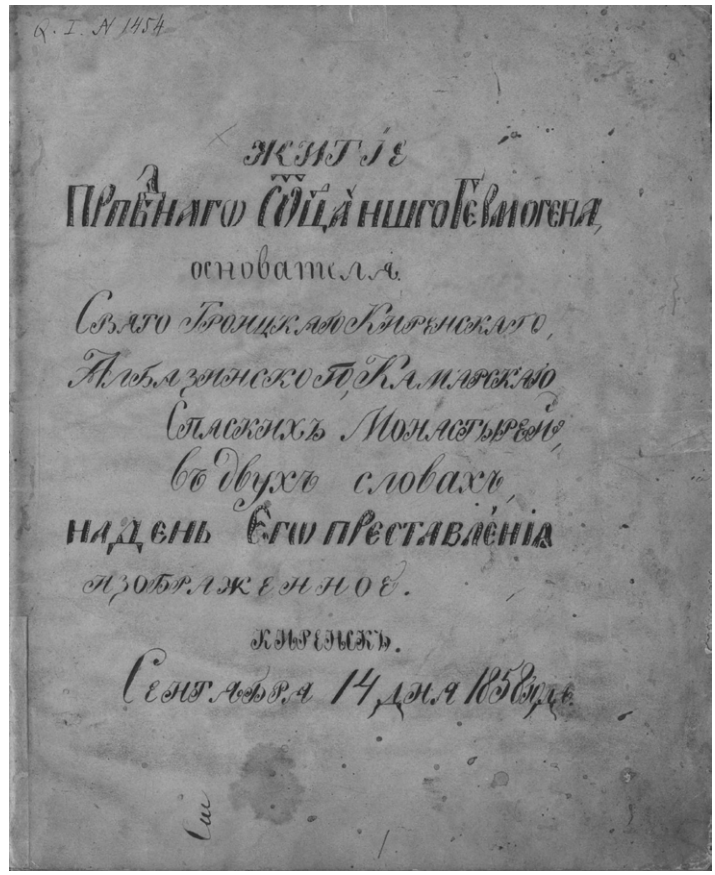
***

Народное почитание Ермогена началось сразу же после его смерти. В память о нём в Усть-Киренском монастыре часто совершались панихиды. К месту его погребения приходили многочисленные паломники, которые свидетельствовали о чудесах, явленных по молитвам старцу. В 1788 году усердием игумена Вонифатия (Березина) над могилой Ермогена была устроена каменная гробница [6, с. 8, 18, 23]. Авторству этого же настоятеля принадлежит первый портрет Ермогена, который положил начало формированию его иконописного образа [9].

В начале XIX века другой настоятель обители — игумен Лаврентий (Мордовский), опираясь на хранившиеся в монастыре документы, составил «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря». В этом небольшом документальном повествовании были собраны ценные сведения о земной жизни Ермогена. С небольшими дополнениями книга Лаврентия (Мордовского) была издана в Москве в 1841 году. Среди прочих дополнений в ней отмечалось, что «память сего строителя Ермогена чествуется многими, и усердствующими к нему над гробом его совершают часто панихиды» [6, с. 28].

В 1858 году в монастыре было написано «Житие Преподобного Гермогена». Правильнее сказать, оно было составлено из двух слов, произнесённых в дни памяти подвижника — 10 декабря (день тезоименитства) и 19 декабря (день кончины) [4]. Рукопись эта не содержит никаких указаний на её авторство. Вероятно, в роли агиографа выступил известный церковный учёный архимандрит Гавриил (Воскресенский), бывший настоятелем Усть-Киренского монастыря в 1852–1861 годах.

Первое слово представляет собой рассказ о земной жизни Ермогена. Во втором слове собраны свидетельства его посмертных явлений и связанных с его почитанием чудес. Всего зафиксировано 27 таких случаев. Почти все они имеют точную датировку (с 1794 по 1857 г.) и отсылку к реальным личностям свидетелей — насельников и служителей монастыря, а также жителей Киренска и прочих селений Киренского уезда. В этом ряду чаще других встречается

«Житие преподобного отца нашего Гермогена», 1858 год[2].

фамилия Пежемских. Представители этого известного в Прибайкалье купеческого рода выступили свидетелями по восьми эпизодам. Многие случаи были записаны со слов паломников, приходивших отслужить панихиду над гробом Ермогена с благодарением за явленные чудеса.

Условно все эти чудеса можно разделить на три категории. Большую их часть составляют свидетельства об исцелениях, произошедших по молитвам преподобному старцу. В ряде случаев люди утверждали, что Ермоген являлся к ним во снах и облегчал страдания добрым словом или прикосновением. Помимо избавления от разных недугов (больные конечности, проблемы с горлом, детские болезни), его благодарили даже за благополучное разрешение тяжёлых родов.

Другую категорию чудес составляют случаи, когда святой старец являлся к насельникам или служителям монастыря с целью их отеческого вразумления, а подчас и сурового обличения. Пожалуй, самым страшным было явление Ермогена, в котором он предрёк своему монастырю большой пожар и смерть многих монахов в наказание за их «нерадение и мирское мудрование» [4, л. 23]. Предостережение старца не послужило исправлению братии. В

2 Подлинник хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 550. Д. Q.I.1454.

августе 1814 года в монастыре случился страшный пожар, который уничтожил большинство деревянных построек. Но Алексеевская церковь, где находились мощи преподобного Ермогена, чудом уцелела.

С местом погребения старца связана третья группа чудес и видений. После упомянутого выше пожара монастырь, едва не пришедший в запустение, был отстроен заново. Однако в ноябре 1831 года обитель вновь была охвачена огнём. На этот раз сгорела и Алексеевская церковь, но деревянная доска, покрывавшая гробницу преподобного, ко всеобщему удивлению, осталась в целости [4, л. 30]. Несколько человек в разные годы видели, как в тёмное время суток Алексеевская церковь изнутри озарялась светом. Ещё несколько человек рассказывали, что видели во снах преподобного старца, бодрствующим в склепе либо выходящим из храма [4].

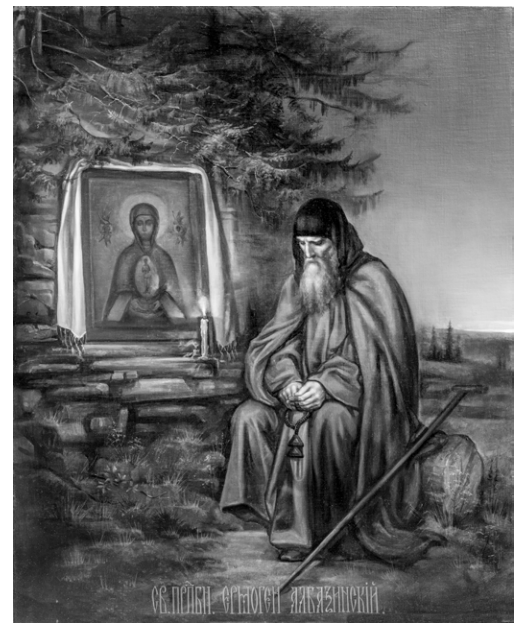
Во второй половине XIX века системной фиксацией чудес, связанных с именем Ермогена, по всей видимости, никто не занимался. Тем временем чудеса происходили, о чём становится известно из разных источников. Так, в октябре 1863 года в Свято-Троицком монастыре вспыхнул очередной пожар. По наблюдениям настоятеля, в месте, где покоились мощи основателя обители, огонь едва теплился, «как бы чем-то удерживаемый», в то время как в других частях храма пламя действовало беспощадно. По этому поводу архимандрит Дмитрий замечает: «Нельзя не видеть в этом обстоятельстве чудного знамения Всемогущего Господа, хранящего вся кости праведников». В этом же сообщении отмечается «всеобщее благоговение и ближних, и дальних жителей к памяти Преподобного Гермогена как мужа праведного и молитвенника пред Господом, являвшего многократно чудную помощь притекающим к нему с молитвою веры» [13, с. 271–272].

Слова настоятеля подтверждает известный просветитель, распространитель Священного Писания И. К. Голубев. В конце XIX века он посетил Иркутскую епархию и по итогам своей поездки подготовил небольшой очерк о Свято-Троицком монастыре. В нём было отмечено: «Многие приходящие в монастырь помолиться получают по молитвам преподобного Гермогена исцеление от болезней, так что память его чтится весьма благоговейно» [3, с. 8].

Летом 1913 года монастырь посетил викарий Иркутской епархии епископ Киренский Евгений (Зёрнов). 11 июля он совершил панихиду по основателю обители. В своём слове владыка отметил большие заслуги Ермогена в деле религиозно-нравственного просвещения края и призвал всех предстоящих вознести молитву «об упокоении со святыми его души, христиански любвеобильной и самоотверженно преданной служению духовному благу своих ближних» [11, с. 110–111]. Епископа Евгения сопровождал в поездке законоучитель Иркутского института священник Николай Пономарёв. В своём путевом дневнике он отмечает, что «память Гермогена чтится высоко. Почти в каждом синодике киренчанина можно встретить имя иеромонаха Гермогена, в монастыре очень часто по нём служат панихиды, к нему обращаются как к святому, со своими немощами и нуждами… Народное мнение на стороне его святости» [11, с. 86].

***

Во второй половине XIX века память о Ермогене распространилась далеко за пределы Киренского уезда и достигла Дальнего Востока — канонической территории обширной Камчатской епархии[3]. Причин тому было несколько. Во-первых, Приамурье, где двумя веками раньше подвизался Ермоген, теперь снова стало достоянием России, и именно сюда переместился центр епархиального управления. Во-вторых, в 1868 году в Благовещенск из Сретенска была привезена Албазинская икона Божией Матери, которую, по преданию, впервые принёс на Амур Ермоген. В-третьих, многие приамурские архиереи прежде, чем занять Благовещенскую кафедру, проходили служение в Прибайкалье. А трое из них и вовсе начинали архиерейское служение викарными епископами Киренскими[4]. Несомненно, они способствовали росту почитания Ермогена среди своей новой паствы.

Преподобный Ермоген с Албазинской иконой Божией Матери. Автор — инокиня Макария Нелинь. 2021 год.

Так, в 1886 году преосвященный Гурий (Буртасовский), епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский,

3 В 1840–1873 гг. — Камчатская, Курильская и Алеутская; в 1873–1899 гг. — Камчатская, Курильская и Благовещенская; в 1899 г. разделена на Благовещенскую и Приамурскую, Владивостокскую и Камчатскую епархии.

4 Макарий (Дарский), в 1883–1892 гг. — епископ Киренский, в 1892–1897 гг. — епископ Благовещенский; Евсевий (Никольский), в 1987 г. — епископ Киренский, в 1897–1899 гг. — епископ Благовещенский; Евгений (Зёрнов), в 1913–1914 гг. — епископ Киренский, в 1914–1923 гг. — епископ Благовещенский.

предписал «всем причтам Камчатской епархии ежегодно 1 сентября совершать панихиды и заупокойные литургии о блаженном упокоении иеромонаха Ермогена, первого подвижника и проповедника веры и благочестия на Амуре» [13, с. 314]. Трудно сказать, чем был обусловлен выбор 1 сентября в качестве памятной даты, но уже через несколько лет ежегодные поминовения стали проводиться в декабре. Епархиальная пресса сообщает, что 11 декабря 1894 года в Благовещенском кафедральном соборе «по установленному обычаю была панихида по блаженном старце, иеромонахе Ермогене (почивающем в г. Киренске) — первом священнослужителе-миссионере на берегах Амура» [14, с. 532].

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сложилось и широко распространилось народное почитание преподобного Ермогена. В память о нём регулярно совершались панихиды, писались иконы, на могилу старца в Усть-Киренском монастыре приходили паломники, местные агиографы фиксировали многочисленные свидетельства о явленных им чудесах.

При этом в церковных святцах имя Ермогена не упоминалось, что неудивительно, так как в синодальный период процесс канонизации был изрядно формализован. За весь период существования синодальной системы (1721–1917 гг.) общецерковного прославления удостоились всего 10 святых, причём пятеро из них — только в начале XX века[5]. Ещё 15 подвижников были занесены в святцы как местночтимые святые [2, с. 82].

Однако кроме святцев обще- и местночтимых святых в церкви составлялись также списки усопших православных христиан, которые по достоинству именовались святыми, но в памяти церковной им творились только панихиды. Вопреки формализации процесса канонизации церковное самосознание открывало всё больше и больше святых угодников божиих, сведения о них бережно хранились, публиковались в церковной печати и систематизировались в помесячные своды «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия» [15, с. 53–54].

В 1916 году по инициативе преосвященного Сильвестра, епископа Омского и Павлодарского, началась подготовка «Сибирского патерика». В этот сборник, составленный по традиционному житийному канону, должны были войти «жизнеописания прославленных угодников Божьих и непрославленных подвижников веры и благочестия, кои родились или подвизались в пределах Азиатской России». В числе непрославленных подвижников XVII века значился преподобный Ермоген Киренский [12, с. 7–12].

Всего же проект «Сибирского патерика» включал 50 имён. Из них только пять на тот момент содержались в святцах, в скором времени ожидалось прославление ещё двух святых. Издание «Сибирского патерика» нашло поддержку других сибирских архиереев, был сформирован большой авторский коллектив, намечен план работы. Собранные материалы в перспективе могли стать прочной документальной основой для общецерковного прославления целого сонма сибирских подвижников веры и благочестия. Однако грянувшая вскоре революция и последовавшие за ней гонения на церковь помешали реализации этого проекта[6].

***

Новый интерес к личности Ермогена возник в 1990-е годы. Его жизненному пути и духовному подвигу был посвящён ряд публикаций, подготовленных церковными и светскими исследователями. А с восстановлением исторической памяти о подвижнике возродилась и традиция его народного почитания.

В Православной церкви под «народным почитанием» понимается достаточно широкое почитание почившего подвижника верующими людьми ещё до его прославления в лике святых. Обычно оно выражается в совершении частых панихид, посещениях могилы подвижника, массовых молитвенных обращениях к нему за помощью в частном порядке [2, с. 79].

В православном Прибайкалье имя Ермогена особенно почитается в Братской епархии, на территории которой до революции действовал основанный им Усть-Киренский монастырь, где он и был погребён. В кафедральном соборе Братска и Спасском храме Киренска находятся иконописные образы старца, в память о нём, как и в XIX веке, регулярно совершаются панихиды.

В сознании православных жителей Приамурья личность Ермогена неразрывно связана с Албазинской иконой Божией Матери, широкое почитание которой также возродилось в 1990-е годы. В 2015 году архиепископом Благовещенским и Тындинским Лукианом (Куценко) был составлен акафист древней амурской святыне, отразивший ключевую роль Ермогена в истории её обретения: «Видяще, Преблагая Владычице, усердие старца Ермогена, священноинока обители Усть-Киренския, благоизволила еси рукама сего образу Твоему святому на землю Амурскую принестися, у него же Великому Промыслителю Богу поем, Аллилуйя», «Разум благопросвещен имеюще, преподобный Ермоген мужественно противостояше бедам и лишениям в земли неизведанной, явленными благо-

5 В их числе, например, тёзка албазинского подвижника — священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси, общецерковное прославление которого состоялось только в 1913 г.

6 В настоящее время 25 праведников из составленного в 1916 году поименного списка уже прославлены и включены в Собор сибирских святых.

деяниями от иконы Твоея в вере укрепляем, благодарне подвизает нас звати Тебе» [1, с. 7].

Каждую пятницу в Благовещенском кафедральном соборе перед Албазинской иконой совершается благодарственный молебен с акафистным пением. По завершении молебна служится заупокойная лития по Ермогену. Его имя внесено во все храмовые и монастырские синодики Благовещенской епархии. В числе первых оно упоминается за каждой Божественной литургией на заупокойных ектениях и общих панихидах. Восстановлена дореволюционная традиция совершать особую панихиду в день памяти подвижника (19 декабря). В иконописной мастерской при женском Богородично-Албазинском монастыре написано несколько образов старца, копии которых имеются во многих храмах и домашних собраниях православных амурчан.

Как правило, закономерным следствием утвердившегося народного почитания является канонизация подвижника, то есть его прославление в лике святых для местного или общецерковного почитания [2, с. 81]. С этой целью в 2020 году по инициативе архиепископа Лукиана была образована специальная епархиальная комиссия. В настоящее время она занимается сбором и систематизацией сведений о жизни и трудах иеромонаха Ермогена, его посмертном и современном почитании. В обозримой перспективе все собранные материалы будут переданы на рассмотрение в Синодальную комиссию по канонизации святых. В случае её положительного заключения вопрос о прославлении первого амурского священника будет окончательно решён высшей церковной властью.

Икона Ермогена в Благовещенском кафедральном соборе.

Список использованных источников

1. *Акафист Пресвятой Богородице, читаемый пред чудотворной иконой Божией Матери Албазинской, именуемой «Слово плоть бысть», с краткой историей обретения образа. — Благовещенск, 2015. — 40 с.*
2. *Воробьёв, В., прот. Некоторые проблемы прославления святых к местному и общецерковному почитанию в конце XX – начале XXI вв. / протоиерей Владимир Воробьёв // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2010. — Вып. 2 (35). — С. 79–90.*
3. *Голубев, И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Иркутской епархии) : ист.-археол. очерк И. К. Голубева / И. К. Голубев. — Санкт-Петербург : тип. П. П. Сойкина, 1894. — 16 с.*
4. *Житие св. Гермогена, основателя Свято-Троицкого Киренского монастыря. 1858 г. // Отдел рукописей РНБ. Ф. 550. Д. Q. I. 1454.*
5. *Забияко, А. П. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований / А. П. Забияко, В. И. Трухин // Религиоведение. — 2021. — № 1. — С. 34–50.*
6. *Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, почерпнутое из архивных монастыря сего бумаг, настоятелем сего же монастыря игуменом Лаврентием Мордовским. — Москва, 1841. — 48 с.*
7. *История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. — Благовещенск : Изд. компания РИО, 2008. — 424 с.*
8. *Красноштанов, Г. Б. Никифор Романов Черниговский : док. повествование / Г. Б. Красноштанов. — Иркутск : ГУК АЭМ «Тальцы», 2008. — 378 с.*
9. *Мангилёв, П., прот. ЕРМОГЕН / прот. П. Мангилёв. — Текст : электронный // Православная энциклопедия. — Москва, 2008. — Т. 18. — URL: https://www.pravenc.ru/text/190187.html.*
10. *Пожар в Киренском монастыре // Иркутские епархиальные ведомости. — 1863. — 16 ноября. — № 46.*
11. *Пономарёв, Н. А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле месяцах 1913 г. / Н. А. Пономарёв ; публ. и авт. вступ. ст. Т. А. Крючкова, А. И. Шинковой. — Иркутск : [б.и.], 2007. — 232 с.*
12. *Предполагаемое издание «Сибирского патерика» // Омские епархиальные ведомости. — 1916. — 11 сентября. — № 37.*
13. *Распоряжение Гурия, епископа Камчатского о памятовании Ермогена // Иркутские епархиальные ведомости. — 1886. — 15 ноября. — № 46.*
14. *Хроника // Камчатские епархиальные ведомости. — 1894. — 31 декабря. — № 24.*
15. *Ювеналий, митр. Крутицкий и Коломенский. О канонизации святых в Русской Православной Церкви: доклад на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. — Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 // Канонизация святых в XX веке / Ювеналий, митр. Крутицкий и Коломенский. — Москва, 1999. — С. 20–73.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 09.08.2021.

Сведения об авторе: Пушкарев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, секретарь церковно-исторической комиссии Благовещенской епархии Русской православной церкви, доцент кафедры философии, истории Отечества и иностранных языков Амурской государственной медицинской академии (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: amurhistory@yandex.ru; тел. 8-914-578-04-09.

ЕРМАКОВА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В 1992–1997 ГОДЫ

В настоящей статье проанализирована хозяйственная деятельность предприятий системы потребительской кооперации на Дальнем Востоке России в период с 1992 по 1997 год.

Ключевые слова: оценка деятельности предприятий потребительской кооперации, государственная политика в сфере экономики, Дальний Восток.

Keywords: assessment the activities of consumer cooperation enterprises, state policy in the economic sphere, Far East.

Радикальные реформы начала 1990-х годов и сопутствовавшие им либерализация цен и последствия гиперинфляции способствовали росту негативных явлений как в экономике страны в целом, так и в системе потребительской кооперации в частности. Нарастали сбои в снабжении продуктами питания и товарами повседневного спроса, разрушались договорные отношения, росли цены на энергоносители. Потребительская кооперация Хабаровского края ощущала нехватку финансовых вливаний из Центросоюза.

Кризисные явления в экономике страны подтолкнули потребительскую кооперацию Дальнего Востока начать поиск выхода из сложившейся ситуации. Так, 10 июня 1992 года в Хабаровском крае на втором внеочередном собрании представителей потребительских обществ Хабаровского КРПС (крайрыболовпотребсоюз) было принято решение о подготовке и принятии обращения к правительству РФ и к органам власти региона в целях стабилизации финансового положения предприятий и организаций потребительской кооперации (ПК). В обращении представителей потребительских обществ Хабаровского края «О неотложных мерах по оказанию практической помощи потребительской кооперации» был выделен ряд проблем: обеспечение северян товарами первой необходимости, снижение налогового бремени, выделение льготных кредитов, а также приравнивание потребительской кооперации к предприятиям АПК РФ с последующим распространением всех соответствующих льгот.

Одним из важных направлений в деятельности Хабаровского КРПС в этот непростой период оставалось своевременное обеспечение завоза продовольственных и промышленных товаров в северные районы Хабаровского края. Следует отметить, что сфера торговли в данном регионе края регулировалась предприятиями государственной собственности и предприятиями системы ПК. Вопрос о завозе товаров на север не был решён практически до июня 1992 года, так как не были выделены средства из бюджета. Высокая себестоимость перевозок на север была связана с ограниченными сроками навигации и малыми грузопотоками в обратном направлении, поэтому эта сфера деятельности всегда финансировалась из государственного бюджета. Несмотря на все трудности, которые встали перед системой потребительской кооперации по осуществлению завоза продуктов питания и товаров первой необходимости в северные районы, население было обеспечено всем необходимым до следующей навигации и в полном объёме в посёлках: Аяне, Чумикане, Нелькане, Охотске; районе имени Полины Осипенко, в Ульчском и Нанайском районах. В постановлениях Хабаровского КРПС подчёркивалось, что были доставлены в северные районы края и заложены на зиму необходимые продукты питания и в требуемых объёмах. Одновременно проводилась работа по формированию новых хозяйственных связей напрямую с предприятиями-изготовителями, минуя посредников.

Среди наиболее острых проблем, с которыми столкнулась потребительская кооперация края в вышеуказанный период, выделим следующие: организация общественного и школьного питания северных районов края, а также снабжение этих районов фруктами и овощами. Проверки комиссий отдела образования по организации школьного питания свидетельствовали, что в рацион недостаточно включались блюда из овощей, фруктов, свежей рыбы, мяса, молочных продуктов, соков. В ограниченном объёме выпекались мелкоштучные мучные изделия.

В новых условиях рыночных отношений большая часть предприятий розничной торговли потребительской кооперации районов Крайнего Севера работала убыточно. Однако закрытие даже убыточных магазинов потребительской кооперации привело бы к тому, что десятки тысяч жителей могли остаться без продуктов питания и товаров первой необходимости. Повсеместно предприятия розничной торговли системы ПК продавали продукты питания и товары первой необходимости в долг. Этот факт свидетельствует о социальной направленности в деятельности системы потребительской кооперации, которая не только осуществляла хозяйственную деятельность, но и обеспечивала социальную защиту и материальную поддержку населения. В отдалённых северных районах края потребительская кооперация была зачастую единственной организацией, завозившей товары первой необходимости и продукты питания.

Нужно отметить, что торговая деятельность системы потребительской кооперации традиционно являлась прибыльной отраслью, но в 1992 году в Хабаровском КРПС по сравнению с 1991 годом объёмы продаж одежды и белья снизились на 65%, трикотажных изделий — на 62%, обуви — на 50%. Для сравнения: в целом по Центросоюзу России объём продаж одежды, белья и трикотажных изделий сократился на 50%, обуви — на 40%. В Хабаровском КРПС произошло снижение спроса населения на товары культурно-бытового и хозяйственного назначения. В общей сложности по Центросоюзу России розничный товарооборот в 1992 году снизился на 49,3% к уровню 1991 года.

Всего по стране в 1992 году население приобрело товаров меньше по сравнению с 1991 годом на 36,4%. Принципиально изменилась структура розничного товарооборота. Доля продовольственного товарооборота возросла с 41% до 63%, соответственно сократился удельный вес товаров непродовольственного назначения.

Историческая практика ряда стран показала, что с понижением уровня жизни населения, уменьшением его доходов изменялась структура потребительского спроса:

возрастал удельный вес продуктов питания, реже приобретались товары культурно-бытового назначения. Уменьшался спрос на мебель, изделия из драгоценных металлов, недвижимость, то есть происходило снижение удельного веса непродовольственных товаров в общем объёме продаж. Уменьшение доходов населения привело к снижению спроса на непродовольственные товары. Неплатежеспособность предприятий потребительской кооперации также негативно влияла на расширение ассортимента.

Традиционно особую роль в функционировании потребительской кооперации Дальнего Востока занимала заготовительная деятельность. У населения приобреталось мясо, молоко, овощи, мёд, дикоросы, лекарственное и техническое сырьё. Это приносило дополнительный доход населению. Но в 1992 году в Хабаровском КРПС не был выполнен уровень 1991 года по заготовительному обороту и в целом он был ниже, чем по Центросоюзу.

Важное социально-экономическое значение в деятельности субъектов потребительской кооперации принадлежало производственной отрасли. По данным Центросоюза России, наибольший процент недовыполнения уровня 1991 года составили безалкогольные напитки, колбасные и кондитерские изделия. На предприятиях Хабаровского КРПС уменьшилось производство безалкогольных напитков, консервов и колбасных изделий.

На основании Закона «О потребительской кооперации в РФ» (1992 г.) 25 декабря 1992 года Хабаровский КРПС был преобразован в Хабаровский краевой союз потребительских обществ (КПС).

В целях стабилизации хозяйственной деятельности потребительской кооперации 9 марта 1994 года вышло постановление главы администрации Хабаровского края № 139 «О мерах по более полному использованию потенциала потребительской кооперации Хабаровского края», в котором было отмечено, что для предприятий потребительской кооперации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях были снижены ставки налога на имущество на 50%, установлены тарифы на оплату тепловой и электрической энергии на уровне тарифов агропромышленного комплекса, а также предприятия потребительской кооперации освобождались от уплаты налога на нужды общеобразовательных учреждений. В Совгаванском районе, помимо краевых льгот, действовал договор районного потребительского общества СПО «Лазурное» с администрацией района, в соответствии с которым предприятия потребительской кооперации освобождались от налога на приобретение автотранспорта, лицензии на право торговли. От арендной платы были освобождены предприятия потребкооперации, находящиеся в сельской местности.

Несмотря на предоставление ряда льгот в области кредитования и налогообложения, ситуация в потребительской кооперации Хабаровского края к концу 1994 года оставалась сложной. Розничный товарооборот в 1994 году по сравнению с 1992 годом сократился на 35,4%. К 1994 году по сравнению с 1992 годом сократилась сеть магазинов на 28,8% и на 47,5% сеть предприятий общественного питания. Уменьшилось число оптовых баз, заготовительных контор и пунктов переработки сельскохозяйственной продукции [3].

Элементы экономической стабилизации, которые появились в национальной экономике в 1995 году и укрепились в 1996-м в виде снижения темпов инфляции, не оказали существенного воздействия на ситуацию в Дальневосточном регионе. Удельный вес Дальнего Востока в совокупном валовом внутреннем продукте России сократился с 6,7% в 1994 году до 5,8% в 1995-м [2, с. 345–346].

К 1996 году многие руководители потребительских обществ Хабаровского КПС сократили сеть арендованных и собственных столовых, кафе, кулинарно-кондитерских цехов. Значительно снизилось производство продукции общественного питания. Так, предприятия общественного питания закрылись в райпо района имени Лазо, Бикинском, Эльбанском и Богородском потребительских обществах. Полностью ликвидировали отрасль общественного питания Вяземское, Николаевское райпо, Уссурийское, Хурбинское и Нельканское потребительские общества. Товарооборот общественного питания за шесть месяцев 1996 года сократился на 23,8% по сравнению с 1995 годом. Производство кулинарных, кондитерских и хлебобулочных изделий сократилось в два раза, особенно в Лазовском, Хабаровском, Бикинском, Тугуро-Чумиканском, Верхнебуреинском райпо и Эльбанском потребительском обществе [1].

Потребительская кооперация Дальнего Востока испытывала большие трудности, которые были связаны с превратностями стихийного рынка. Это сказывалось на деятельности большинства кооперативных организаций. Анализ ситуации в целом по системе потребительской кооперации Дальневосточного региона показал, что резко упали объёмные показатели в торговле и производстве, заготовительной и перерабатывающей отраслях. Снизились закупки сельскохозяйственной продукции у населения, совхозов, фермерских и крестьянских хозяйств. Право работников потребительской кооперации на выделение части собственности потребительского общества привело к массовой коммерциализации предприятий торговли и предприятий общественного питания. В результате система потребительской кооперации в этот период понесла безвозвратные потери: утратила большое количество пайщиков и часть своего имущества. Рыночные условия хозяйствования диктовали новые правила существова-

ния: минимальная финансовая помощь от государства, самостоятельность в поиске поставщиков и покупателей, конкурентная борьба за рынок сбыта. Отсутствие налоговых льгот, высокие банковские проценты за кредиты приводили к увеличению штрафов. Система потребительской кооперации, занимавшая некогда монопольное положение в сфере торговли продовольственными и непродовольственными товарами в сельской местности страны в условиях дефицита отечественных товаров и продуктов питания, теряла свои позиции на рынке.

В конце 90-х годов XX века исчезла прежняя опека государственных структур над потребительской кооперацией. В стране была сформирована новая политика государства в отношении всех видов кооперации. Исторический опыт кооперации подтверждает её жизнеспособность, полезность для определённых слоёв населения в деле улучшения материального и духовного благополучия людей. Социальная направленность потребительской кооперации позволяет смягчить жёсткую природу рынка путём предоставления социальных гарантий дальневосточному населению.

Список использованных источников

1. *Материалы отчётов Хабаровского КПС в период с 1995 по 1996 год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1742. Оп. 2. Д. 1515. Л. 12.*
2. *Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / П. А. Минакир ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. — Москва : Экономика, 2006. — 848 с.*
3. *О состоянии финансово-хозяйственной деятельности крайпотребсоюза и предприятий потребительских обществ : Постановление Главы администрации Хабаровского края от 13 марта 1995 года № 98 // Сб. нормат. актов администрации Хабар. края. — 1995. — № 3. — С. 28–29.*

Материал поступил в редакцию 16.07.2021.

Сведения об авторе: Ермакова Наталья Леонидовна, библиотекарь второй категории отдела «Центр корпоративных информационных библиотечных ресурсов» Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат исторических наук (г. Хабаровск). Контактные данные: тел. 8-924-107-96-59.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ЧЕТЫРЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу некоторых системообразующих свойств культуры, феномена культуры как социальной системы в целом, что задаёт некоторую новую теоретическую модель научного понимания культуры. В культуре анализируются её стратегический генезис, социальная цель, социальные технологии и социальные результаты функционирования. Выстраивается теоретическая картина функциональных свойств культуры в тесной взаимосвязи с актуальными социальными функциями общества. Научная актуальность и новизна статьи обусловлены тем, что такой ракурс анализа свойств культуры предпринимается в отечественной науке впервые. В статье культура изучается как этап эволюции жизни на Земле, как программа группового адаптивного поведения людей, как технология коллективной человеческой деятельности и как стимул лояльности человека к имеющемуся социальному порядку. Все эти функции понимаются как необходимые составляющие групповой жизнедеятельности людей. Статья является разработкой, серьёзно развивающей теорию культуры в ракурсе её социальной трактовки.

Ключевые слова: культура, свойства, генезис, цель, функции, результаты, адаптация, коллективная деятельность.

Keywords: culture, properties, genesis, goal, functions, results, adaptation, collective activity.

Разговор о культуре и её системообразующих свойствах нужно начать с упоминания наиболее фундаментального труда подобной направленности — книги А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко «Культура как система» [6]. Несмотря на прошедшие более 20 лет с момента её выхода, она не потеряла своего научного значения и сейчас. Вместе с тем книга построена на локальной концепции понимания культуры как системы порождения смыслов социального бытия. Отдавая должное этой идее и её потенциалу, замечу, что настоящая статья отражает иное понимание культуры. Здесь социальное бытие интерпретируется как самодостаточная культурная система, а сама культура — как функциональная составляющая этого бытия, то есть культура трактуется лишь как инструментальная функция социальной жизни, а не «инкубатор» её смыслов. Разумеется, и этот взгляд на культуру локален и не отражает всей её полноты, однако он более соответствует познавательным задачам настоящей статьи.

В статье делается попытка теоретически обосновать и аргументировать модель функциональных свойств культурной системы. Рассмотрение этой модели на конкретно-исторических примерах реальных локальных культур — это уже задача самостоятельного исследования.

Феномен культурной системы довольно сложен для понимания. Он представляет собой всю совокупность составляющих элементов культуры, находящихся между собой в чётких иерархических соотношениях и устойчивом взаимодействии и взаимовлиянии. Но поскольку культура — это явление динамичное, находящееся в состоянии постоянной трансформации и переструктурирования, осмыслить закономерности сложения и функционирования культурной системы не просто. Культура — это продукт общества, его «лицо», а само общество при этом всё время меняется. Впрочем, столь же сложно понять и закономерности исторического процесса.

Для работы этого социально-культурного комплекса все системообразующие элементы культурной системы (свойства культуры) должны быть функционально оправданными и практически задействованными. Таких свойств у культуры много. Культурную систему обычно рассматривают через её структуру и динамику, включающие такие элементы, как: язык, воспитание, образование, религию, искусство, философию и гуманитарную науку, нравы, обычаи, костюм и т. п., а также изменчивость всего этого в ходе истории. Но все эти составляющие столь индивидуальны по многим параметрам у разных народов, что их невозможно трактовать как инвариантные компоненты культуры, общие для всех. Поэтому в данной статье делается попытка выделить такие универсальные инварианты без их конкретно-исторической привязки. Выделяются:

1) стратегический генезис культуры;

2) социальная цель культуры;

3) социальная технология культуры;

4) наиболее значимый социальный результат культуры.

Максимальное укрупнение этих свойств ради очищения их от исторической фактурности дало такую конкретизацию этих параметров:

1) культура как этап эволюции жизни на Земле;

2) культура как программа группового адаптивного поведения людей;

3) культура как технология коллективной деятельности людей;

4) культура как стимул лояльности человека к имеющемуся социальному порядку.

Рассмотрим их последовательно.

Культура как этап эволюции жизни на Земле

Культура — это характерный этап эволюции живой материи, переход от индивидуального существования живых организмов к коллективному существованию в виде солидарных сообществ. Культура — это программа поведения и сознания людей, эволюционировавшая из социального поведения животных. Происхождение культуры теснейшим образом увязано со становлением предковых форм человека, а потом и самого вида homo sapiens. По мере того, как предковые формы (условные австралопитеки и питекантропы), а затем и разные варианты homo sapiens — собственно sapiens'ы, неандертальцы, денисовцы и другие — формировались и смешивались друг с другом, формировалась и человеческая культура. Но она складывалась не на «пустом месте» (она не прилетела из космоса), а посредством постепенного преобразования социального поведения сначала человекообразных обезьян, а потом и последующих видов по всей цепочке эволюции, приведшей к современному человеку.

Ф. Энгельс утверждал, что человека создал труд [10]. Это совершенно справедливо. Именно орудийная деятельность и практика изготовления орудий труда серьёзнейшим образом повлияли на становление физиологии и психологии человека. Но не только это. Таким же образом на становление человеческого сознания повлияла и коммуникация между особями — развитие устного, а затем и письменного языка и другие способы передачи информации. Таким же образом повлияла на развитие сознания и активизация интеллектуальной жизни человека, например возникновение религии, психологически компенсировавшей понимание человеком неизбежности смерти, а также страх перед ней и поиски утешения. Таким же образом повлияло на развитие сознания

и становление художественно-образного восприятия мира, выражавшегося (поначалу) в графической и театрально-танцевальной имитации наблюдаемой реальности. И многое иное (и труд в том числе). Так формировалась культура.

Современные исследования поведения животных [1; 2; 7] показывают, что и высшим животным свойственна орудийная деятельность, активная коммуникация и даже художественная практика (например игры, мало чем отличающиеся от игры актёров на сцене театра). Конечно, животные не изготавливают орудия труда, а лишь ситуативно используют подручные предметы (камни, палки). И то очень редко. До сих пор не прояснено отношение животных к смерти и наличие у них каких-то психико-компенсаторных инструментов. Но ведь изучение психики животных только началось. И каждый год приносит новые открытия.

Другое дело, что у животных подобные «протокультурные» проявления не часты и сугубо ситуативны, в то время как у человека они постоянны. Но ведь никто и не утверждает, что поведение животных тождественно человеческому. Главное в том, что основные проявления человеческой культуры присущи и животным, хотя, конечно, присутствуют лишь в эмбриональной форме.

Таким образом, я беру на себя смелость утверждать, что человеческая культура имеет биологическое происхождение и эволюционировала из социального поведения животных. В этом со мной согласен и ряд видных отечественных культурологов [3, с. 44–65]. Впрочем, и некоторые западные антропологи, например Б. Малиновский, относились к сторонникам биологической природы культуры.

Культура как программа группового адаптивного поведения людей

Адаптация — это приспособление особи или группы особей к каким-то внешним условиям обитания. Причём, если животные адаптируются к новым условиям индивидуально, то людям свойственна именно коллективная адаптация, всей группой, попавшей в новые условия. Практически на протяжении всей истории на людей влияли лишь природно-климатические и исторические условия: войны, социальные реформы, смена правительств и т. п. В Новое время к ним присоединились социальные условия, а в XXI веке уже можно учитывать также информационные и некоторые иные условия, которые могут повлиять на жизнь общества. Культура — это основной механизм адаптации общества к смене условий. При изменении внешних условий меняется и культура. Эту функцию можно считать стратегической целью культуры.

Природно-климатические условия меняются редко, чаще сам народ мигрирует и тем самым меняет ландшафт своего обитания. Исторические условия меняются часто, и чем ближе к современности, тем чаще. Но и здесь эта смена затрагивает в разной мере разные социальные группы, составляющие народ. До XX века войны в основном обходили деревни и не касались условий жизни в них. Поэтому и народная крестьянская культура оставалась традиционной, и темп её изменчивости был весьма низок [4, с. 15–130]. А вот культура городов развивалась довольно быстро, поскольку исторические условия часто менялись именно здесь. Но это не следует понимать слишком прямолинейно. Одна культура не может адаптировать изменение всех исторических условий. Здесь требуется уже комплексный пакет адаптивных мер. Но при таком изменении исторических условий, так или иначе, меняются социальные отношения в обществе, складывается их новая иерархия, и культура адаптирует именно это.

Адаптивные свойства культуры изучал Э. С. Маркарян [5, с. 78–96], но его больше интересовала связь адаптации с культурной традицией. Здесь же адаптация рассматривается как социальная функция культуры.

В первобытную эпоху изменчивость культуры была очень медленной, поскольку исторические условия жизни племенных обществ были столь же устойчивы, как и природно-климатические, и активная адаптация к ним не требовалась. Существовал только один тип культуры — народный. Но с возникновением первых городов и государств отношения между ними (преимущественно войны) стали регулярными. Именно тогда, в IV–III тыс. до н. э., и возникла элитарная культура (может быть, правильнее её будет называть просто городской), которая, в отличие от сельской народной, уже адаптировалась в основном к историческим условиям обитания людей. В индустриальную эпоху Нового времени возникли новые условия — социальные, выразившиеся в социальных революциях, массовых социальных движениях, социальных идеях и т. п. Для их адаптации сложилась новая культура — массовая, отличавшаяся рядом специфических черт, отражавших особенности этих условий [4, с. 15–130]. Сейчас, когда в число значимых условий обитания включаются и информационные условия, следует ожидать возникновения и какой-то типологически новой культуры, способной адаптировать общество к ним.

Но, так или иначе, главная цель культуры — это групповая адаптация людей к условиям их существования.

Культура как технология коллективной деятельности людей

Одной из главных новаций этапа формирования вида homo sapiens стало возникновение коллективной деятель-

ности. Вырубить каменное рубило может и один человек (австралопитек, питекантроп), но для постройки дома (даже земляной яранги на костном каркасе) требуется соединить усилия сразу нескольких людей. А для этого им нужно говорить на одном языке, обладать некоторыми навыками взаимодействия, распределять между собой обязанности и т. п., то есть для коллективной работы им необходимо быть людьми одной культуры.

Исторический опыт свидетельствует, что в древности основная масса общественно значимых работ требовала объединения усилий огромных масс людей (постройка пирамид, рытьё каналов, прокладка дорог и проч.). Понятно, что без единой культуры исполнителей всё это было бы невозможным. Тем более это требовалось для исповедания одной религии, ориентации на общие ценности [8]. Таким образом, выявляется важнейшая (а, возможно, и самая важная) социальная функция культуры — обеспечение коллективных работ и форм сознания, что можно считать непосредственным решением социальных задач, набором средств и методов совместной деятельности.

К настоящему времени значимость коллективного труда уменьшилась; более важным стал индивидуальный интеллектуальный и творческий труд, но социальная роль культуры как объединяющего начала сохранилась. Ведь социальная жизнь не сводится к одному лишь труду; появились другие формы демонстрации социальной солидарности людей. И во всём объединяющая функция культуры оставалась наиважнейшей, а свобода — это удовлетворяющий общество баланс между коллективным и индивидуальным началами в культуре. Коллективность можно считать главной социальной задачей культуры и её главной технологией.

Показательным примером важности коллективных действий служит военное дело. Здесь почти всё делается коллективно, и чем выше единство культуры военнослужащих, тем более слажены их действия. Идеалом служит требование, чтобы всё подразделение действовало как один человек (маршировало на параде, атаковало в бою, рыло окопы и т. п.).

Такая же коллективная слаженность требуется и в игре музыкального ансамбля (симфонического оркестра), в пении хора, в балете, в театральном спектакле и проч. Культура как условие слаженных коллективных действий остаётся самым востребованным феноменом и сейчас.

Коллективность — это социальная технология, обеспечивающая производство основной части общественно значимого материального продукта (интеллектуальный продукт производится преимущественно индивидуально, а художественный — и тем и другим способом).

Культура как стимул лояльности человека к установленному социальному порядку

Любой человек живёт и действует в определённой социальной среде, где доминируют те или иные социальные порядки. Человек в какой-то форме проявляет лояльность к этим порядкам. Порядки, конечно, частично отражают политику власти, но в большей мере проистекают от бытовых социальных причин: производственной необходимости, исторического опыта, соседских отношений, семейных отношений, дружеских отношений и т. п. Люди, интеллектуально ограниченные, обычно не отделяют своё отношение к социальным порядкам от отношения к власти; люди, интеллектуально развитые, напротив, акцентируют различие в своём мнении о власти и о социальных порядках. Человек может относиться к власти оппозиционно, но к непосредственным социальным порядкам он вынужденно лоялен, иначе он бы не смог заниматься никакой деятельностью. Эта лояльность к социальным порядкам является обязательной компонентой сознания всякого культурного человека, компонентой его ментальности и выработана всей историей культуры [9].

Такая лояльность выражалась в практическом социальном поведении человека, в степени его окультуренности. Потому что культурное обычно выражается через лояльность, а маргиналы, как правило, контркультурны.

Разумеется, в разных социальных средах эти порядки разнятся. Скажем, в сельской крестьянской среде они в большей мере построены на опыте соседских отношений; в городской промышленной среде на них больше влияют профессионально-коллегиальные отношения и служебная иерархия. Но в любом случае реальная социальная жизнь общества больше зависит от этих порядков, чем от действий властей. Поэтому лояльность к ним является основой социальной устойчивости общества, и революции в первую очередь ломают именно социальные порядки повседневной жизни людей. Это можно считать наиболее важным социальным результатом культуры.

Лояльность доминирующим социальным порядкам — это результат адаптации к историческим условиям бытия общества и представляет собой важнейшее историческое завоевание культуры, превратившееся в устойчивый стереотип сознания.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что культурная система обладает следующими свойствами:

1) генетически биологична, ведёт своё происхождение от социального поведения животных;

2) по целям — адаптивна, приспосабливает общество к внешним условиям существования;

3) по технологии — коллективна, обеспечивает совместную деятельность людей;

4) по результату — конформна, обеспечивает лояльность людей социальному порядку.

Таким образом, мы видим, что все рассмотренные системообразующие свойства культуры работают на достижение одной цели — социальной интеграции общества. Это и есть важнейшая стратегическая задача культуры, ради которой она и возникла как феномен устройства человеческого общества.

На предыдущем этапе эволюции жизнь развивалась в форме индивидуальных биологических организмов. Они, конечно, взаимодействовали, но от этого их выживание не зависело. Человек выживает только тогда, когда он существует в окружении устойчивых социальных коллективов — сообществ. То есть мы видим следующий этап эволюции — существование жизни в коллективных формах, основной среди которых представляется этнос (народ). И культура является главным механизмом, обеспечивающим такое коллективное выживание и существование.

Животные не занимаются коллективной деятельностью, но им, как правило, свойственно коллективное проживание. Поэтому у них нет и развитой культуры, необходимой для совместной деятельности, а наблюдаются лишь эмбриональные формы культуры, достаточные для совместного проживания. А для людей коллективная деятельность является основной, поэтому получили развитие и соответствующие формы культуры.

Вместе с тем мечты писателей-фантастов об объединении всего человечества в единый народ представляются неосуществимыми. Если даже удастся преодолеть различия в языках, расах, религиях, то различия в культурах, тех самых социальных порядках, а за ними и ментальностях разных народов преодолеть не удастся. Культура недаром существует в виде большого числа локальных образований, делящих человечество на множество народов. Значит, в этом есть какой-то высший смысл, которого мы ещё не понимаем.

Список использованных источников

1. *Бутовская, М. Л. Систематика и поведение приматов / М. Л. Бутовская, М. А. Дерягина. — Москва : Энциклопедия российских деревень, 2004. — 272 с.*
2. *Гринин, Л. Е. Макроэволюция в живой природе и обществе / Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев ; Российская акад. наук, Палеонтологический ин-т [и др.]. — Изд. 2-е. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 247 с.*
3. *Кондаков, И. В. Культурогенез до культурогенеза (от алмаза до «кошачьей музыки») / И. В. Кондаков // Культурология: имя собственное. — Москва, 2021. — С. 44–65. — (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера).*
4. *Костина, А. В. Тернарная функциональная модель культуры / А. В. Костина, А. Я. Флиер // Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса / А. В. Костина, А. Я. Флиер. — Москва, 2011. — С. 15–130.*
5. *Маркарян, Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. — 1982. — № 2. — С. 78–96.*
6. *Пелипенко, А. А. Культура как система: Структурная морфология культуры / А. А. Пилипенко, И. Г. Яковенко. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 271 с.*
7. *Резникова, Ж. И. Интеллект и язык животных и человека : основы когнитивной этологии / Ж. И. Резникова. — Москва : Академкнига, 2005. — 518 с.*
8. *Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 02.10.2015).*
9. *Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры. — 2019. — № 1. — URL: http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/ (дата обращения: 18.06.2019).*
11. *Энгельс, Ф. Роль труда в превращении обезьяны в человека // Маркс К. Избранные произведения : в 3 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва, 1985. — С. 69–82.*

Материал поступил в редакцию 02.07.2021.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.

ДОМБРОВСКАЯ ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ И ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОТЕК

В статье кратко освещены современные проблемы социокультурной реабилитации инвалидов и задачи в этой области, стоящие перед Дальневосточной государственной научной библиотекой; представлен опыт работы в Хабаровске со слепоглухими пользователями.

Ключевые слова: инвалиды, социокультурная реабилитация, библиотека, слепоглухие.

Keywords: disabled person, sociocultural rehabilitation, library, deafblind persons.

По данным ООН, в настоящее время в мире насчитывается около миллиарда людей с нарушениями психического и физического развития –– это составляет примерно 1/7 всех жителей нашей планеты. Несомненно, что люди с ограничениями здоровья должны иметь возможность жить полнокровной жизнью в социальном, экономическом и психическом отношении, тем более что для этого сегодня существует достаточно предпосылок. Этому могут помочь мероприятия, повышающие их физические, социальные и экономические возможности. Отметим, что важнейший фактор интеграции инвалидов в общество — отношение к ним окружения здоровых людей и проведение реабилитационных мероприятий.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает следующее определение реабилитации: «Реабилитация представляет собой совокупность мероприятий, призванных обеспечить лицам с нарушениями функций в результате болезней, травм и врожденных дефектов приспособление к новым условиям жизни в обществе, в котором они живут» [1].

Этот процесс является одним из социальных явлений, направленных на всестороннюю помощь инвалидам для достижения ими максимально возможной физической, психической, профессиональной, социальной и экономической полноценности. Он обеспечивает возможность предоставления инвалидам равных возможностей, улучшение их положения в обществе, создание для людей с ограниченными функциями здоровья условий для повышения качества их жизнедеятельности.

Среди направлений социальной политики государства особое место занимает социокультурная реабилитация, при реализации которой большое значение имеет деятельность культурно-досуговых учреждений, работающих с группами пользователей, имеющих ограничения здоровья.

Сегодня социокультурная реабилитация является важной частью жизни людей с инвалидностью, включая в себя все возможные мероприятия, которые способствуют развитию и внутреннему росту человека. Важно понимать, что люди с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), приобщаясь к культуре, вовлекаются в культурное сообщество и становятся его частью.

Основной целью социокультурной реабилитации у людей с ОВЗ является развитие умений и навыков использования средств культуры и искусства. Главная задача при этом — расширение творческих способностей этих людей. При проведении культурно-массовых мероприятий и участии в творческих проектах люди с инвалидностью приобретают опыт коммуникации, реализуют свои творческие возможности и расширяют круг общения.

К сожалению, в процессе жизни инвалид сталкивается с большим количеством различных проблем, которые необходимо решать с помощью государства, общества и специалистов, так как ему невозможно решить их самостоятельно. Это могут быть материальные или психологические проблемы, проблема негативного отношения со стороны окружающих и многое другое. Проблемы, связанные с недоступностью или ограниченной доступностью различных социокультурных потребностей, стоят особняком в этой череде. К ним относятся следующие: организация досуга, получение образования, возможность или невозможность общения, включённость в жизнь общества, приобщение к культурным и духовным ценностям. Это только небольшая часть наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются инвалиды в своей жизни. Важно отметить, что решение государством хотя бы частично задач социокультурной реабилитации инвалидов позволяет уменьшить социальную напряжённость среди данной категории населения.

Есть масса вещей, к которым инвалид должен быть причастен: развитие способностей, получение возможностей для их реализации, формирование жизненных установок, которые помогут независимой личности, развитие эмоционально-волевой сферы и т. п. — всё это является необходимым условием для участия в социокультурной жизни общества.

Основная цель подобной работы — реализация прав любого человека на свободное владение информацией и приобщение к получению нематериальных ценностей. К сожалению, физические недостатки влияют на взаимодействие инвалида с миром и его возможность общения, что, конечно, влечёт за собой чувство одиночества. Библиотека в этом плане может сделать многое для организации отдыха, просвещения и общения людей с ОВЗ.

Деятельность библиотек в сфере социальной интеграции инвалидов заключается прежде всего в следующем:

– проведение реабилитационной работы, направленной на формирование нравственной и эстетической культуры, культуры чтения;

– оперативное предоставление читателям с ОВЗ информации, первоочередное обеспечение их содержательными книгами;

– всемерное содействие получению образования и работа по профессиональной ориентации, способствующая переключению внимания и интересов на доступную деятельность, а также соответствующая подготовка учащихся специальных школ;

– предоставление информации о детях-инвалидах деятелям культуры, представителям общественности и бизнеса, которые могут оказать им реальную помощь;

– установление тесной связи с обществами слепых, глухих и другими организациями, которые проводят работу по социокультурной реабилитации инвалидов;

– использование при обслуживании инвалидов современных технических средств, компенсирующих дефекты и расширяющих возможности их приобщения к культурной жизни.

В 2011 году в нашей стране на государственном уровне была принята программа «Доступная среда», которая предусматривает работу в этом направлении на самых разных уровнях и сферах деятельности, в том числе в сфере культуры. И теперь тема работы государственных учреждений с незащищёнными категориями людей, в частности с людьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, является одной из самых актуальных.

К сожалению, руководители не всех учреждений культуры понимают, как можно реализовать данную программу и наладить обратную связь, которая выступает важной составляющей «Доступной среды». Важно отталкиваться от понимания, что здесь необходима активная работа с пользователями и выявление творческого потенциала, что есть категория людей, для которых все наши услуги должны быть доступны.

В первую очередь мы ставим перед собой задачу донести актуальность и необходимость проведения библиотеками работы с людьми с инвалидностью и ОВЗ, а также рассказать о возможных и наиболее эффективных формах работы, проектах и мероприятиях, которые уже были успешно внедрены и проведены в последнее время.

Любая библиотека выполняет определённые социальные функции, в зависимости от социокультурной ситуации, ожиданий читателей и потребностей социального развития. Процессы, происходящие в обществе, новые требования, предъявляемые к информационному обслуживанию пользователей, привели к изменению концепции работы с инвалидами и людьми с ОВЗ практически во всех библиотеках, в том числе и в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ).

К числу реабилитационных задач, выполняемых библиотеками, сегодня относятся:

– определение потенциальных абонентов библиотеки и их читательских особенностей;

– организация библиотечного обслуживания читателей с ОВЗ, доведение книги до каждого инвалида, нуждающегося в особом подходе;

– разработка специфических средств, форм и методов работы в соответствии с категориями инвалидности;

– предоставление таким читателям библиотечного обслуживания в полном объёме.

Отвечая современным реалиям, ДВГНБ поставила перед собой новые задачи, ориентированные на создание и развитие открытой библиотеки. Открытой не только для инвалидов различных категорий и специалистов, работающих с ними, но и для новых групп пользователей из социально незащищённых слоёв населения, а также партнёров и общественности. Новые задачи отразились на деятельности ДВГНБ в целом, что явилось условием расширения спектра услуг и форм обслуживания.

Это стало возможно лишь после осознания необходимости отказа от сложившихся стереотипов относительно функционирования научной библиотеки как закрытого учреждения. Принятый за основу деятельности принцип открытости привёл к расширению целевых групп пользователей, появлению других форм работы, качественному взаимодействию с партнёрами. Благодаря этому стала возможной реализация нетипичных для библиотеки проектов, способствующих привлечению новых категорий пользователей. Участвуя наравне со здоровыми людьми в мероприятиях, проводимых ДВГНБ, люди с ОВЗ имеют возможность более полного и лёгкого вхождения в социум здоровых людей, расширяя круг своего общения.

Эпидемия коронавируса 2020 года в России во многом изменила работу с инвалидами в учреждениях культуры — в течение года мероприятия для этой категории пользователей практически не проводились, так как они относятся к группе повышенного риска. В Хабаровске работа с инвалидами велась в режиме онлайн. Именно так проводилось обучение лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности по программе «Мобильный помощник». Обучение прошли около 30 пользователей — взрослые и учащиеся школы-интерната для детей с проблемами зрения.

С октября 2020 года в ДВГНБ запущен модуль для онлайн-обучения инвалидов на персональном компьютере, который регулярно пополняется новыми видеоуроками. В сложный период самоизоляции сотрудники отдела «Центр доступа к электронным ресурсам и межкультурных коммуникаций» проводили онлайн-консультации по поиску литературы, консультирование по работе с гаджетами для незрячих и слабовидящих пользователей и пользователей, имеющих инвалидность.

В ДВГНБ уже пятый год продолжает работу клуб «Спектр» для незрячих и слабовидящих людей. Клуб организован с целью создания условий для интеллектуального и культурного развития незрячих и слабовидящих пользователей, интеграции инвалидов по зрению в мировое информационное пространство.

Коллективом библиотеки ежегодно проводится большая работа по социокультурной реабилитации инвалидов, укреплению материально-технической базы, направленной

на расширение возможностей взаимодействия с пользователями с ограничениями здоровья. Каждый год в библиотеке осуществляются дополнительные мероприятия по повышению доступности внутрибиблиотечной среды, расширению спектра предоставляемых услуг, что позволяет создать более комфортные условия для обслуживания пользователей данной категории.

Наличие информационных запросов у читателей с инвалидностью позволяет сотрудникам ДВГНБ оказывать им услуги удалённо, предоставлять онлайн-доступ к полнотекстовым базам данных. При стационарном обслуживании данной категории пользователей библиотекари учитывают запросы, интересы, читательские предпочтения, эмоциональное и физическое состояние читателей. Сегодня основная цель любой библиотеки, работающей с людьми с ограничениями жизнедеятельности, — содействие и помощь в скорейшей и достаточно полной их интеграции в общество.

Работают в библиотеках Хабаровска и с такой сложной категорией инвалидов, как слепоглухие, то есть люди, имеющие проблемы как зрения, так и слуха. У этих людей существуют особенности общения, передвижения и ориентировки в пространстве, доступа к информации, культурным продуктам и образованию. Необходимо помнить, что слепоглухие не должны выступать для здоровых людей только как объекты опеки, социального или педагогического воздействия, и нам надо понимать, что они субъекты и равноправные партнёры взаимодействия с другими людьми. Эти проблемы качества жизни и качества общения человека вообще и человека с нарушениями слуха и зрения в частности являются важными, и их решение стало обоснованием работы, проводимой с инвалидами данной категории.

Успех развития сотрудничества и взаимоотношений между слепоглухими и их родными, друзьями или специалистами зависит не только от знаний средств общения и умения сопровождать подобного инвалида, но и от соблюдения обеими сторонами определённых этических принципов и правил, способствующих взаимопониманию и взаимоуважению. Следуя советам и правилам организации общения со слепоглухим человеком, нужно понять, что нет особых проблем в освоении специальных средств общения, это сделать достаточно просто. Труднее всего быть терпеливым и тактичным, сохранять не только уважение к другому человеку, но и своё достоинство.

Мир, в котором вынужден жить слепоглухой, — это мир видящих и слышащих людей, который устроен в расчёте на зрение и слух, а не на осязание. Масса информации в культурных мероприятиях рассчитана сразу на восприятие как зрительное, так и слуховое. Конечно, полная потеря зрения или слуха встречается в мире не настолько часто и для людей с подобными проблемами сделано много, хотя это зависит зачастую от возможностей страны, в которой живёт инвалид. О полной самостоятельности не только слепоглухих, а даже глухих или незрячих говорить невозможно. Это не их мир, он может отчасти стать более доброжелательным, более доступным, но всё равно чужим. Опыт сотрудничества слепоглухих и обычных людей достаточно уникален. И мы хотели бы осветить формы работы библиотек с этой сложной категорией инвалидов.

Учитывая проблемы, связанные с поддержкой и социализацией категории инвалидов с потерей зрения и слуха, в марте 2014 года на заседании Наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив под председательством Президента России В. В. Путина был учреждён Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение». Решение о создании фонда было продиктовано тем, что слепоглухие в России оказались вне внимания власти и общества. Целью фонда являются системные изменения в области поддержки и социальной интеграции людей с одновременным нарушением слуха и зрения.

Фонд «Со-единение» в рамках реализации программы «Социальная реабилитация и интеграция» уже шесть лет осуществляет проект «Досуговые центры для слепоглухих», открывая их по территории России. Центр в Хабаровске объединяет 20 инвалидов. Большинство из них — это пожилые люди (65–90 лет), которые стали инвалидами в силу своего возраста. Все имеют тяжёлые нарушения зрения, из них тотально слепые — 80%. Ограничения по слуху тоже довольно значительные, однако большинство могут с помощью слуховых аппаратов получать аудиоинформацию, специально адаптированную для этой категории лиц.

Для проведения досуга у слепоглухих не так много возможностей. Большинство из них не работают и могут себя занять только бытовыми проблемами. А им хотелось бы получать какие-то новые впечатления, помогающие уменьшить напряжение, преодолеть изоляцию от широкого мира. Досуга в том понимании, какой в него вкладывают зрячие и слышащие люди, у слепоглухих нет. Потому что нельзя назвать досугом угнетающее безделье человека, который в то же время в состоянии что-нибудь делать. Прогулки для слепоглухих тоже связаны с целым рядом трудностей и чрезвычайным напряжением. Поэтому работа по социокультурной реабилитации слепоглухих очень важна для их поддержки и социализации.

Книги являются для инвалидов полноценным источником информации, а для слепоглухих (имеющих остаточный слух) часто единственным способом самообразования. Это могут быть книги, изданные по Брайлю (но, к сожалению, многие позднослепшие инвалиды им не владеют), аудиокниги и электронные книги, которые они прослушивают с помощью специальных устройств — тифлофлешплееров.

Для многих из них самым хорошим видом отдыха является прослушивание озвученной художественной литературы или чтение книг, напечатанных шрифтом Брайля.

Огромные возможности для получения разнообразной информации из внешнего мира, а также для переписки с друзьями даёт компьютер с подключением к сети Интернет. В настоящее время всё больше слепых и слепоглухих учатся работать на персональных компьютерах и даже получают их в пользование от фонда «Со-единение» после окончания курсов. Работают они через программу Jaws for Windows — это самая популярная в мире программа экранного доступа, работающая на ПК в среде Windows. Jaws даёт возможность получить доступ к необходимому программному обеспечению и Интернету. Информацию слепоглухие могут черпать и в специальных изданиях, например из журнала «Собеседник». Он издаётся сразу в трёх форматах: звуковом, текстовом (отпечатанном брайлевским шрифтом), а также крупношрифтовом.

Несомненно, популярны массовые формы работы со слепоглухими: музыкально-литературные встречи, тематические вечера, концерты дальневосточных композиторов и исполнителей, посвящённые знаменательным датам и праздникам. Досуговые мероприятия зачастую имеют информационную составляющую: беседы и обзоры, выступление специалистов. Для проведения консультационно-информационных встреч приглашаются работники отделов социальной защиты и здравоохранения из краевой и городской администраций. Организуются информационные встречи с представителями социальных служб, банков, центров реабилитации и т. п., на которых инвалиды могут получить ответы на интересующие их вопросы.

В течение четырёх лет для инвалидов с проблемами зрения и слуха проводился цикл мероприятий «Хабаровский край становится ближе». Основная цель подобной работы — более близкое знакомство с родным краем, выезд за пределы города, участие в коллективных групповых мероприятиях. Во время таких экскурсий слепоглухие посещали интересные места в Хабаровске и его окрестностях, знакомились с природой Хабаровского края. За это время инвалиды побывали в природном экологическом комплексе, а в рамках программы «Санаторий выходного дня» они смогли посетить несколько санаториев в пригороде Хабаровска.

Несомненно, общение с природой позитивно сказывается на самочувствии инвалидов, переоценить его значение невозможно. Природа — уникальный источник восстановления внутреннего равновесия человека. Слепоглухие тактильно знакомятся с листьями, шишками, стволами деревьев, наслаждаются свежим воздухом и возможностью прогулок.

Для того чтобы участники центра больше узнали об истории родного края и города, для них были проведены экскурсии и мастер-классы в музее археологии, в краеведческом музее, в музее истории г. Хабаровска. Музейные коллекции были представлены таким образом, что инвалиды могли тактильно познакомиться с экспонатами, лучше понять исторические особенности жизни и быта древних народов. Музей археологии дал им возможность участвовать в мастер-классах по лепке изделий из глины и по стрельбе из лука. А прогулки на теплоходе позволили познакомить слепоглухих с историей освоения реки Амур. Такие поездки дают возможность инвалидам покинуть на время свои квартиры и получить заряд бодрости и хорошего настроения.

Очень интересным было для них посещение Дальневосточного художественного музея, который смог представить для слепоглухих выставку картин, среди них — объёмные (выпуклые) произведения, которые рассчитаны на тактильное восприятие. Инвалиды познакомились на информационной встрече с особенностями работы художников, получили представление о материалах и инструментах, используемых для творчества.

Большой популярностью пользуются у инвалидов экскурсии на производства Хабаровска, занимающиеся изготовлением пищевой продукции, причём многие из поездок сопровождаются дегустацией. Слепоглухие экскурсанты посетили кондитерскую фабрику, фабрику мороженого, мастерскую осетинских пирогов и другое; напомним, что вкусовые ощущения являются важной составной частью мировосприятия инвалидов данной категории.

Одна из любимых поездок слепоглухих — посещение зоологического сада, которое проводилось ежегодно, так как положительный эффект от взаимодействия с животными и проведения зоотерапии очень высок. Зоосад привлекает к работе специалистов по психологии и зоотерапии. Существует специальный «комплект» животных, которые помогают зоопсихологам. Это прежде всего домашние животные, знакомые многим инвалидам с детства, особенно людям, выросшим в сельской местности, таких среди слепоглухих достаточно много.

Как уже отмечалось, большинство инвалидов благодаря слуховым аппаратам могут посещать все мероприятия, в том числе концерты. Музыкальные встречи воспринимаются слепоглухими с энтузиазмом и всегда привлекают большое количество участников, желающих их посетить. Мероприятия центром проводились ежемесячно, а средства для их финансирования ежегодно предоставлял Фонд «Со-единение».

Слепоглухие в Хабаровском крае достаточно немногочисленны (по официальным данным, на 1 сентября 2021 г. их 20 человек), полных данных в масштабах Дальневосточного региона в настоящее время нет. Часть проблем на сегодняшний день решена, но перед специалистами,

работающими со слепоглухими, встают всё новые и новые задачи. Необходимо помнить, что этим инвалидам всю жизнь будет необходима помощь других людей и социокультурная реабилитация.

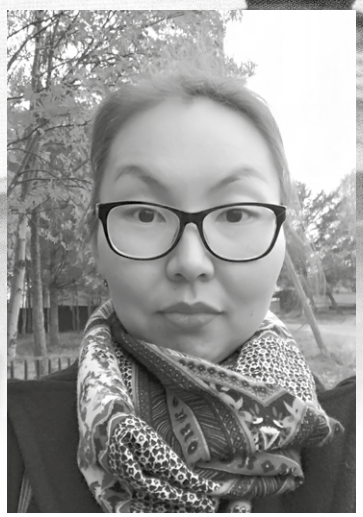
В заключение отметим, что наряду с общепринятыми целями и задачами, стоящими перед всеми библиотеками, такими как: формирование потребности в чтении, самообразовании, необходимость духовного и интеллектуального роста, знакомство с произведениями классиков и современных авторов, Дальневосточная государственная научная библиотека ставит перед собой задачу создания равных условий в получении информации инвалидами всех категорий, в их социально-культурной реабилитации и адаптации в обществе.

Список использованных источников

1. Всемирный доклад об инвалидности / Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк. — Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. — Женева, 2011. — URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/ (дата обращения: 30.12.2019).

Материал поступил в редакцию 29.07.2021.

Сведения об авторе: Домбровская Ирина Вячеславовна, старший научный сотрудник Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат педагогических наук (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: dombrovskaya10@yandex.ru; тел. 8-962-501-83-99.

МАЛАКШАНОВА ВИКТОРИЯ БАТОРОВНА

ПРОЕКТ «ЗАБЫТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ФОТОГРАФИИ ПЕТРА ШИМКЕВИЧА. XIX ВЕК»: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрен опыт реализации музейно-просветительского проекта «Забытое путешествие: фотографии Петра Шимкевича. XIX век», реализованного Хабаровской краевой молодёжной общественной организацией коренных малочисленных народов Севера «Феникс Амура» при поддержке Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, с использованием средств гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

Ключевые слова: проект, некоммерческая организация, доступность, фотография, музей.

Keywords: project, non-profit organization, availability, photo, museum.

В настоящее время одна из задач, стоящих перед музеями, архивами и библиотеками, — это повышение уровня осведомлённости населения о коллекциях, хранящихся в их собраниях, и обеспечение доступа к ним широкой общественности. Большая часть артефактов остаётся неизвестной в хранилищах культурных и научных учреждений. Особенно остро проблема доступности стоит перед гражданами, проживающими в сельской местности и труднодоступных населённых пунктах, где слабо развиты сети музеев, взаимосвязь с культурными центрами. В музеи в административных центрах муниципальных районов края редко доставляются крупные выставки. Это обусловлено рядом объективных причин: удалённостью от больших городов, сложностью в транспортировке, отсутствием условий для экспонирования, отсутствием качественного и отвечающего нормам оборудования, слабым финансированием и другими. Однако музеи и центры культуры в малых населённых пунктах являются одним из основных мест для проведения образовательного, семейного досуга.

В целях обеспечения широкого доступа к памятникам историко-культурного наследия для населения Хабаровского края с июля 2020 года по сентябрь 2021 года Хабаровской краевой молодёжной общественной организацией коренных малочисленных народов Севера «Феникс Амура» реализовывался проект «Забытое путешествие: фотографии Петра Шимкевича. XIX век».

На первом этапе проекта была создана передвижная выставка этнографической фотографии конца XIX века. Снимки собраны из восьми учреждений культуры и науки России: Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск), Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Государственного музея истории религии (г. Санкт-Петербург), Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск), Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова (г. Чита), Национального музея Республики Бурятия (г. Улан-Удэ). На выставке экспонировались 85 копий снимков, которые были обработаны и напечатаны в большом масштабе и представлены в специально изготовленном, облегчённом для транспортировки оборудовании. Это уникальный документальный материал, имеющий историческое и художественное значение. В России эти изображения до этого проекта не были представлены в публикациях и на выставках.

Автор снимков — Пётр Поликарпович Шимкевич (1862–1920 гг.), чиновник для особых поручений, в своих служебных поездках посетил стойбища эвенков, нанайцев, негидальцев, поселения бурят, якутов, китайцев и других. Он детально зафиксировал предметы быта и одежды, жилища, хозяйственные постройки, общие собрания, обряды и религиозные церемонии. Результатами поездок П. П. Шимкевича были доклады со статистическими данными, этнографические карты Забайкальской области, бассейнов Амура и Буреи, научные труды по шаманизму гольдов (нанайцев), тунгусов (эвенков) и фотографии на стеклянных пластинах. По заданию Приамурского отдела Императорского Русского географического общества из командировок Пётр Шимкевич привёз много этнографических предметов, которые передал в фонды Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, Российского этнографического музея, Кунсткамеры и в другие музеи страны и зарубежья [1, с. 21–25].

Этнографические труды П. П. Шимкевича являются одним из достоверных источников по изучению духовной культуры нанайцев. Однако о Петре Поликарповиче мало знают как о фотографе, и до сих пор в России не были опубликованы его снимки. За время пребывания на Дальнем Востоке он сделал немало интересных фотографий, которые являются ценнейшим источником в изучении истории и культуры народов региона. Сложные условия, в которых приходилось работать исследователю, способствовали разви-

Передвижная выставка в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова. 2020 год. Фотограф — А. Храмцов.

тию навыков владения фотокамерой. В одной из поездок его профессионализм был оценён американским фотографом Г. У. Джексоном (Jackson, William Henry) [2, pp. 296–301]. Проявленные Петром Шимкевичем изображения были оформлены в альбомы, в паспарту или наклеены на картон с фирменной этикеткой, затем подарены друзьям, близким. Через некоторое время эти фотографии попали в фонды музеев, библиотек и архивов, где хранятся до наших дней. Поразительно, что значительная часть негативов — хрупкого отснятого материала, стеклянных пластин — была доставлена в Берлин в полной сохранности, несмотря на то, что исследователь преодолевал огромные расстояния, передвигаясь на нартах, санях, лодках, лошадях, оленях и верблюдах. Энтузиазм и подвижничество таких людей вдохновляют и дают творческий импульс современным исследователям, фотографам, путешественникам.

Первая выставка в рамках проекта была организована в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова с 1 октября по 9 декабря 2020 года. Также были проведены кураторские лекции и экскурсии, детские занятия. Далее выставка отправилась в путешествие по Хабаровскому краю. Первый пункт — один из самых отдалённых городов территории — г. Николаевск-на-Амуре, где выставка экспонировалась в Межпоселенческом краеведческом музее имени В. Е. Розова. Затем эту экспозицию увидели жители и гости пяти муниципальных районов края: в с. Троицком Нанайского района, в г. Комсомольске-на-Амуре Комсомольского района, в г. Амурске Амурского района, в пос. Чегдомын и Новом Ургале Верхнебуреинского района, в с. Сикачи-Алян Хабаровского района.

Параллельно с путешествием выставки по краю в г. Хабаровске работала её промо-версия. Она экспонировалась в кинотеатре «Совкино», затем в течение полугода в хабаровском аэропорту, в зоне прилёта, и с июля — на новой выставочной площадке StandArt-ДВ by KHV, в здании старого аэропорта. В июне выставка была представлена в воинской части 25625 (пос. Корфовский) в рамках всеармейских игр «Аварийный район», в июле — в зоосаде «Приамурский» имени Вс. П. Сысоева.

Открытие первой выставки проекта. Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, октябрь 2020 года. Фотограф — Н. Романова.

Мероприятие для школьников. Село Троицкое Нанайского района, февраль 2021 года. Автор неизвестен.

Фотографии нанайцев на выставке. Фотограф — А. Храмцов.

За всё время работы выставок были проведены церемонии открытия, кураторские лекции для взрослых и детей, мастер-классы, свыше 100 экскурсий, в муниципальных музеях прошло 11 занятий, в том числе с приглашёнными преподавателями из высших учебных заведений. Посетители выставки узнали много нового о культуре коренных народов Дальневосточного федерального округа в целом и о малочисленных этносах (о нанайцах, эвенках, удэгейцах и др.) в частности.

В условиях введённых ограничений для решения образовательной задачи на базе выставки были подготовлены онлайн-лекции, в организации которых участвовали специалисты из разных областей науки и искусства, представители якутского и бурятского землячеств. Были подготовлены видеоролики о традиционной одежде и её элементах, видео-мастер-класс по амбротипии (раннему фотографическому процессу) и фильм о фотографиях П. П. Шимкевича. Все материалы представлены на странице проекта в социальной сети Instagram, на официальных аккаунтах партнёров в Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и на каналах YouTube «Феникса Амура», Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова. На организованных мастер-классах по амбротипии и в тесном общении с эвенкийскими мастерицами зрители узнали о нестареющих технологиях в фотографическом процессе и о традиционной культуре эвенков. Видеоматериалы проекта доступны и востребованы в образовательных учреждениях и на их платформах в качестве ресурсов для знакомства и изучения культуры народов Дальнего Востока.

Информационное сопровождение было осуществлено с помощью традиционных средств массовой информации (статьи и интервью) и посредством социальных сетей. В сети Instagram была зарегистрирована страница проекта @petr.shimkevich (Пётр Шимкевич). Создание отдельного аккаунта дало возможность освещать события и постоянно быть на связи с благополучателями, наладить обратную связь (вопросы, пожелания). Опросы и комментарии, записанные в книге отзывов передвижной выставки, а также оставленные в социальных сетях, позволили нам оценить интерес и востребованность в таких проектах не только в Хабаровском крае, но и в других регионах России. За нашей работой следили не только хабаровчане и жители края, но и жители Якутска, Москвы, Благовещенска, Владивостока и Бурятии. Кроме того, анализ подписчиков аккаунтов говорит о том, что проект был интересен не только молодёжи, но и взрослой аудитории в возрасте от 40 лет. Интересно, что 50% аудитории аккаунта организации «Феникс Амура» в возрасте от 18 до 34 лет, 20% — от 35 до 44 лет. А у аккаунта проекта 64% — от 25 до 44 лет, 15% — 45–54 года. Таким образом, активная работа в социальной сети позволила расширить аудиторию и географию проекта.

Об истории проекта, о его реализации и предварительных результатах представители «Феникса Амура» рассказали на VIII межрегиональной научно-практической конференции «Поликультурное образование и межэтническое общение: коренные малочисленные народы Хабаровского края» (29 апреля 2021 г.) и на научной секции X Гродековских чтений (20–21 апреля 2021 г.).

Параллельно с работой передвижной выставки к изданию готовился альбом фотографий П. П. Шимкевича. В результате исследовательской работы автору проекта, В. Б. Малакшановой, удалось найти в библиотеках, архивах, собраниях музеев Хабаровского, Забайкальского краёв, Республики Бурятия, Амурской и Иркутской областей, в музеях г. Санкт-Петербурга другие снимки Петра Шимкевича конца XIX века. Всего в альбоме представлено 547 изображений из фондов одной библиотеки и девяти отечественных музеев: Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск), Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), Государственного музея истории религии (г. Санкт-Петербург), Амурского областного краеведческого музея имени Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск), Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова (г. Чита), Национального музея Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), Новокузнецкого краеведческого музея (г. Новокузнецк), Иркутского областного краеведческого музея (г. Иркутск), Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Также в альбоме опубликовано 11 фотографий из собраний Государственных музеев Берлина, находящихся в ведении Фонда прусского культурного наследия, — из коллекции Этнологического музея (Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Ethnologisches Museum). Свой вклад в создание альбома внесли потомки П. П. Шимкевича, некоммерческие организации и общественные деятели, учёные, которые поделились сведениями, снимками и консультировали по ряду возникших вопросов. Тираж книги составил 1 000 экземпляров.

Альбом «Забытое путешествие: фотографии Петра Шимкевича. XIX век» был издан и презентован на завершающем этапе проекта и стал логическим продолжением передвижной выставки. Книга более наглядно показала возможности использования музейных предметов в образовательном процессе. Об этом в ходе экспертного интервью, которое было организовано для оценки результатов проекта, рассказала доктор педагогических наук, профессор Хабаровского краевого института развития образования О. Ю. Стрелова. Она отметила многофункциональность и многогранность про-

Альбом фотографий П. П. Шимкевича. Фотограф — Н. Романова.

екта: выставку и альбом можно использовать в изучении истории родного края; через личность фотографа, историю его семьи можно рассказать о периоде истории страны в целом; на основе предложенных фотографий можно развивать свои индивидуальные проекты этнографического, культурологического и даже психологического характера. Полный вариант интервью представлен на странице проекта в социальной сети Instagram. Альбом передан в библиотеки, школы, учебные заведения, музеи для использования в качестве дополнительного источника в изучении истории родного края.

Таким образом, в ходе реализации проекта были созданы новые качественные продукты: передвижная выставка, издан альбом фотографий, подготовлены и представлены видеоматериалы (лекции и сообщения) о проекте, о фотографиях Петра Шимкевича, о культуре коренных народов Дальневосточного региона и о процессе создания фотографии в XIX веке (амбротипии). Посредством создания выставки и книги была достигнута основная цель проекта — обеспечить широкий доступ к коллекциям этнографической фотографии из музеев России для населения Хабаровского края: впервые были опубликованы и представлены 547 неизвестных снимков из 11 учреждений культуры и науки России и зарубежья. Передвижная выставка была представлена в шести муниципальных районах Хабаровского края, в семи населённых пунктах и на многих крупных выставочных площадках г. Хабаровска, в том числе в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова, хабаровском аэропорту, зоосаде «Приамурский» имени Вс. П. Сысоева, кинотеатре «Совкино» и в других популярных локациях. Удалось охватить свыше 35 тысяч человек. Благодаря активному информационному сопровождению (продвижению в социальных сетях, взаимодействию со СМИ из других регионов) о проекте узнали за пределами Хабаровского края. Интерес жителей из Бурятии, Амурской области, Якутии говорит о востребованности выставки, что способствует дальнейшей работе над проектом после завершения гранта.

Несмотря на условия пандемии, все запланированные мероприятия были проведены. Благодаря помощи партнёров некоторые были переведены в онлайн-формат. Проект показал, что в партнёрстве НКО с учреждениями культуры возможно создание качественного продукта, отвечающего запросам аудитории. Тесное взаимодействие позволило привлечь в этот проект многие музеи России и даже зарубежья, без музейной поддержки не удалось бы получить многие изображения для публикации в альбоме.

Для всех членов команды проекта это был первый опыт участия в конкурсе и опыт реализации проекта. Каждый из нас открыл для себя новые возможности и получил необходимые знания, приобрёл полезные навыки и умения, а также познакомился с интересными людьми.

Проект показал, что проведение ряда комплексных мероприятий с привлечением музейных фондов, где хранится богатейшее историко-культурное наследие не только коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, но и других этносов Дальнего Востока, позволяет повысить уровень знаний об этих народах, способствует сохранению и популяризации культуры народов, укреплению единого культурного пространства России, повышению толерантности среди населения.

Список использованных источников

1. *Забытое путешествие : фотографии Петра Шимкевича. XIX век : альбом фотографий из собраний музеев России и зарубежья / сост. и авт. вступ. ст. В. Б. Малакшанова. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2021. — 292 с.*
2. *Jackson, William Henry. Time Exposure : The Autobiography of William Henry Jackson / William Henry Jackson. — New York: Putnam's Sons, 1940. — 341 pp. and 30 pp. bw photographs. — URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.32106002748108&view=1up&seq=1 (дата обращения: 31.03.2021). — Текст : электронный.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 15.09.2021.

Сведения об авторе: Малакшанова Виктория Баторовна, главный научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, член Хабаровской краевой молодёжной общественной организации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края «Феникс Амура», автор и руководитель проекта «Забытое путешествие: фотографии Петра Шимкевича. XIX век» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: malak2801@mail.ru; тел. (4212) 30-52-07.

ГЛАТОЛЕНКОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА,
ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УССУРИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ГОРОДЕ ВЯЗЕМСКОМ

В настоящей статье поднимается вопрос о ценности архитектурного наследия станционного посёлка города Вяземского Хабаровского края. Архитектурное оформление построенной в конце XIX века станции резко отличалось от построек, расположенных на противоположной от железнодорожных путей казачьей станицы и крестьянского посёлка. До наших дней на «вокзальной стороне» сохранилось большинство построек того времени. Авторы рассматривают их, отмечая, что в списке охраняемых объектов культурного наследия края в городе Вяземском числится только здание школы и бывшее паровозное депо. Изученный опыт работы с архитектурным наследием в провинции Хэйлунцзян (КНР), где уцелевшие крупные фрагменты станционных посёлков Китайско-Восточной железной дороги находятся под наблюдением, отреставрированы и превращены в туристический бренд, позволяет говорить о том, что и на Дальнем Востоке России при должном внимании возможно развитие подобного сценария.

Ключевые слова: архитектурное наследие, архитектурный образ родины, КВЖД, железнодорожная цивилизация, Уссурийская железная дорога.

Keywords: architectural heritage, architectural image of the homeland, Chinese Eastern Railway or CER, railway civilization, Ussuriyskaya railway.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 21-512-23004.

Помимо инфраструктурной роли, строящиеся железные дороги Российской империи конца XIX – начала XX века выполняли мощную цивилизационную миссию, неся на окраины христианство, просвещение и здравоохранение. Православные церкви, госпитали и школы входили в состав типовых железнодорожных посёлков, которые выпускники петербургских инженерных училищ возводили буквально на краю света. Если вокзалы являлись «воротами империи», то железнодорожные посёлки играли роль «цивилизационных модулей», подобно универсальным конструктам римских колониальных городов. Особое значение «железнодорожная цивилизация» имела на новых землях Российской империи — в Приамурье, Северной Маньчжурии, Туркестане, где процессы освоения территории сопровождались активным строительством городов и где отчётливее проявлялись черты архитектурного образа родины.

Станционный посёлок города Вяземского (на месте с. Медвежье) был построен в начале XX века в 130 км на юг от Хабаровска; назван в честь выдающегося инженера-изыскателя О. П. Вяземского, чей бюст установлен напротив современного здания вокзала со стороны железнодорожных путей, работавшего сначала на строительстве Уссурийской железной дороги, а после — на линии Казалинск — Ташкент.

Активное строительство в районе будущего города началось при возведении Уссурийской железной дороги, а позднее к востоку от станции появились казачья станица и крестьянский посёлок.

Три образовавшихся посёлка занимали обширную площадь, но были независимы друг от друга и различались внешне, в каждом была своя школа. Между крестьянским (Потанинским) и казачьим (Гленовским) посёлками проходила межа — нынешняя главная улица города, Коммунистическая (прежнее название — ул. Сталина); станцию Вяземская отделяла линия железной дороги. Происхождение названия казачьей станицы Гленовской до сих пор не установлено: по одним данным — в честь атамана (Н. А. Глен имел отношение к другой дальневосточной станице — недалеко от Хабаровска), по другой версии — станица могла носить имя исследователя П. П. Глена, который был участником Восточно-Сибирской экспедиции 1860-х годов и занимался изучением вновь приобретённых территорий на Сахалине и в Амурской области. В казачьем посёлке все жилые дома были одинаковые: деревянные, небольшие, прямоугольные в плане. В Вяземском краеведческом музее имени Н. В. Усенко (г. Вяземский) часть одного из залов отдана под реконструкцию жилого дома: в масштабе 1:1 в стенах старого дома воспроизведён быт казачьей семьи первых поселенцев. В посёлке казаков отдельного здания для школы не было — классы устраивались в обычном жилом доме. В крестьянском посёлке была двухклассная школа, размещалась она в специально выстроенном здании — двухэтажном, из бруса, с фасадами, обшитыми досками и совершенно лишёнными декора.

Строительство станционного посёлка велось под наблюдением железнодорожного ведомства. Генплан был выполнен по типовому проекту с обязательными элементами цивилизованного поселения: так же типовыми церковью, школой, больницей, сквером. Это, помимо экономии в проектировании и строительстве, на практике приводило к тому, что внешне железнодорожные посёлки, их архитектурное оформление и планировки, мало отличались друг от друга, что позволяло приезжающим на службу (зачастую кратковременную) железнодорожникам не испытывать неудобства. Наш тезис подтверждают проведённые в 2018–2021 годах натурные обследования разных участков Транссиба (бывших Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог, восточного направления Чита — Хабаровск).

Деревянное одноэтажное здание вокзала, построенное в 1897 году, снесено, на его месте воздвигнут типичный образец советского палладианства (даты постройки — 1959 и 1960 — и сегодня можно видеть на фронтоне главного фасада).

Современное здание железнодорожного вокзала в г. Вяземском, 2021 год.

Первый деревянный вокзал на станции III класса Вяземская, вид со стороны путей, графическая реконструкция Н. Кассина по фотографии [1].

Главные улицы посёлка проходили вдоль железнодорожных путей. На первой линии (нынешнее название — ул. Железнодорожная) кроме вокзала располагались постройки железнодорожного комплекса: паровозное депо (первое депо было деревянным, позже в него перевели ремонтные мастерские; кирпичное, с контрфорсами и вымпергами, было построено позднее по типовому проекту, такому же, как депо на ст. Евгеньевка (Спасская) и в Никольск-Уссурийском), водонапорная башня, склады. От церкви параллельно линии дороги шла главная улица (вторая линия, нынешняя ул. Котляра), на которую ориентировались здание школы, больница, казармы железнодорожного батальона.

Здание паровозного (локомотивного) депо в г. Вяземском, вид со стороны города, 2021 год.

Со временем вокруг привокзальной площади был разбит парк железнодорожников. Источники приписывают его авторство инженеру-путейцу Н. П. Долматову, который короткое время был начальником станции Вяземская [2]. В начале XX века в парке появился фонтан — подарок Николая Павловича на день рождения его жены, с двумя ярусами, большой нижней чашей, в центре — скульптурная композиция с лотосом, и фигуркой Амура. В фонде краеведческого музея имени Н. В. Усенко хранится групповая фотография железнодорожников начала прошлого века, на фоне виднеются детали фонтана с многоярусными чашами и венчающей их скульптурой. Сотрудниками музея фотография была отреставрирована и раскрашена так, что детали фона стали более яркими и различимыми.

Для детей из семей железнодорожников была построена церковно-приходская школа. В отличие от школ вдоль

Групповая фотография, снятая на фоне фонтана привокзального сада. Из фондов краеведческого музея имени Н. В. Усенко (г. Вяземский).

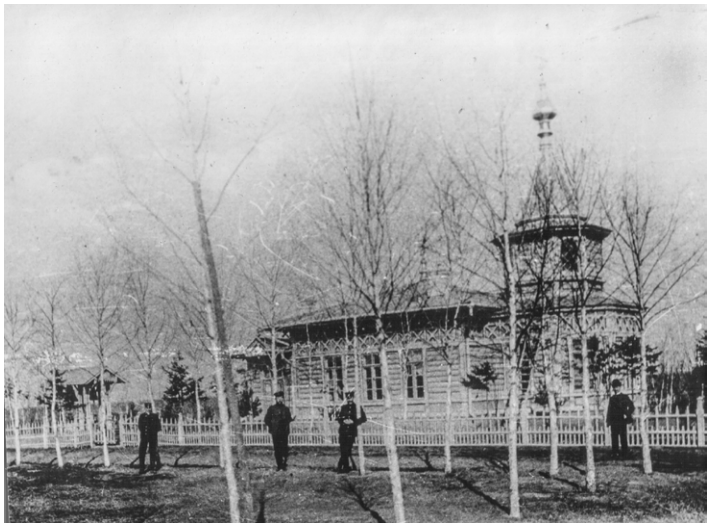
КВЖД, которые строились в тот же период (самый распространённый тип — школы-церкви, как правило, деревянные, с тремя пределами), на станции Вяземская было именно отдельно стоящее здание, выложенное из красного кирпича, одноэтажное, вытянутое вдоль улицы. Изначально был один корпус на пересечении нынешних улиц Пограничной и Котляра; позднее появилось второе здание, а в послевоенные годы они были объединены.

Вид на улицу Котляра: справа — школа для детей железнодорожников, на дальнем плане — храм Николая Чудотворца, 2021 год.

Церковь в честь Николая Чудотворца и преподобной Марии была построена недалеко от здания вокзала и завершала композицию привокзальной площади — типовое решение для многих станций. В советские годы в церкви был устроен клуб железнодорожников, а во время перестройки здание оказалось заброшенным. Его восстановление началось в 1991 году, в 1993-м обновлённая церковь была вновь открыта. Нынешний облик не имеет ничего общего с прежним.

Современный город Вяземский развился на противоположной от станции стороне, станционный же посёлок практически не претерпел изменений. Этот факт роднит его со многими станциями вдоль бывшей КВЖД (Ханьдаохэцзы, Анъянси, Бухэду, даже с г. Маньчжурией),

а)

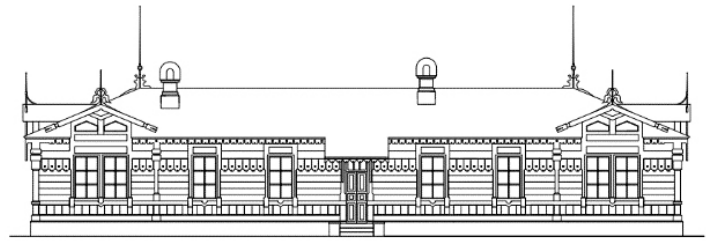

б)

Православный храм Николая Чудотворца:
а) фотография начала XX века
(из фондов краеведческого музея имени Н. В. Усенко);
б) современный вид, 2021 год.

где большая сохранность зданий, построенных в начале XX века, позволила превратить их в туристические объекты: русская архитектура на КВЖД сегодня — ключевой туристический бренд северо-востока Китая. В России, к сожалению, судьба подобных районов иная. Местными жителями города район вокзала воспринимается как простой частный сектор, которым на сегодняшний день он по большей части и является. В реестре охраняемых объектов культурного наследия числятся здания школы и железнодорожного депо, хотя, помимо них, сохранились целые кварталы деревянных жилых домов (со своеобразными резными наличниками с изображением скрещенных якоря и топора — символов Министерства путей сообщения), требующих внимания и реставрации [3].

В отличие от Китая, в России наследие Уссурийской железной дороги практически никак не атрибутировано. На зданиях висят таблички, но это либо современные памятные знаки о некогда живших заслуженных горожанах, либо знаки памяти Великой Отечественной войны. В список памятников архитектуры внесены два здания города.

а)

б)

в)

г)

Жилые дома: а) проект типового жилого дома
Северного участка Уссурийской железной дороги
(реконструкция авторов); б–в) жилые дома на станции Вяземская;
г) декор над окнами в виде символики инженеров-путейцев —
скрещенные топор и якорь, 2021 год.

В Китае же все сохранившиеся объекты — от здания управления дороги до полуразрушенных бараков — занесены в реестр и находятся под наблюдением, а любые

изменения внешнего облика — под запретом. Хочется верить, что и наследию Уссурийской железной дороги в России когда-нибудь будет уделено должное внимание…

Авторы выражают благодарность сотрудникам Вяземского краеведческого музея имени Н. В. Усенко за помощь в подборе иллюстраций.

Список использованных источников

1. *Станция Вяземская. — Изображение : электронное // PastVu : Интернет-сайт. — URL: https://pastvu.com/p/980584 (дата обращения: 02.05.2021).*
2. *Эпизоды Гражданской войны на станции Вяземская. — Текст : электронный // Официальный сайт администрации Вяземского муниципального района. История. Годы гражданской войны (1917–1922 гг.). — URL: https://vyazemskiyadm.khabkrai.ru/O-rajone/Istoriya/Gody-grazhdanskoj-vojny-1917---1922-gg-/4873 (дата обращения: 02.08.2021).*
3. *Перечень объектов культурного наследия Хабаровского края / Краевое государственное бюджетное учреждение «Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры». — Хабаровск, 2012, 2016. — URL: http://perechen.nasledie27.ru/monument?region%5B%5D=%D0%92%D1%8F%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD&q= (дата обращения: 02.08.2021). — Текст. Изображение : электронные.*

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 04.10.2021.

Сведения об авторах:
Глатоленкова Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: 008703@pnu.edu.ru; тел. 8-924-211-57-48.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

ГОРОДА И ПОСАДЫ

В статье представлен краткий обзор архитектурных ландшафтов главных городов Приморья и Приамурья. Как в «коренных», материковых русских городах всегда был укреплённый каменный кремль (пространство власти) и «народный» посад, ютящийся под стенами, жмущийся к «настоящему», «господскому» городу и пытающийся ему подражать, так и в современных дальневосточных городах читается бинарная структура: «каменный» центр и посад, где всё те же деревянные избы обшиваются сайдингом и облицовываются фальшивым брусом и декоративным кирпичом.

Ключевые слова: дальневосточная народная архитектура, вернакуляр.

Keywords: Far Eastern vernacular architecture, vernacular.

В книге «Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018-е гг.» [1] мы подробно изложили историю развития и характеристики «народной» архитектуры этих городов, поэтому ограничимся их беглым обзором и подробнее остановимся на Благовещенске и Уссурийске. В статье широко цитируются записки А. А. Кауфмана (1864–1919 гг.), побывавшего в Южно-Уссурийском крае в 1901 году. Его научно-публицистическое наследие, прежде всего сборник дорожных очерков «По новым местам» [2], где скрупулезно зафиксирован быт переселенцев, является важнейшим источником информации о заселении Дальнего Востока. Кауфман путешествовал по главному переселенческому маршруту Сретенск — Владивосток, его записки полны рассказов о кипящих стройках, постоянно упоминаются новенькие («с иголочки») срубы, крепкие («веселые») избы, нарядные, благоустроенные переселенческие пункты — всюду бурлит жизнь, строятся мосты и дороги, дымят пароходы и паровозы, города процветают и проч. Кауфмана хочется цитировать абзацами и целыми страницами, эти профессиональные, этнографически точные описания повседневных практик первых колонистов с лихвой компенсируют нехватку визуального материала.

Хабаровск и Владивосток

Подобно тому, как великие европейские города были основаны римскими легионами на месте кельтских селений, дальневосточные форпосты русской колонизации возникали на месте туземных стоянок, расположенных в самых удобных (и, как правило, самых красивых) местах морских и речных побережий. Первый линейный батальон, высадившийся в излучине Амура, заложил Хабаровку у нанайского стойбища Бури (кит. Боли — лук, излучина), где, по свидетельству натуралистов Р. К. Маака и Л. И. Шренка, помимо туземных летников, находился тотемный столб с прибитыми черепами медведей [3, с. 11–12]. Смутная память о «дереве с медвежьими черепами» как важнейшем объекте трансцендентной связи с местными духами воды и гор сохранилась до сегодняшнего дня в виде «элемента благоустройства» — Амурского утёса.

История Хабаровска началась с возведения железнодорожного посёлка, который должен был обслуживать строительство моста через реку Амур. Поселение довольно быстро приобрело статус административного центра и ставки штаба округа. Необходимость строительства военных объектов привела к формированию действующего архитектурного ландшафта исторического центра: размещение двухэтажных краснокирпичных домов. Хабаровск, благодаря исключительному расположению (место слияния Амура и Уссури), быстро стал важным административным центром. Официальный статус столицы Приморья и неофициальный — «Амурских Афин» (как, по свидетельству А. Кауфмана, называли город «местные патриоты» в 1901 г. [2, с. 104]) — требовал соответствующей архитектурной репрезентации: «…огромная масса воды — целое море, невысокий трехглавый мыс, на котором пестреют то деревянные, то серые с красным кирпичные городские постройки; масса зелени и на самом видном месте, над обрывом, среди густой зелени городского сада, эффектный памятник Муравьеву, со спокойною гордостью “взирающий” на присоединенный Амур» [2, с. 101]. Описывая в своих заметках панорамы Хабаровска, открывающиеся с борта парохода, Кауфман неоднократно упоминает «массы зелени», среди которой «разбросаны небольшие, по большей части деревянные, дома, но сравнительно много и кирпичных построек — почти все, по оригинальному хабаровскому обычаю, из кирпича двух цветов, серого и красного, уложенного по фасадам в хорошенькие узоры», и хвалит казённые учреждения: «…довольно красивы здания генерал-губернаторского “дворца”, военного собрания, музея, библиотеки. По всем концам города разбросаны кирпичные массивные казармы, и впереди всего этого, среди хорошенького городского сада, величественный памятник Муравьева; все это ласкает глаз и делает Хабаровск, по общему виду, одним из самых красивых городов Сибири» [2, с. 104].

Действительно, и сегодня Хабаровск поражает приезжих живописными панорамами и зеленью на бульварах и в парках; по-прежнему самыми красивыми зданиями города считаются серо-красные кирпичные постройки начала XX века, которые служат базой «хабаровского стиля», активно эксплуатируемого в высокоплотном малоэтажном жилом строительстве.

Кауфман с присущей ему проницательностью констатирует: «Вся жизнь этого города тяготеет к дюжине каменных зданий, в которых помещаются разные военные и гражданские канцелярии, к казармам и военным учреждениям, разбросанным по всем окраинам города, а главное — к серо-красному зданию с развевающимся над ним георгиевским флагом — к дому генерал-губернатора, который как бы доминирует над городом, бросаясь вам в глаза, когда вы еще только подъезжаете на пароходе, одновременно с небольшим собором и с памятником Муравьева» [2, с. 107].

Размещение в городе гарнизона и штаба округа неизбежно привело к формированию архитектурного ландшафта, аналогичного уссурийскому («Преобладание военного элемента, которое так бросается в глаза в Хабаровске, продолжается и на Уссурийской дороге», — читаем у Кауфмана [2, с. 116]). Как и в Уссурийске, в Хабаровске начиная с 1990-х годов двухэтажный кирпичный особняк становится

а)

б)

в)

«Народная» архитектура Хабаровска.

На фотографиях представлен наглядный прогресс в формировании архитектуры Хабаровска: а) один из последних бараков, сохранившихся в самом центре города, на улице Ленинградской; б) деревянный дом компактного объёма, пос. Горького, декабрь 2018 года; в) новая частная архитектура Хабаровска. Сложная объёмно-пространственная композиция коттеджа, составленная из нескольких башенных объёмов под вальмовыми кровлями. Южный микрорайон, ост. «Сурикова», апрель 2018 года.

обязательным атрибутом социализации. К сожалению, в отличие от Уссурийска и Благовещенска, в Хабаровске не сохранилось значительных массивов исторического частного сектора, а то, что уцелело, исчезает на глазах, стремительно вытесняясь «мусорным пространством» (определение, введённое Ремом Колхасом).

Малые уцелевшие локусы «народной» архитектуры ветшают или просто сгорают, а земля в дальнейшем отходит под строительство новых жилых массивов. Анализ городского полотна Хабаровска позволяет отследить зоны, содержащие секторы барачной и индивидуальной застройки. В поселении присутствует множество локусов субурбий, что объясняется уникальной структурой линейного города, растянутого по береговой линии.

Традиционно город дробится на три части: северную, южную и центральную, причём этап активного развития каждой из них приходился на разное время, что сформировало прослойку частной застройки между ними. В наше время данный факт отражается в наличии крупных массивов «народной» архитектуры в центральной части города.

Традиционные для Дальнего Востока бараки в основном распространены в Южном районе и железнодорожной части Центрального района, так как именно в этих местах концентрировалась малоквалифицированная рабочая сила.

Местом скопления индивидуальной застройки кроме городских периферий стал и исторический центр. Тут необходимо отметить изначальный план города, когда основные улицы проектировались по водоразделам, ориентированным на Амур, находящимся на вершинах (ул. Карла Маркса, ул. Ленина и ул. Серышева), а «народные деревянные трущобы» размещались в низинах и на склонах сопок. Пример Хабаровска демонстрирует нам ситуацию, когда понимание субурбий уходит от традиционно закреплённого — жилые районы на периферии поселения. В городе присутствуют массивные районы частной деревянной архитектуры на улицах, прямо прилегающих к историческому центру.

В последние годы Хабаровск стал центром нового переселенческого движения — город принимает значительное количество мигрантов, которые сразу же начинают строить привычный для среднеазиатского и закавказского регионов вернакуляр.

Хабаровские субурбии теряют гомогенный характер, сопутствующий им с конца 1990-х годов, и, как реакция на

а)

б)

Архитектура хабаровских предместий, октябрь 2019 года:

а) типичный коммерческий вернакуляр начала 2010-х годов. Рецепции архитектуры фронтира в сайдинге. Воспроизведение типичных торговых рядов; б) новый вернакуляр Хабаровска. Тёмные территории. Маргинальное пространство между улицами Бондаря и Трёхгорной — заброшенная военная часть в зелёной зоне, превращённой в свалку строительного мусора, с гаражными кооперативами по северному флангу. В течение лета-осени 2019 года над гаражами вырос типичный для южных республик дом из монолитного бетона с верандой по периметру. Отметим, что открытые и застеклённые веранды, свободно «висящие», а не встроенные в структуру здания, стали появляться в хабаровском частном секторе относительно недавно, по мере вытеснения оттуда коренных жителей новой волной переселенцев.

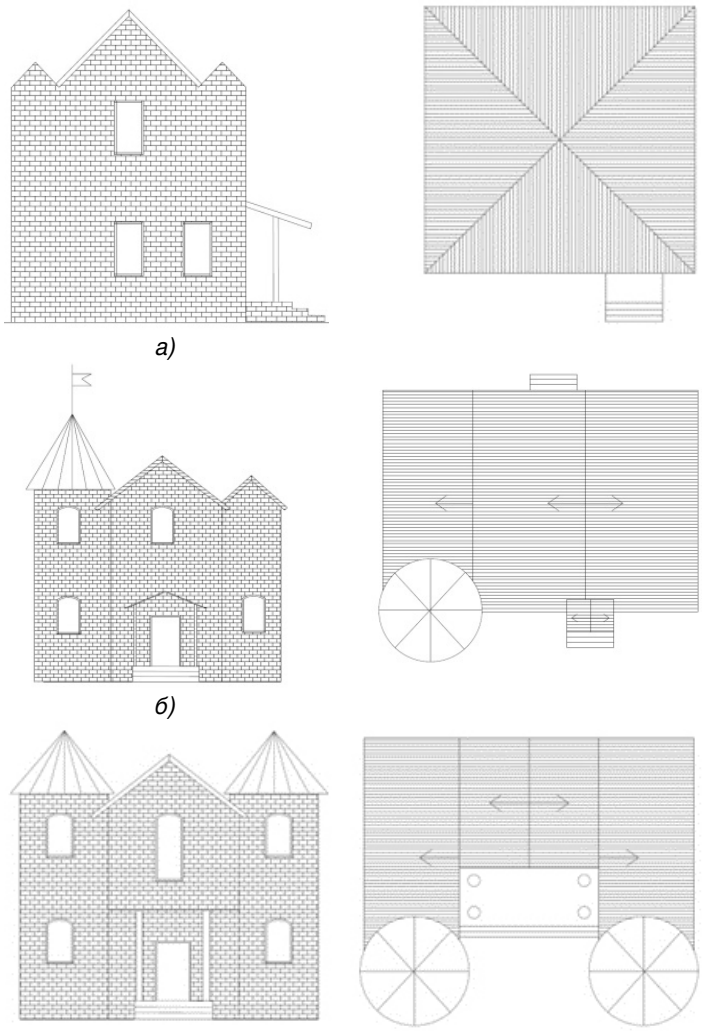
«новую мультикультурность», набирает обороты «красно-кирпичный ренессанс». Если до 2014 года основу субурбий составляли замки и форты, то сегодня появляются целые кварталы новых «красных казарм»: 2-, 3- и 5-этажная коммерческая застройка в «историческом хабаровском стиле», как позиционируются эти симулякры на рынке недвижимости.

Наиболее распространённые типы хабаровского кирпичного вернакуляра не меняются десятилетиями.

Архитектурный ландшафт Владивостока сформировали прежде всего такие факторы, как порто-франко и небывалая для Российской империи полиэтничность и мультикультурность города. Фрагментарно сохранившийся исторический центр, застроенный немцами, американцами, французами и поляками, позволил Владивостоку позиционировать себя на рынке юго-восточной туриндустрии как «настоящий европейский город» (чартеры из Сеула летают во Владивосток под девизом «Два часа, и вы в Европе»).

Праздничная эклектичность и романтизм, присущий историческому архитектурному ландшафту Владивостока, вновь и вновь воспроизводится в коммерческом вернакуляре («береговая архитектура»); пригороды поражают фантастическими замками. Но на смену кирпичу уверенно идёт архитектура сруба как более «историческая», «аутентичная», «русская» и, стало быть, более привлекательная для туристов из Юго-Восточной Азии. Субурбии Владивостока развиваются в северном направлении, образуя линейную структуру, вытянутую вдоль федеральной трассы «Хабаровск — Владивосток».

Сформулируем резюме. Основными типами застройки колонизируемых территорий традиционно являлись форты (гарнизоны) и фактории; форты символизировали государственную идею, фактории — частную инициативу. Думается, актуализация исторического наследия эпохи колонизации, как и любой героический нарратив, может иметь убедительные коммерческие перспективы, а реконструкция отдельных объектов и фрагментов застройки 1860-х – 1930-х годов благотворно скажется на облике постсоветских дальневосточных поселений. Особенно это касается Хабаровска, жители которого, по данным опроса, проведённого в апреле 2019 года Финансовым универси-

Наиболее распространённые типы хабаровского кирпичного вернакуляра 1990–2019 годов, которые воспроизводятся уже 30 лет:

а) тип «форт» — самый бюджетный и распространённый вариант частного дома, не теряющий популярности с 1990-х годов. Краснокирпичное здание, прямоугольный/квадратный план с боковой пристройкой входной группы, кубический объём, двускатная крыша, декор, воспроизводящий приёмы «кирпичного стиля», чаще всего — рустовка углов, карнизы с сухариками и фигурные сандрики. «Форт», как правило, стоит за глухим забором, на юру, на участке не предполагается наличие ландшафтного дизайна;
б) «замок» — более претенциозный вариант особняка: не просто дом, а претензия на легитимизацию нового социального статуса «феодала». Объёмно-пространственная композиция варьируется от кубической с приставной башней-эркером до сложносоставных композиций. Наличие «средневековой» башни под острым гранёным шатром (как правило, с флюгером) обязательно. Вальмовая кровля с мансардными окнами. Ограда — не простой профнастил, а комбинация из профнастила и кирпичных столбов;
в) тип «вилла», характерная черта которого — заглублённая лоджия между двумя башнеобразными ризалитами. Сложная объёмно-пространственная композиция, многосоставная кровля, обилие деталей, различные оконные проёмы, разнообразные переплёты. Ограда важна для формирования облика коттеджа и составляет с ним единый ансамбль: комбинация бутовой кладки, кирпичных столбов, качественной кованой решётки, увитой виноградником, создаёт впечатление уютного фамильного гнезда, родового дома. Проницаемость ограды сигнализирует об уверенности хозяина в легитимности своего статуса.

тетом при Правительстве РФ [4], чувствуют себя самыми несчастными во всей России. Этот факт свидетельствует о том, что хабаровчанам не хватает осмысления пространства, в котором они живут. Возможно, искусственное удлинение исторической оптики и включение Хабаровска в большой исторический нарратив несколько скрасит существование жителей краевого центра. Владивосток, напротив, занял первое место в стране по уровню счастья. Предположим, что истоки столь полярного самоощущения жителей двух дальневосточных городов, находящихся в 900 км друг от друга, определяются пресловутыми культурными кодами, заложенными ещё 150 лет назад, когда Владивосток, получив статус порто-франко, стал застраиваться отличным северо-европейским модерном и благородным боз-артом, а Хабаровск, будучи железнодорожным посёлком, довольствовался казармами и бараками мостостроителей.

Благовещенск

Благовещенск, поражавший путешественников (от Чехова до Кауфмана) духом свободы и деловой хваткой, обязан своим кратким, но бурным расцветом «золотой лихорадке» и поставленному амурскому фермерству. Современники отмечают «американский дух», царивший всюду, — от передовой сельскохозяйственной техники и манеры одеваться до зеркальных, ярко освещённых витрин.

Вновь цитата из Кауфмана: «Благовещенск, как город новый, отличается, прежде всего, чрезвычайно правильною и притом широкою планировкой. Пять или шесть очень широких улиц, параллельных Амуру, и множество перпендикулярных к ним, несколько более узких; в длину город растянулся, кажется, на шесть верст, и множество кварталов по окраинам стоят еще пустыми или только начинают обстраивать… бросается в глаза только обширное и довольно красивое белое здание почтамта. Но первая достопримечательность Благовещенска — это роскошные паллацо, одно в новорусском стиле московских верхних рядов, другое — что-то вроде ренессанса, с несимметрично расположенными, полумавританскими куполками, занятые громадными универсальными магазинами Чурина и Кунста-Альберса — этих властителей дум населения Благовещенска и других городов Приамурья. И как в Сретенске, только еще гораздо сильнее, здесь бро-

сается в глаза и связь с океаном, а через него — с Америкой и Западной Европой, и тесное соприкосновение с Китаем и Японией» [2, с. 20–21]. «Китайцы, точнее, маньчжуры занимали в Благовещенске особые китайские кварталы, а затем населяли шестьдесят деревень в так называемом “за-Зазейском отводе”, пользуясь здесь чем-то вроде права экстерриториальности» [2, с. 20–21].

В первое десятилетие XX века город пережил всплеск размашистого купеческого барокко, апофеозом которого стало возведение громадного дворца Чурина, который, впрочем, так и остался одиноким архитектурным эксцессом, а благовещенский мейнстрим повернул в сторону привычной краснокирпичной гарнизонной архитектуры с явным готическим акцентом (торговые ряды «Мавритания» на набережной Амура, 1911 г.). Флагманом этого «патриотичного» направления выступал величественный германский Торговый дом «Кунст и Альберс», выдержанный в державном стиле. Впрочем, за исключением трёх главных улиц, идущих параллельно набережной Амура и застроенных купеческими особняками с гарнизоном на левом фланге, Благовещенск представлял (и представляет) собой хорошо спланированный деревянный одноэтажный город. Основной жилой единицей являлась квадратная в плане изба с низкой четырёхскатной крышей. Из-за большой площади одноэтажные постройки сегодня кажутся несколько приземистыми, но оставляют впечатление исключительной прочности и долговечности. Благовещенск — единственный дальневосточный город, где в большом количестве сохранилась деревянная резьба: практически каждая изба украшена тяжёлыми многоярусными карнизами, а наличники и угловые лопатки приятно поражают разнообразием орнаментальных сюжетов. Отлично сохранившийся жилой фонд предотвратил в Благовещенске появление значительных по размеру субурбий. Горожане продолжают жить в переходящих по наследству избах, помня всю «родословную» своего жилья с дореволюционных времён.

Коммерческий вернакуляр имитирует краснокирпичную архитектуру фронтира, цитатно повторяя характер декора и объёмно-пространственные композиции фасадов. Несмотря на то, что прямо напротив Благовещенска на китайском берегу Амура стремительно растёт Хэйхэ, влияние китайской строительной индустрии на архитектурный ландшафт русского города менее катастрофично, чем можно было бы ожидать. Благовещенск окуклился в своей легенде «золотого века» и удачно эксплуатирует хорошо сохранившуюся историческую среду уютного малоэтажного купеческого города. Средний класс инвестирует в недвижимость на китайской стороне — это считается более выгодным и надёжным, поэтому старый жилой фонд не подвергается обычной «модернизации» (обшивка сайдингом и замена тёсовых кровель металлочерепицей).

Уссурийск

Описание Уссурийска (Никольска-Уссурийского) начнём с цитаты из Кауфмана: «Большой каменный вокзал, казармы железнодорожного батальона, красивая каменная церковь, и приблизительно в полуверсте город Никольск, еще так недавно, село Никольское, который из окна вагона представляет собою море сероватых цинкованных крыш... В городе преобладают небольшие одноэтажные дома, почти все беленые; не мало, однако, и более значительных построек; обширные, хорошо обставленные магазины Кунста-Альберса, Чурина, Лангелитье и других, частью владивостокских, частью местных фирм; несколько гостиниц с приличными ресторанами и невероятными ценами; обширный корейский квартал и целая улица японских публичных домов, все с особою нумерацией и своеобразною архитектурой построек» [2, с. 69].

Значительный массив одноэтажной жилой застройки (малороссские мазанки) уцелел и в Уссурийске-Никольском, основанном в 1868 году близ китайской границы. Русский гарнизон был расположен в старой чжурчжэньской крепости с хорошо сохранившимися валами и рвами, вокруг вырос военный городок из краснокирпичных казарм, а офицерские флигеля вытянулись вдоль улицы Лермонтова. Вся эта структура дошла практически без изменения до сегодняшнего дня.

Традиционное размещение в Уссурийске штаба округа и наличие состоятельного слоя заказчиков с консервативной эстетической программой привели к формированию обширных субурбий, сплошь застроенных громадными кирпичными палаццо гарнизонной архитектуры, так как наличие собственного кирпичного замка является обязательным атрибутом определённого социального статуса. Особенность менталитета обитателей уссурийских субурбий привела к созданию худшего вида среды — максимально сословной, закрытой и недружелюбной, монотонной, бездарной и агрессивной. За пределами исторического центра Уссурийск сплошь разгорожен на участки глухими высокими заборами из профнастила. Сохранившаяся одноэтажная деревянная застройка, с точки зрения хозяев уссурийского дискурса, выглядит «бедно», поэтому все фасады, выходящие на красные линии, в обязательном порядке модернизируют. Так как избы и деревянные дома, которыми застроены уссурийские окраины, изначально были рассчитаны на несколько хозяев, подавляющее большинство построек имеет в результате реконструкций лоскутные фасады; для большего контраста разные части фасадов и крыш красятся в контрастные цвета. Этот приём «печворка», повторённый множество раз, складывается в узнаваемый локальный стиль и транслируется на дальние городские окраины.

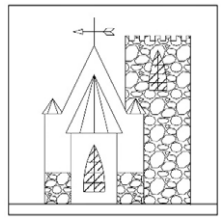
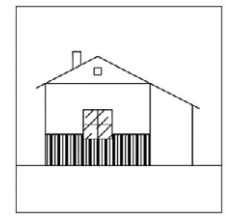
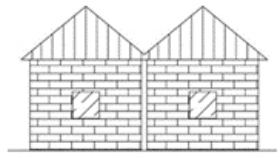
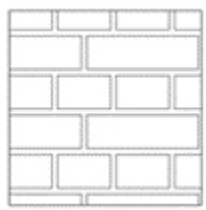
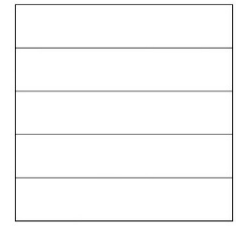
Как и большинство дальневосточных поселений, Уссурийск страдает от ежегодных подтоплений в сезон тайфунов, что не мешает жителям сплошь застраивать пойму реки Раковки (мы были свидетелями наводнения во время приморской экспедиции в августе 2019 г.). В этом обитатели современных окраин повторяют традиции первых колонистов. В мемуарной литературе начала XX века часто упоминается последовательность возведения жилья переселенцами: землянка — барак — изба. Так как приморские реки широко разливаются, переселенцы выжидали несколько лет, выявляя затапливаемые территории, и заново отстраивались на более удобных/безопасных участках, которые, впрочем, также периодически затапливало. Однако более чем полуторавековой горький опыт так и не вынудил жителей субурбий обратиться к туземному вернакуляру, преимущественно стоящему на сваях.

***

На первый взгляд основные отличия городской и районной (деревни и ПГТ) народной архитектуры предопределены различным уровнем благосостояния и, соответственно, различными ценностными системами жителей условных центра и глубинки (воспользуемся понятийным аппаратом, разработанным Рональдом Инглхартом в тексте «Культура и демократия»). Однако полевые исследования, проведённые в таёжных леспромхозах, курортных кластерах Камчатки, в полузакрытых моногородах и прочих формах расселения на «тёмных территориях», выпадающих из «большого нарратива», заставили нас усомниться в размерах пресловутой экономической пропасти, разделяющих «город» и «район». Экономика «тёмных территорий» базируется в основном на «серых» схемах, не отражающихся в статистике. При визуальном осмотре мы не обнаружили в «районах» нищеты или разрухи, скорее, наоборот, — «глубинный народ» производит впечатление крепкого хозяйственника (кулака с позитивной коннотацией), уверенно стоящего на ногах и все ресурсы (финансовые и временные) инвестирующего в оборудование семейного гнезда.

Строительство собственного дома, судя по увиденному в экспедициях, стало национальной идеей, поддержанной государственными и краевыми программами («Дальневосточный гектар», «Дальневосточная (двухпроцентная) ипотека»). Визуальная нищета и жёсткая функциональность районной «народной» архитектуры объясняется не экономическими, а, скорее, онтологическими причинами: в деревнях и посёлках изначально отсутствовали образцы «высокой» культуры, задающие планку, к которой стремились бы низшие сословия. В провинциальных городах мещане традиционно копировали «господскую», дворянскую культуру, которая, в свою очередь, была пародией на «столичную». Но и метрополии пытались дотянуться до абстрактных идеалов: Петербург был попыткой буквально (вплоть до амстердамских каналов и римско-версальского трилучия) воспроизвести Европу, Москва — материализовать концепт «Третьего Рима». Европейская архитектура в вариациях исторических стилей стремилась приблизиться к «метафизическому горизонту»

Таблица. Система ценностей дальневосточников и характер вернакуляра.

Городской вернакуляр		Районный вернакуляр	
Запрос на «ценности самовыражения»: избыточность архитектурных решений индивидуального жилья и коммерческих построек.		Преобладание «ценностей выживания»: жёсткая функциональность, максимальная бюджетность строительства, ручной труд, воспроизведение архаичных технологий и культурных образцов.	
Формирование субурбий, состоящих из краснокирпичных коттеджных посёлков.		Кирпичный особняк (часто единственный на весь посёлок) — жилище местного феодала.	
Основной строительный материал — красный кирпич.		Сайдинг и металлочерепица расцениваются как «евроремонт». Основным материалом является дерево (брус).	

(по определению Г. И. Ревзина). Вся эта цепь бесконечных отражений подразумевает главный, исходный источник — «Град Божий», материализацией проекции которого на землю и занимается архитектура. Поэтому язык европейской архитектуры универсален и понятен всем. Потребность в красоте присуща и жителям глухих районов, но полноценный архитектурный ландшафт им заменяет дальневосточная природа, поражающая живописностью.

Список использованных источников

1. *Иванова, А. П. Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018 гг. : учеб. пособие / А. П. Иванова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. — 244 с.*
2. *Кауфман, А. А. По новым местам (Очерки и путевые заметки). 1901–1903 / А. А. Кауфман. — Санкт-Петербург : т-во «Общественная польза», 1905. — VIII, 353 с. — Содерж.: : I. По Амуру и Приамурью. II. В Уссурийском крае. III. В арало-каспийской степи.*
3. *Мельникова, Т. Аборигенная история / Т. Мельникова // Словесница Искусств. — 2002. — № 10. — С. 10–12.*
4. *Передельский, Д. Названы города России, в которых живут самые счастливые люди / Д. Передельский. — Текст : электронный // Российская газета : офиц. сайт / ФГБУ «Редакция "Российской газеты"». — Москва, 1998–1821. — URL: https://rg.ru/2019/05/02/reg-dfo/samye-schastlivye-liudi.html (дата обращения: 06.10.2021).*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 08.10.2021.

Сведения об авторе: Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.

КОНДРАТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

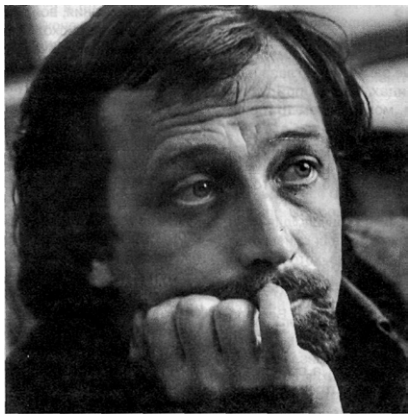
ВРЕМЯ СТРАНСТВИЙ
(штрихи к биографии поэта и публициста Владимира Переверзева)

Статья посвящена биографии поэта и публициста, заслуженного работника культуры Российской Федерации Владимира Ивановича Переверзева (1947–2009 гг.). Творческое становление уроженца Орла состоялось в Воронеже, где он окончил филологический факультет Воронежского государственного университета, работал на телевидении и в театре, публиковал первые стихи и литературоведческие статьи. Затем на протяжении десятилетия Переверзев — редактор Дальневосточного книжного издательства в Южно-Сахалинске, составитель и редактор множества книг, автор ряда поэтических публикаций. В последние годы жизни работал тележурналистом в Орле. Автор нескольких книг, в 2006 году был принят в Союз писателей России.

Ключевые слова: В. И. Переверзев, Дальний Восток, Сахалин, Орёл, Воронеж, писатель, журналист, поэт, редактор, издательство, телевидение.

Keywords: V. I. Pereverzev, Far East, Sakhalin, Orel, Voronezh, writer, journalist, poet, editor, publishing house, TV.

Владимир Иванович Переверзев родился в Орле 14 марта 1947 года. Его отец (родовые корни будущего поэта из курской Обояни) воевал танкистом на фронте; всего годом ранее он, инвалид Великой Отечественной войны, приехал в разрушенный Орёл, в домик на улице Пуховой, рядом с громадной Смоленской соборной церковью, которую тогда же переоборудовали под хлебозавод, а вскоре и улицу переименовали в честь Маяковского.

Владимир Переверзев.

Владимир Переверзев учился в 26-й орловской средней школе, где были замечательные учителя: до и после Переверзева, а точнее вместе с ним, отсюда вышла плеяда замечательных людей — от актёров Фёдора Чеханкова и Елены Крайней до краеведов Владимира Власова и Валерия Ерёмина. Переверзев был членом комитета комсомола школы, редактором стенгазеты, участвовал в создании школьного музея. Именно из тех лет — увлечение баскетболом, поэзией (его одноклассником был будущий известный поэт Геннадий Фролов). Переверзев любил Мандельштама, читал его наизусть. По воспоминаниям супруги Натальи Анатольевны, когда уже в перестроечные годы собеседник понимающе кивал: «Да, конечно, Воронеж, филфак», Переверзев, словно извиняясь, произносил: «Нет, это ещё со школы, на уроках литературы…»

Рано почувствовав «тягу к литературе», Владимир начал писать ещё в школе. «Ракета дала задний ход» — такими словами началась рукопись фантастического романа, заслуживающего двойки по физике. Вспоминает орловская поэтесса Ирина Семёнова: «В юности Володя любил бродить в одиночестве где-нибудь на природе. Заходя ко мне после долгих странствий, он мог спросить: “Нет ли у тебя чего-нибудь поесть?”, как настоящий бездомный и голодный поэт, что восхищало меня до глубины души. Да и глядя на него в то время, всякий мало-мальски мыслящий человек понимал, что он поэт и ничем другим быть не может» [9, с. 36].

Владимир Переверзев окончил школу в 1965 году, но ещё три года отделяли его от студенческой скамьи: слесарь на заводе «Химтекстильмаш», монтировщик декораций в театре, учитель физкультуры в райцентре Нарышкино. Участвовал в литературном объединении, печатался в областных газетах, его стихи получили высокую оценку на семинаре поэзии в Орле. Владимир мечтал поступить в МГУ, но не прошёл по конкурсу. Некоторое время заочно учился в Орловском педагогическом институте, а затем поступил на филологический факультет Воронежского государственного университета (ВГУ). В Воронеже он встретил будущую жену Наталью (в девичестве Живоглядова) — она училась с ним на одном факультете (ныне Наталья Анатольевна Переверзева — кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Орловского государственного института культуры). Его близким товарищем по университету стал сокурсник, будущий поэт и руководитель Белгородской писательской организации Владимир Молчанов (вскоре он был призван в армию). Владимир Переверзев был дружен и с будущим кандидатом филологических наук, доцентом ВГУ Валентином Инютиным. Был членом драматического коллектива ВГУ, участвовал в смотрах художественной самодеятельности. Работал в студенческом стройотряде в Якутии.

Возможно, именно с того «трудового семестра» берёт исток интереса Переверзева к Дальнему Востоку. Тем более что на Сахалине жили тогда родители Натальи Живоглядовой, а её дед, писатель Борис Дальний, ещё в 1939 году опубликовал в Воронеже повесть «Дальневосточная поэма» (переиздана в 1956 г.).

В студенческие годы Переверзев писал стихи, но к своим виршам, впрочем, как и полагается профессиональному филологу, относился очень критично — большинству было суждено остаться в мусорной корзине. Сохранилось и вошло в сборник «Паломничество в пустыню» (Орёл, 2006 г.) стихотворение «Каменная книга» (1972 г.), где есть весьма пафосные строки:

Не дай прожить пустынником, природа!
Дай прочитать холмы и письмена,
где в каждом камне — продолженье рода,
где каждый знак — на языке народа,
где каждый злак — родного небосвода касается,
где каждый стяг — страна. [5, с. 13]

Тогда же было написано и стихотворение, точно фиксирующее рост тревоги в душах представителей молодого поколения начала 1970-х:

В последний раз коснёшься клавиш,
И встанешь — звук ещё не смолк, —
И ставни на зиму заставишь,
И дверь закроешь на замок.

А облака нависли низко,
И дышат кроны тяжело,
Как будто где-то очень близко
Прошёл гружёный эшелон.

И вместе с ним невесть в какую,
В чужую, может, сторону
Уехал кто на мировую,
Кто на гражданскую войну. [5, с. 38]

Просмотр подшивок многотиражной газеты «Воронежский университет» тех лет позволил выявить только одну публикацию стихов Переверзева — в номере за 1 сентября 1973 года, на 4-й странице под рубрикой «Стихи молодых» были опубликованы два стихотворения: «Проснись и выходи скорее…» и «Едва продрав глаза спросонок». Подпись — «В. Переверзев, выпускник филфака ВГУ 1973 г.».

Он отслужил два года лейтенантом-артиллеристом в военном городке у железнодорожной станции Томичи, примерно в ста километрах от Благовещенска и в семидесяти километрах от китайской границы. Вернулся в Воронеж, где с декабря 1975 по февраль 1976 года работал помощником главного режиссёра ТЮЗа по литературной части, затем почти год оставался без работы, с января по август 1977 года — внештатный корреспондент телевидения Воронежского комитета по телевидению и радиовещанию.

Неопределённость с профессиональным статусом в какой-то степени компенсировалась творческим ростом будущего поэта. В Воронеже он знакомится с профессиональными писателями, заявляет о себе как о многообещающем авторе. Известный воронежский поэт Владимир Гордейчев так отозвался о первых опытах Переверзева: «Его стихотворения — ясные по идее, высокие по духу — отмечены гражданской и творческой зрелостью. В них присутствует то, что можно было бы обозначить “географией времени” с её социальным и нравственным рельефом» [2, с. 6]. Особые грани подметил и другой воронежский поэт — Виктор Поляков: «Умение обращать простые детали и приметы в явления истинно поэтического свойства, придавать жизни оттенок необычности, какого-то, что ли, чуда, является едва ли не основным его достоинством. В то же время он не злоупотребляет новациями, которые иной раз больше ошарашивают, чем впечатляют. Залогом этому — хорошо пройденная школа русской классической поэзии» [2, с. 6].

В это время, в 1976 году, появились две небольшие публикации В. Переверзева в воронежском литературно-художественном журнале «Подъём» — рецензия и стихотворение. Рецензия [8] стала откликом на книгу стихов В. Зорина «Родня», вышедшую в Центрально-Черноземном издательстве в 1975 году. Критиком Переверзев, судя по этой публикации, был въедливым, но доброжелательным. С одной стороны, оценивал изданное без всяких реверансов: «Временами В. Зорину отказывает не только вкус, но и элементарное знание предмета, включая правила русской орфографии. Он может, например, измерить что-нибудь с точностью “до микрометра”, хотя общеизвестно, что микрометр является инструментом, а не единицей измерения». С другой стороны, подытоживал: «Он не только вторгается в пространство, подчиняя его, — он грубо срезает огромные временные пласты, и за этими подчас неловкими действиями всегда можно разглядеть искреннюю попытку осмысливания исторической судьбы страны и народа». Есть в рецензии и весьма позитивные оценки: «просторен и гармоничен», «жизнеутверждающий пафос», «живая связь», «масштабы поэтического мира» и т. д.

Стихотворение «Где-то на краю небес…» [3] было напечатано в рубрике «Голоса молодых» в подборке с произведениями Аллы Вариводиной, Александра Лисняка, Игоря Лукьянова, Владимира Молчанова, Л. Турбина, Александра Соловьёва, Михаила Армалинского. Примечательно, что стихотворение Переверзева было последним в подборке, за ним оставалось ещё больше половины незанятой страницы, но редакция, давшая другим авторам места куда больше, не рискнула напечатать ещё одно-два стихотворения Переверзева.

Очевидно, в Воронеже не находилось места начинающему литератору и журналисту, и он снова уезжает, на этот раз на Сахалин — редактором областного отделения Дальневосточного книжного издательства. За десять лет отредактировал сто книг (в том числе литературно-художественные сборники «Сахалин»), немало поездил по Дальнему Востоку (Курилы, Камчатка, Колыма). Любил суровую природу и в иные минуты потом говорил друзьям: «Сахалин спас меня от гражданской смерти».

Владимир Переверзев. Сахалин, середина 1980-х годов.

Ответственный секретарь Сахалинской писательской организации Николай Тарасов вспоминал о Переверзеве: «Он первый показал и прочитал мне переданные в издательство удивительные верлибры Романа Хе. До того корейский паренёк с гитарой ничем не выделялся среди авторов-исполнителей, и попытки его писать рифмованные стихи нисколько не обещали появления в лице Романа интереснейшего и самобытного поэта, единственного в своём роде» [11, с. 429].

А вот впечатление Тарасова о совместных поездках:

«Переверзев при посадке на теплоход “Ольга Андровская” всё не мог отыскать паспорт и, когда вахтенный, теряя терпенье, сказал: “Ну, хоть какие-то данные паспорта назвать можете?” — слегка призадумался и ответил: “Помню, что русский…”

Нам так полюбилась эта фраза, что мы сделали её исторической и повторяли на все лады по разным поводам.

Мимо нас проплывали вулканы, и он, замечательный поэт, уже потом на родине, в Орле, написал:

…Вот уже слова слетают с губ,
Их чужие повторяют губы.
Есть такое место — Итуруп,
Есть такой вулкан — Берутарубе…

Родина, таинственный простор,
Сказочный и ласковый — журчащий!
Из-за гор возникнет, из-за гор
Тот, Который Обладает Чашей.

Проступает медленно во мгле
Видящий Сквозь Горы и Столетья,
Тот, Кто Отдыхает на Земле
И жуёт травинку на рассвете…

…Этот остров не видал никто,
Глыбу непонятную в лазури.
Есть такая бухта — Инкито,
Есть такой вулкан — Атсонупури.

Где нашёл он столько дивных слов,
Тот, Кто Обитает в Центре Мира,
В задымлённом чуме, средь костров,
В ароматах нерпичьего жира?..» [11, с. 428]

Ещё одна заметка из воспоминаний Николая Тарасова — о рыбалке:

«Первое, что я услышал от Володи Переверзева на следующий день:

— Всё! Эта была последняя моя рыбалка. Начал вечером разделывать улов — ужаснулся! Сплошные молоки с икрой. Сколько же я загубил потомства у этой мальмы! Видно, выловил всё, что можно и за своё прошлое, и за будущее. Такого раскаянья давно не испытывал. Всю ночь не спал…

Владимир Переверзев и Николай Тарасов. Орёл, 2005 год.

От горки молок и икры было и мне немного не по себе, когда разделывал рыбу. Но Володя переживал ту ситуацию гораздо острее. Через много лет я прочитал в его первой и последней повести:

"…А еще я видел ужас и невыразимое страдание в человеческих глазах нерпы, одиноко и беспомощно распластавшейся в метре от берега, на котором у самой воды два браконьера, мои приятели, быстро и умело разделывали острыми охотничьими ножами тушу ее детёныша.

Они убили его издалека, спрятавшись в кустах морского шиповника, двумя одновременными выстрелами в голову. Я был рядом, тоже прятался в кустах, помню их дивный запах. Целились в самого маленького, с таким меньше хлопот"» [11, с. 429].

В Южно-Сахалинске вышла первая книга стихотворений Владимира Переверзева «Дом и дорога» (Южно-Сахалинск, 1984 г.), в те годы он много печатался в сборниках и альманахах. Назовём некоторые из этих публикаций:

– «Есть Родина с именем чистым». Образ России в творчестве сахалинских поэтов // Дальний Восток, 1981, № 5 (в соавторстве с Н. Живоглядовой);

– Пехота (стихи) // Дальний Восток, 1981, № 12;

– «Ты что загрустила, пехота…» (баллада), «Проснись и выходи скорей…» (стихи) // Сахалин: литературно-художественный сборник, 1978;

– Деревушка. Ледоход (стихи) // Сахалин: литературно-художественный сборник, 1981;

– «Иду с бадейкой деревянной…», «Размазан вечер, как слеза…», «Вода, как ёж, колюча…», «Тополя тень у колодца…», «Только бы лес розовел на пригорке…» (стихи) // Сахалин: литературно-художественный сборник, 1982;

– Дом и дорога (стихи) // Сахалин: литературно-художественный сборник, 1983;

– «Когда о гибельном и вечном…» (стихи) // Дальний Восток в поэзии современников: Антология. — Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1990.

Печатал стихи в областной газете «Молодая гвардия» (1981 г., 1983 г.), в газетах «Сахалинский нефтяник» (1983 г.), «Красный маяк» (1984 г.), «На рубеже» (1984 г.), «Ленинец» (1985 г.), «Курильский рыбак» (1985 г.), «Заря коммунизма» (1986 г.), «Ударный труд» (1986 г.), «Родная земля» (1990 г.).

Литературные критики увидели в Переверзеве представителя поколения «после Мандельштама», продолжателя дела Прасолова и Рубцова. Поэт и критик Александр Суворов подметил: «Из общей массы, движущейся в течении неостановимого литературного процесса, Пе-

реверзева выделяет то, что он изначально, практически с первых своих стихотворных строк, явился в русской поэзии как светлая и духовно ясная личность, его стихи проливаются как ровное и ясное озарение среди безвременья — в его творчестве не было ни модернистских изысков “литературного левачества”, ни смуты, ни мятежа, ни унылой, беспросветной депрессивности, а была прежде всего та возвышенная, спокойная мудрость, которая единственно позволяет мужественному сердцу без смятения и предательского трепета встретить все жизненные испытания. Он словно бы все, что должно было случиться с нами и страной в последующие годы, знал заранее» [10, с. 55].

В конце 1980-х, в 40 лет, Владимир Переверзев вернулся в Орёл, чтобы окружить заботой постаревшего отца. Удалось устроиться на несколько месяцев собственным корреспондентом газеты «Российский Чернобыль» — с её удостоверением много ездил по Брянской и Орловской областям, увидел мрачные картины поражённых радиацией деревень, изломанные судьбы беженцев и ликвидаторов. Это только усилило обострённое восприятие перестроечной действительности. Неслучайно Александр Суворов писал о Переверзеве: «Он всегда болезненно переживал о нашей духовной разделённости провинциальной, “нутряной” России от высокоумного и блистательного столичного творческого бомонда, бессильного и бесплодного, прекратись к нему приток жизненных соков от русской земли» [10, с. 56].

Его благородный голос завораживал — Переверзева звали работать на радио, но в итоге в начале 1990-х он стал работать на Орловском телевидении (государственная телерадиокомпания). Снял фильм о том, как А. И. Солженицын в 1995 году приехал в Орёл и прошёл по местам давних боёв. И были ещё более 300 фильмов и авторских передач Переверзева — циклы «Беседы о литературе», «Малые города Орловщины», «Дым Отечества»… Призы на престижных телефестивалях и конкурсах, звание заслуженного работника культуры России… Он не хотел вступать в Союз писателей, уникальный случай — его искренне просили написать заявление. Поэт Виктор Дронников посетовал в своей рекомендации: «Творчество Переверзева долго было в тени, он как бы не верил себе».

Душу его сковывало ощущение несвободы, он всегда остро чувствовал несправедливость, а потому боролся за спасение заповедного уголка Орла — Дворянского гнезда. Однажды отправился пешком от орловского города Болхова (там Оптин монастырь) до калужского Козельска (Оптина пустынь), и этот путь дал название будущей книге стихотворений, очерков и прозы «Паломничество в пустыню». Нередко вспоминал о воронежской юности — о той поре есть строки в повести «Петров день, или Нота “фа”» [6; 7], в поэзии, в частности, в стихотворении «Воспоминание о Воронеже» (2000 г.):

По Никитинской пух тополиный,
Сколько зим облетело кругом!
Головою качая повинной,
Вспомню я, что забыл этот дом.

Уж каких я не пережил ночек,
Но, как тянет дымком от полей,
Всё звенит мне трамвайный звоночек
С дальней той остановки моей.

А влюблённые словно дворняжки, —
Лишь обтянуты джинсами ляжки
И букетик сирени в руке, —
Говорят на чужом языке.

Я пройду мимо царственных окон
Узкой улочкой той завитой…
Будет пахнуть сирень, и высоко
Будет месяц стоять золотой.

Будет пахнуть сирень, и застынет
Лунный свет на картинке, как воск,
Как песок среднерусской пустыни,
Как забытый газетный киоск. [3, с. 189]

Телевидение он не любил, говорил жёстко: «Работаю на территории самой ожесточённой борьбы Бога и дьявола» [1, с. 7]. Но и на телевидении, и в Орле вообще у Переверзева всегда были искренние друзья, потому что он сам был человеком совести, добра и справедливости, не спешил встать «с веком наравне» — скорее, он был гражданином Серебряного века. Выступая весной 2010 года на вечере памяти поэта и журналиста, заведующая Музеем И. С. Тургенева Людмила Балыкова вспоминала: «У него была богемная походка — по Тургеневской улице шёл, как по парижской мостовой». Он жил с чувством катастрофичности российского бытия, но искал ростки, крупицы надежды.

Владимир Иванович Переверзев умер 27 марта 2009 года… Он испытывал поистине физическую боль за судьбу России. И в его закадровом голосе, и в стихах эта боль была и остаётся ощутима так же явственно, как мороз или огонь. Судьба и творчество поэта ещё ждут своих исследователей — и не только тех, кто соберёт и всесторонне изучит созданное им на малой родине — в Орле, но и в Воронеже и Южно-Сахалинске.

Список использованных источников

1. *Оноприенко, Ю. Три сюжета из трёхсот / Ю. Оноприенко // Орловская правда. — 2007. — 1 дек. — С. 7.*
2. *От издательства // Переверзев В. Паломничество в пустыню: стихотворения разных лет, публицистика. — Орёл, 2006. — С. 5–6.*
3. *Переверзев, В. Где-то на краю небес… / В. Переверзев // Подъём. — 1976. — № 4. — С. 83.*
4. *Переверзев, В. Дом и дорога : стихи / В. Переверзев. — Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1984. — 44 с.*
5. *Переверзев, В. Паломничество в пустыню : стихотворения разных лет, публицистика / В. Переверзев. — Орёл : Вешние воды, 2006. — 240 с.*
6. *Переверзев, В. Петров день, или Нота «фа» : повесть (журнальный вариант) / В. Переверзев // Орёл литературный : ежегод. Орл. обл. орг. Союза писателей России. — 2008. — Вып. 4/5. — С. 83–102.*
7. *Переверзев, В. Петров день, или Нота «фа»: повесть / В. Переверзев // Сахалин : лит.-худож. сб. — Южно-Сахалинск, 2010. — С. 58–66.*
8. *Переверзев, В. Поиски постоянства / В. Переверзев // Подъём. — 1976. — № 2. — С. 144–147.*
9. *Семёнова, И. С. Слово о друге / И. Семёнова // Орёл литературный : ежегод. Орл. обл. орг. Союза писателей России. — Орёл, 2010. — Вып. 6/7. — С. 36–38.*
10. *Суворов, А. Муза Владимира Переверзева / А. Суворов // Вестник Орловского Дома литераторов. — Орёл, 2014. — Вып. 4. — С. 55–60.*
11. *Тарасов, Н. По велению глупости : мемуары / Н. Тарасов. — Южно-Сахалинск : [б. и.], 2014. — 599 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 05.06.2021.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).
Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.

ГУТАРЁВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА НИКИТЧИКА

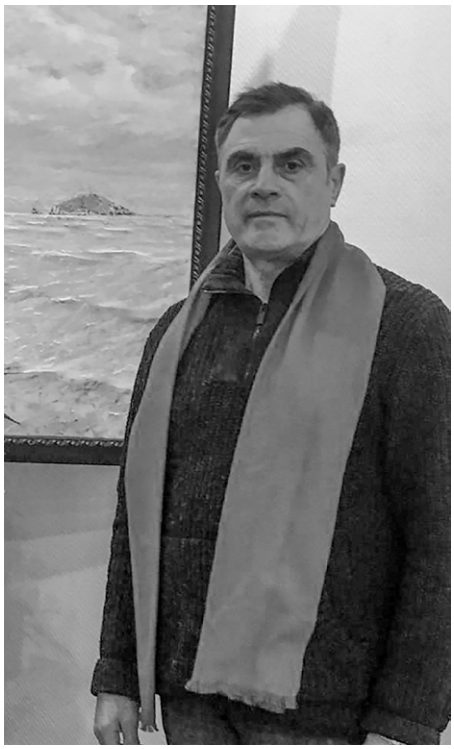
В статье дан обзор творческих поисков яркого представителя дальневосточного искусства, уссурийского живописца Ивана Терентьевича Никитчика (род. в 1953 г.). Автор анализирует содержание живописных произведений И. Т. Никитчика, в которых пристальное внимание отводится рассмотрению пейзажного плана, раскрывающего природное своеобразие Дальнего Востока нашей страны. На примере отдельных произведений художника изучаются особенности его творческого метода, анализируются новые качественные характеристики, которые были привнесены им в развитие пейзажного жанра Дальнего Востока. Обобщаются уже известные факты творческой биографии И. Т. Никитчика и приводятся новые.

Ключевые слова: Иван Терентьевич Никитчик, Дальний Восток, дальневосточный российский пейзаж, приморская живопись, г. Уссурийск.

Keywords: Ivan Terentievich Nikitchik, Far East, Far Eastern Russian landscape, Primorye painting, Ussuriysk.

Пейзажный жанр ещё в древности стал одним из ведущих в искусстве стран дальневосточного ареала. В отечественной дальневосточной живописи, несмотря на её относительно недолгую историю, пейзажу также принадлежит одно из главных мест. В развитие многоликого пейзажного жанра «новые качественные характеристики привнесли приморские художники» [6, с. 23], обогатив его своими особыми чертами, где соединились самобытные открытия, самовыражение художника с его собственным взглядом на мир и традиционные принципы. В их ряду заметное место принадлежит творчеству известного уссурийского художника Ивана Терентьевича Никитчика. Развивая традиции уссурийской школы живописи — яркой и самобытной ветви приморской живописной школы, он, соединив классическую школу реализма с собственным восприятием мира, создал свой

СПРАВКА

Иван Терентьевич Никитчик родился в 1953 году в селе Муравьёвке Амурской области. После окончания художественного отделения Благовещенского педагогического училища (ныне Амурский педагогический колледж), службы в рядах Советской армии в 1980 году он окончил факультет живописи Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток). После окончания вуза живёт и работает в г. Уссурийске. В 1982 году И. Т. Никитчик был принят в члены Союза художников России. Постоянный участник персональных, городских, республиканских, всесоюзных, региональных и зарубежных выставок в США, Японии, Южной Корее, Китае, Сингапуре и т. д. Произведения И. Т. Никитчика хранятся в государственных музеях России: Приморской государственной картинной галерее, Музее истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева, музее современного искусства «Артэтаж», городском музее г. Уссурийска, а также в частных коллекциях в России и за рубежом.

Художник занимается большой общественной, организационной и просветительской деятельностью. Именно благодаря ему была восстановлена творческая база «Андреевка» в селе Андреевке Хасанского района, где ежегодно проходят международные пленэры, организованные И. Т. Никитчиком, и набираются мастерства молодые живописцы. Иван Никитчик создал в Андреевке картинную галерею «Арт-Берег», где ежегодно проходят выставки приморских художников, студентов, международные выставки. Является одним из организаторов краевых выставок «Художники в Андреевке» в Уссурийске и Владивостоке, где учредил первую в истории изобразительного искусства Приморского края художественную премию молодым художникам — премия имени Кима Коваля. В 2020 году И. Т. Никитчик был принят в члены Международной академии культуры и искусства.

Награды и поощрения Ивана Терентьевича Никитчика:

– 2004 год — стипендиат Министерства культуры России;

– 2012 год — благодарность администрации Хасанского муниципального района за многолетний добросовестный труд, достойный вклад в сохранение культурных ценностей, традиций Хасанского района и в связи с открытием персональной выставки в рамках проекта «Тихоокеанская Россия: берега творчества»;

– 2014, 2018 годы — благодарность департамента культуры Приморского края за многолетнюю творческую деятельность и вклад в развитие изобразительного искусства России;

– 2015 год — диплом секретариата Союза художников России и серебряная медаль «Духовность. Традиции. Мастерство» за плодотворную работу на благо культуры России; диплом участника VI Международной биеннале в г. Пекине и выставки в Национальном художественном музее г. Пекина (Китай); почётная грамота Законодательного собрания Приморского края за большой вклад в развитие культуры Приморского края;

– 2015, 2016 годы — благодарность Российской академии художеств за многолетнюю творческую деятельность и вклад в развитие изобразительного искусства России;

– 2017 год — благодарность Министерства культуры России за многолетнюю плодотворную работу и большой вклад в развитие культуры Российской Федерации;

– 2018 год — памятная медаль «80 лет Приморского края», учреждённая губернатором Приморья;

– 2019 год — почётная грамота администрации Хасанского района за организацию художественных выставок в посёлке Славянке и селе Андреевке; диплом Государственного музея изобразительного искусства (г. Биньчжоу, Китай) за участие в художественной выставке и приобретение произведений в фонд музея.

отличительный стиль живописи, в котором большое значение отводится пейзажному плану, раскрывающему уникальное природное своеобразие российского Дальнего Востока.

Когда в далёком 1974 году Иван приехал во Владивосток для поступления в Дальневосточный институт искусств, он, как признаётся художник, был потрясён колоритным и притягательным окружающим ландшафтом сопок, спускающихся к морским берегам: «Море завораживало меня с детства. Впервые я увидел его во Владивостоке и безнадёжно влюбился. Оказавшись в этом морском городе, на ступенях здания института искусств, я понял, что здесь — моя судьба» [6, с. 15]. И действительно, его судьба была предопределена. Он поступил в Дальневосточный институт искусств на факультет живописи, успешно пройдя все испытания и выдержав серьёзнейший отбор, когда конкурс был 50 человек на место. Там же произошла его судьбоносная встреча со своей будущей женой, музой и любовью всей его жизни Ольгой Коваль, дочерью известного уссурийского художника Кима Петровича Коваля, — встреча, во многом определившая его творческий путь. В настоящее время он и Ольга Кимовна Никитчик, представляя художественную династию Кима Коваля, являются продолжателями живописных традиций уссурийской школы живописи, обогащая своим творчеством отечественное искусство Дальнего Востока.

Уже в годы обучения у Ивана сложился свой индивидуальный творческий почерк, сформировались любимые темы, где главной становится образ дальневосточной земли, в котором воплотилась самобытность континентального, прибрежного и островного пространства этого региона.

Плодотворно работая на пленэре на островах Путятина, Попова, побережьях Приморского края, впитывая особенности портовой жизни, пронизанной запахом моря, соли и рыбной чешуи, Иван Никитчик создаёт жанровые композиции на фоне приморского ландшафта, отличающиеся жизненной достоверностью и глубиной чувств.

Побывал он и на Шикотане — легендарном острове для приморских художников. Там со второй половины XX века мастерами Приморья и других регионов страны создавались высокохудожественные и поистине духовные произведения искусства, которые «художественно осмыслены в российской культуре» [7, с. 8] и породили своеобразный феномен шикотанского стиля. Иван Никитчик, хотя и не входил в состав известной шикотанской группы, но участвовал вместе с её членами во многих совместных выставках именно благодаря своим произведениям, в которых можно отчётливо уловить шикотанские мотивы. Надо отметить, что, ещё будучи студентом, Иван начинает активно принимать участие в художественных краевых, региональных и республиканских выставках, а в 1982 году его принимают в члены Союза художников, что сви-

И. Т. Никитчик. «Рыбачки». Холст, масло. 110х110 см. 1980 год.

И. Т. Никитчик. «Вечер на Шикотане». Холст, масло. 105х125 см. 1982 год.

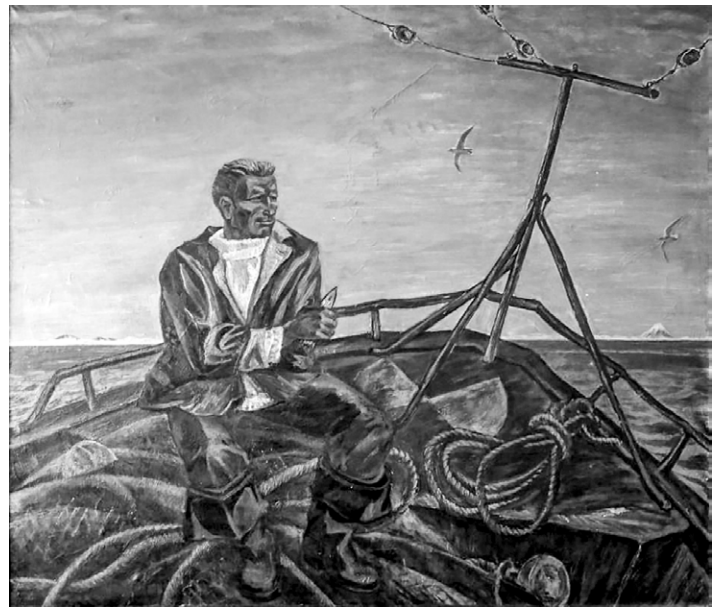
И. Т. Никитчик. «Два капитана». Холст, масло. 110х130 см. 1984 год.

детельствует о том, что молодой талантливый живописец довольно рано достиг профессиональных высот. Произведения раннего периода его творчества говорят о нём как уже о состоявшемся мастере, который соответствует духу своего времени и места, «представляя вариант “сурового стиля”, наполненный оптимистичным романтизмом» [3, с. 230]. По линии этих поисков шло развитие искусства Приморья рубежа 70-х – 80-х годов прошлого века, по этому пути шли поиски и молодого художника Ивана Никитчика, который смог найти собственные интересные решения в этом направлении.

Для молодого творца излюбленным объектом художественного внимания становятся люди морских профессий — моряки, рыбаки, рыбообработчицы — и окружающая их среда — побережья и морские просторы, запечатлённые на его полотнах с большой глубиной осмысления. Приморский пейзаж, обогащая образы героев, занимает важное место в жанровых полотнах автора, а эмоциональный порыв, выбор нужных акцентов позволяют создать выразительные по своим характеристикам произведения. Показательны картины «Рыбачки» (1980 г.), «Вечер на Шикотане» (1982 г.), в которых пейзажный фон, представленный сопками и рыбацкими сейнерами в морском пространстве, придаёт особую внутреннюю приподнятость работникам нелёгкого физического труда. И. Никитчик, изображая дальневосточную природу во всём её многообразном величии, но не отчуждённой от людей, а как естественную их жизненно-бытовую среду, сообщает персонажам ещё большую значительность и возвышенную одухотворённость. В произведении «Два капитана» (1984 г.), где автору удалось создать характерные образы героев-современников — людей трудной и одновременно романтической морской профессии, — пейзаж поражает свинцовой мощью звучания, сдержанно-строгим колоритом с пристрастием к тяжёлым, землистым краскам: охры, умбры, сиены, и демонстрирует яркий образец «суровостильности» приморского искусства.

На основе впечатлений от тяжёлого рыбацкого труда Иваном Никитчиком была написана картина «Зарубинские рыбаки» (1987 г.). Более месяца художник провёл за работой на рыбацком сейнере «Громкий», выходившем каждый день в рейс в открытое Японское море из порта Зарубино, и смог с натуры запечатлеть весь экипаж судна. Эту портретную серию отличает острая выразительность образов, точно переданные портретные черты. «Портрет Героя Социалистического труда капитана В. Д. Коновалова» (1987 г.) — наиболее яркий и экспрессивный в данной серии — был закуплен в фонд Приморской государственной картинной галереи (г. Владивосток).

Через несколько лет художник создаёт картину «Рыбак Приморья» (1994 г.), в которой представлен контрастный

И. Т. Никитчик. «Рыбак Приморья». Холст, масло. 170х180 см. 1994 год.

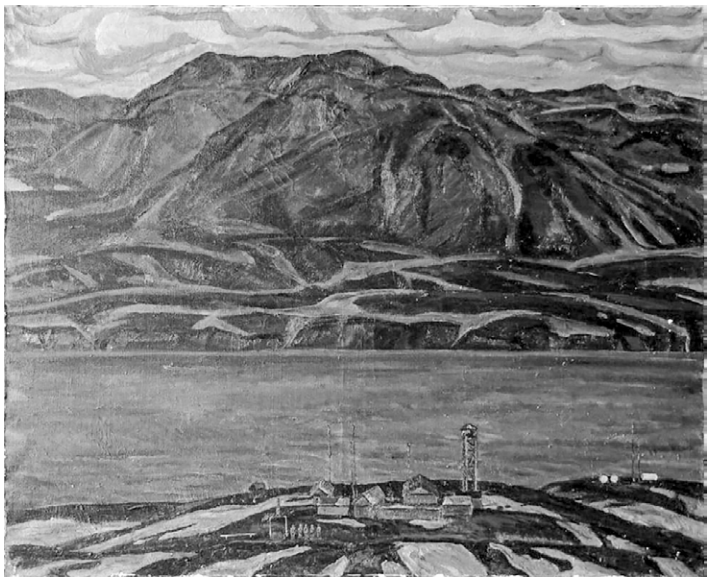

И. Т. Никитчик. «Утренний лов». Холст, масло. 100х170 см. 2007 год.

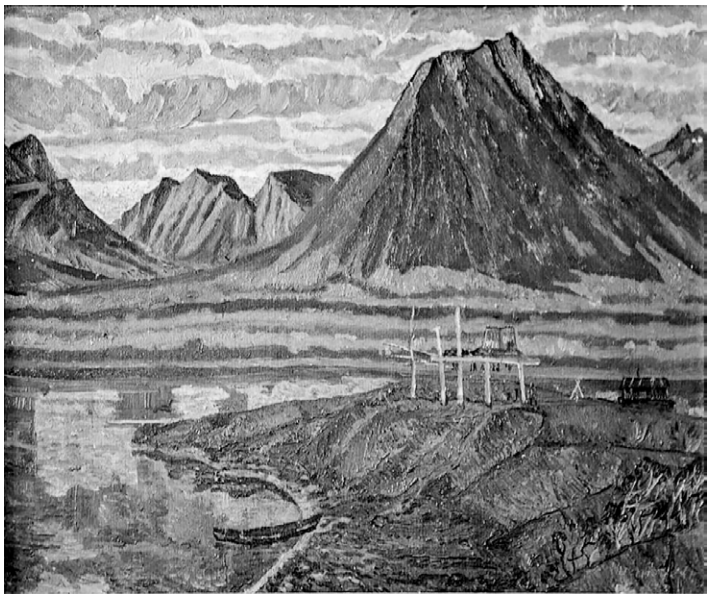
персонаж на фоне мрачного серого неба и сизо-свинцовых валов штормового моря — обобщающий образ приморского рыбака, воплотивший в себе отдельные черты многих рыбаков, портретируемых художником ранее. Суровый лаконичный пейзаж придаёт человеку, привыкшему к простору, свободе и преодолению трудностей, монументальную мощь и наполняет его образ героическим началом.

Продолжение темы суровых рыбацких будней находит отражение в картине «Утренний лов» (2007 г.), поражающей панорамностью вида. Работа привлекает не только своими тонкими колористическими достоинствами, но и глубоко прочувствованной автором образной сутью, где чётко выражена определённость характера изображаемой морской стихии, её тесной связи с трудом и жизнью приморцев.

Самый юг Дальнего Востока, где проходит граница России, представлен в картине «На далёкой заставе» (1982 г.). Перед нами с высоты птичьего полёта открывается вид пограничной заставы у моря в неповторимой оправе своеобразного ландшафта, отличающегося насыщенной гаммой палитры с контрастными цветоотношениями. В картине

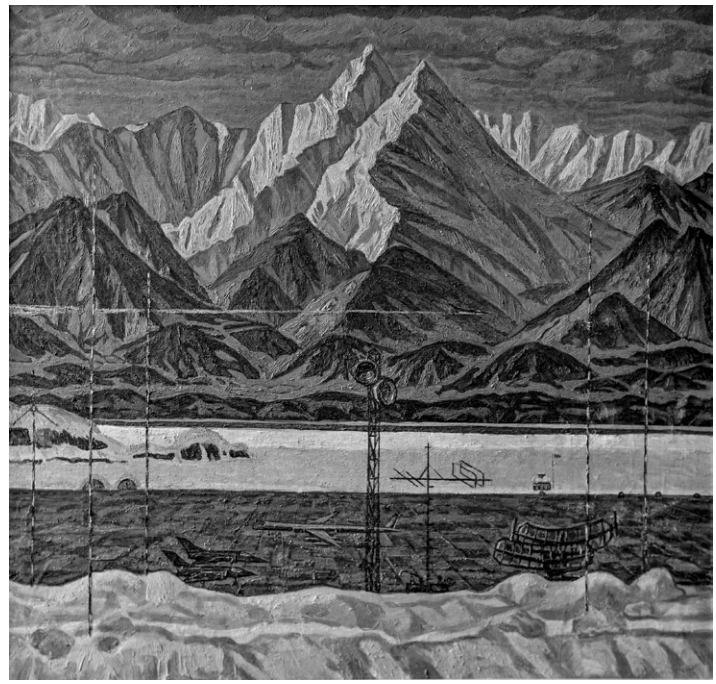
И. Т. Никитчик. «На далёкой заставе». Холст, масло. 100х120 см. 1982 год.

И. Т. Никитчик. «Корякский пейзаж». Холст, масло. 60х180 см. 1988 год.

художник воссоздаёт синтезированный облик приморской земли, несущий образное звучание эпичности.

Дальневосточный пейзаж Ивана Никитчика во многом обогащается благодаря его поездкам на север Дальнего Востока. Он дважды совершил творческие экспедиции на Камчатку, в середине и конце 1980-х годов, жил и плодотворно работал в этих краях. Камчатские работы Ивана содержательны по замыслу, свидетельствуют о большом внимании мастера к передаче пленэрных впечатлений, фиксированию острохарактерных особенностей национального быта. В произведениях, созданных на Камчатке, автор достигает особой остроты композиционного решения и убедительности колорита, где пейзаж, одновременно включающий в себя рассказ о жизни местного населения, коряков, нередко превращается в насыщенную описанием

И. Т. Никитчик. «Аэропорт. Камчатка». Холст, масло 120х130 см. 1992 год.

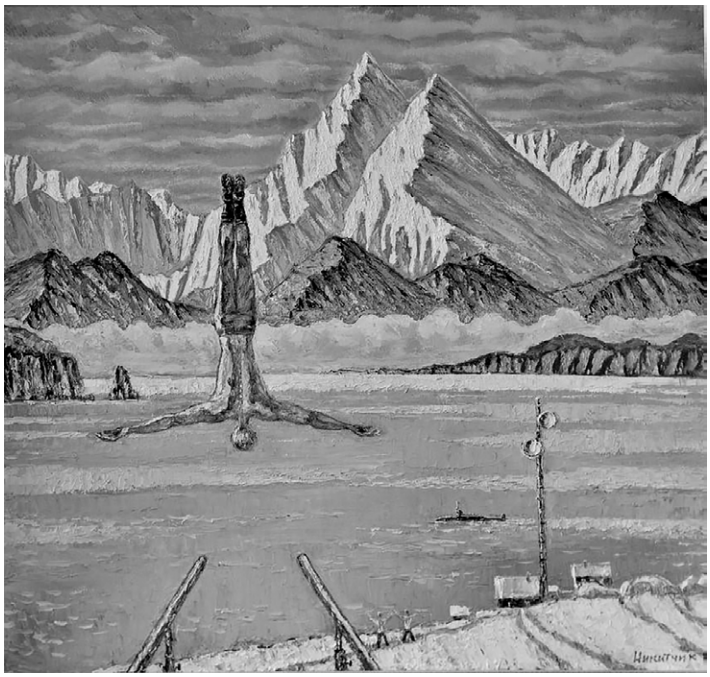
сюжетную картину, как, например, в его работах «Корякский берег» (1985 г.), «Корякский пейзаж» (1988 г.), «Осень на Камчатке» (1985 г.), в которых люди и природа, их окружающая, проявляются в самой своей непосредственной сущности. «Их не спутать с другими — в них океан севера, берег севера, скалы севера и люди севера» [4, с. 401]. Художник умело строит композицию, где величественные горы соседствуют с просторами тундры и суровой водной гладью, а его палитра, несмотря на общую суровость, наполняется яркими насыщенными красками: багровыми, кирпично-охристыми и звучными оттенками синего.

В значительной мере результатом глубоко переосмысленных камчатских впечатлений явился и ряд его более поздних работ. В произведении «Аэропорт. Камчатка» (1992 г.) на фоне устремлённых в небо заснеженных пиков гор, в окружении диких суровых красот Камчатки автор изображает широкую протяжённость взлётной полосы местного аэропорта. Картина поражает величием и монументальной мощью северной природы, представляя «художника, чья живопись сформировалась в соответствии с тенденциями регионального искусства 1980-х, но не стала застывшим явлением, а эволюционировала в соответствии со временем» [2, с. 2].

В дальнейшем картины Ивана, посвящённые камчатской природе, стали светлее колористически, но не менее экспрессивны в стремлении передать суровость севера Дальнего Востока. В них присутствует напористость, мощность и контрастность чистых цветовых звучаний, где совершенно по-новому раскрывается северная природа дальневосточного пейзажа.

И. Т. Никитчик. «О, Камчатка!» Холст, масло. 85х110 см. 2020 год.

И. Т Никитчик. «Солнышко. Камчатка». Холст, масло. 130х150 см. 2013 год.

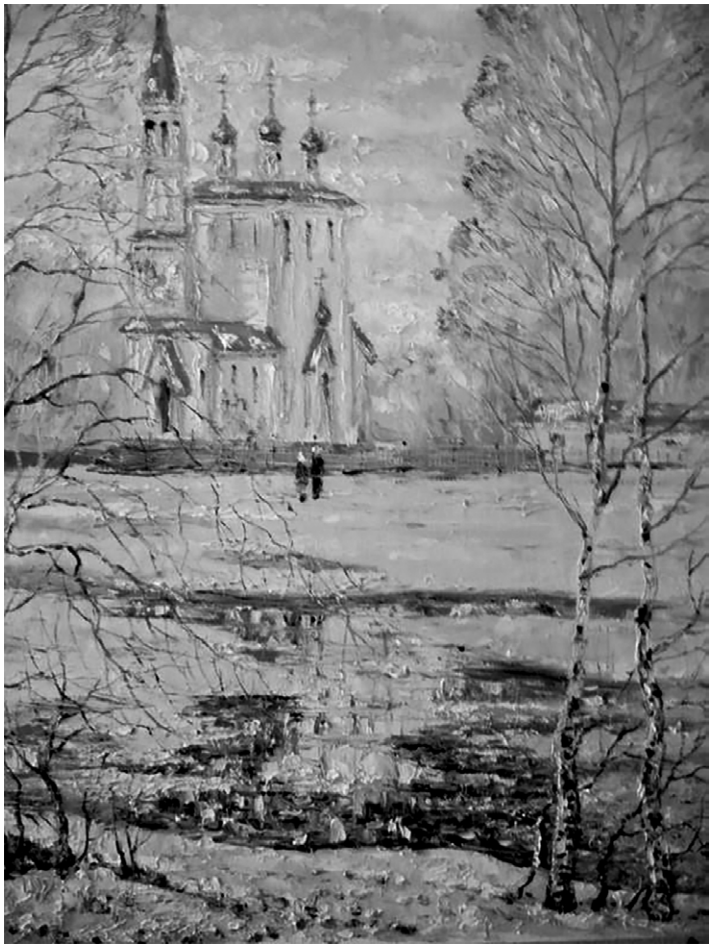
Камчатка дала художнику большой натурный материал, плодотворно разрабатываемый автором и в настоящее время, когда регионы Дальнего Востока вновь оказались в фокусе пристального внимания, а их эстетическое осмысление в художественных произведениях является актуальной темой. Не случайно полотно Никитчика, посвящённое Камчатке, было представлено в 2015 году оргкомитету VI Международной биеннале в г. Пекине и отобрана для выставки в Национальном художественном музее г. Пекина наряду с работами ещё двух художников Дальнего Востока, участвовавших в биеннале. Холст «Солнышко. Камчатка» (2013 г.) был включён в выставочный каталог в числе лучших произведений. Автор отмечает: «Это было грандиозное событие и большая честь для меня! “Солнышко” путешествовало по городам Китая. Надо заметить, что картина не имеет никакого отношения к небесному светилу — на ней изображен пограничник, упражняющийся на турнике. Этот момент я подсмотрел во время своего пребывания на Камчатке, когда работал над этюдом. В народе эти смелые кульбиты именуют — “сделать солнышко”, а иностранцам пришлось объяснять, почему картина названа именно так» [8, с. 15].

С началом 1990-х годов палитра Ивана Никитчика светлеет, цвета обретают небесную чистоту и лучезарную лёгкость. Основное место в творчестве художника занимает реалистический пейзаж, в котором находит отражение континентальное Приморье и побережья Хасанского района, где мастер неустанно оттачивает художественные приёмы и воплощает увиденное в красках. Он хорошо знает натуру, так как активно работает на пленэре. Проводя свою творческую жизнь в постоянном и тесном контакте с природой, Иван видит в ней главный источник вдохновения. Подчёркивая совершенство природы и непревзойдённую красоту её нерукотворности, автор всякий раз создаёт новый художественный образ, усиливая жизнеутверждающее настроение своих произведений.

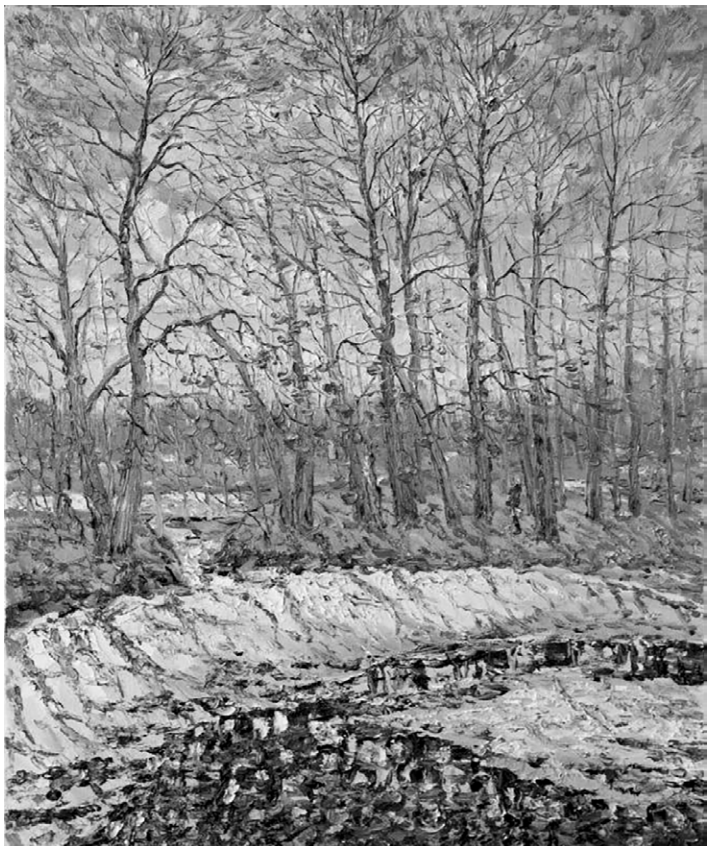
Ивану Никитчику удаётся очень точно уловить природный мотив, обобщить его и передать на холсте свои настроение и чувства. «Он поэтизирует привычную провинциальную среду, создавая обобщенный образ местности» [2, с. 2]. Это проявляется в большей степени в его пейзажах, посвящённых ранней весне, когда начинается пробуждение природы. Его весенние пейзажи «Сиреневая весна» (2015 г.), «Начало весны» (2019 г.), «Последний снег зимы» (2020 г.) и другие поэтизированно-возвышенны, что характерно для пейзажных произведений известных русских мастеров, посвящённых этому времени года. Женские образы, которые автор часто включает в природную среду, хрупки и несколько мимолётны, сливаются с ландшафтом в гармоничном начале. Они не перебивают природный строй, но, напротив, усиливают лирический настрой.

Художник часто пишет город Уссурийск и его окрестности — «Храм Уссурийска» (2016 г.), «Зима в городе» (2019 г.) и другие. Тщательно изучая натуру и обобщая детали, автору удаётся создать лирические картины реалистического пейзажа континентального Приморья. Им присуще радостно-возвышенное настроение, которому соответствуют «колористический строй и манера автора: отсутствие резких контрастов, импрессионистский мазок, характеризующий видение художником этих мест» [2, с. 2].

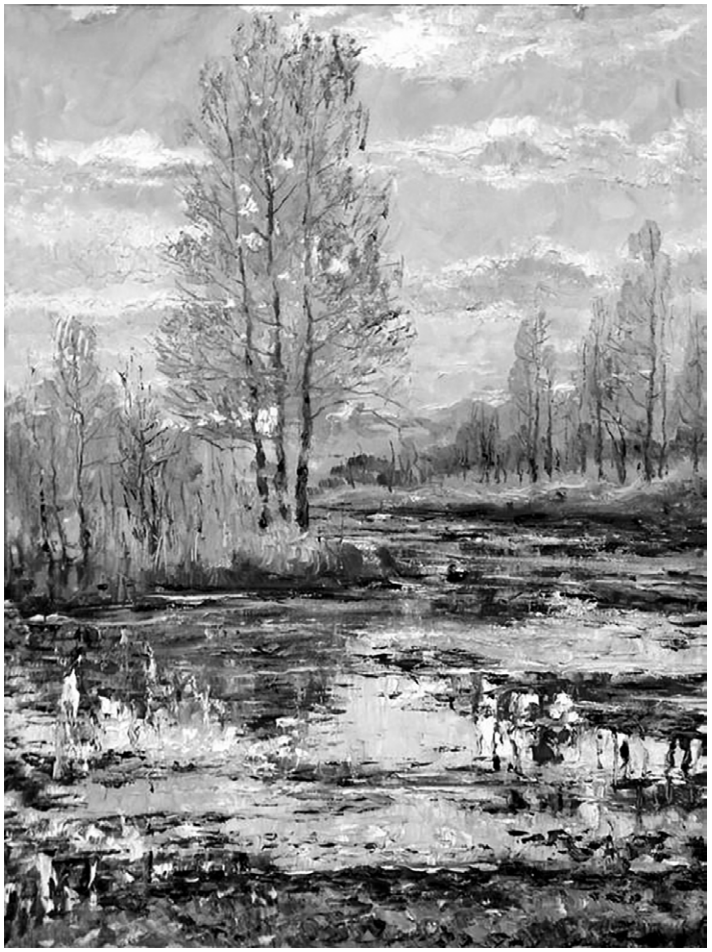
В работах Ивана, посвящённых золотой поре приморской осени, когда уссурийская тайга с желтеющими сопками горит ярким огнём на фоне лазурного неба, преобладает более яркий колорит. Такие осенние пейзажи, как, например, «Осень приморская» (2012 г.), «Звонкая осень»

И. Т. Никитчик. «Зима в городе». Холст, масло. 70х85 см. 2019 год.

И. Т. Никитчик. «Последний снег зимы». Холст, масло. 70х80 см. 2020 год.

И. Т. Никитчик. «Звонкая осень». Холст, масло. 70х100см. 2017 год.

(2017 г.), «Осень» (2020 г.) и другие, имеют эмоциональное настроение — «уссурийский лес, написанный сочной, фактурной кистью, весь шумит от сгорающей листвы и сверкает кусками неба между стволами деревьев» [5, с. 400]. Здесь ярко проявляется повышенная цветовая контрастность, присущая традициям уссурийской школы, утверждённая её основателем Кимом Ковалем. С патриархом уссурийской живописи Ивана Никитчика сближает особый насыщенный и плотный колорит, решительная кладка мазка материальным, фактурным цветом.

Иван вместе с Ольгой Никитчик каждый год в летний период занимается творчеством и выставочной деятельностью в селе Андреевке, которое также объединяет его с творческим наследием Кима Коваля, открывшего это место ещё в 1970-х годах для других художников Дальнего Востока. Следует отметить, что творческая натура Ивана Никитчика блестяще проявляется не только в художественном, но и в организационном качестве. Именно он провёл реконструкцию творческой дачи художников «Андреевка», собственными силами построил дом имени К. П. Коваля для творческих встреч и обмена опытом молодых творцов и состоявшихся мастеров, отчётливо понимая значение таких мест для совершенствования живописного мастерства,

потому что сам стажировался на творческих дачах Союза художников России [9]. Более того, он с супругой учредил для молодых художников премию имени Кима Коваля. Теперь в эти волшебно красивые места, вобравшие в себя всё очарование, величие и уникальность Приморья, в этот оазис дальневосточной природы и искусства, который называют «приморским Монмартром» [1], приезжают на ежегодные пленэры местные студенты-художники и коллеги из других регионов и соседних стран. И. Т. Никитчик также известен созданием художественной галереи «Арт-Берег», которая стала одним из культурных центров Хасанского района.

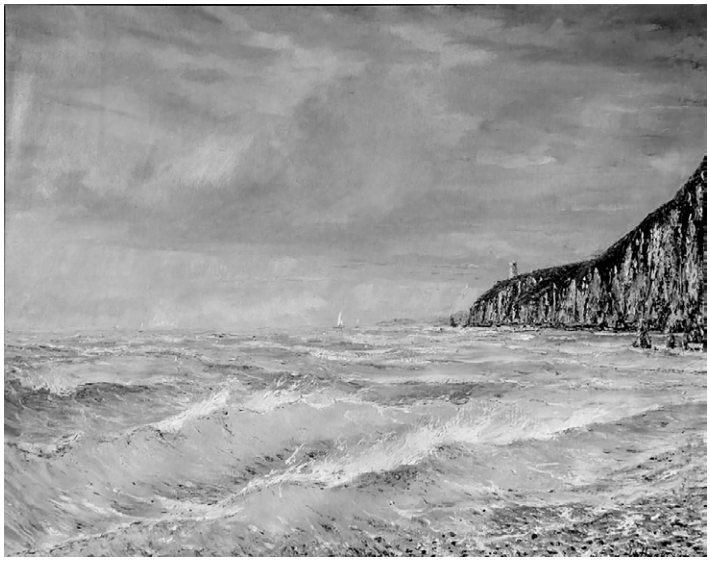
Андреевское побережье даёт Ивану особый творческий подъём, и море, прекрасная и чарующая стихия, близкая духу каждого приморца, находит своё блестящее отражение в многочисленных полотнах художника. Серии морских пейзажей изображают то спокойную, освещённую солнцем гладь воды, то стремительные пенящиеся волны, будто наполненные запахом морского воздуха и ветра. В море Иван проводит много времени, наблюдая его в разные погодные условия. С морем его связывает не только художественное творчество, но и страсть покорителя морских просторов, азарт рыбака и добытчика морских даров (Иван Никитчик — владелец и капитан морского судна). Художник прекрасно чувствует энергию моря, его живое дыхание и ритм. Как он сам говорит, его марины «рождаются на волне вдохновения» [4].

Надо заметить, что по контрасту с сушей море — среда совершенно особая, весьма изменчивая от погодных условий, требующая от художника чуткого внимания. В зависимости от погоды вода быстро меняет свой цвет: мгновенно превращается из нежно-голубой или таинственно-изумрудной в буро-серую или насыщенно-свинцовую. Морская гладь, мгновение назад бывшая спокойной, вздыбливается стремительно летящими волнами. Поэтому неудивительно, что марина обрела статус самостоятельного жанра, а умение реалистично передать состояние и цветовую гамму водной стихии считается одной из самых сложных художественных задач. Ивану Никитчику удаётся в полной мере справиться с ней: схватывая быстро меняющееся настроение моря, он увековечивает быстротечность мгновений порывов ветра и всплесков волн на своих холстах, в которых «есть нечто эпическое, навеянное океаном» [2, с. 2].

Художник изображает любимое всей душой Японское море в разных его проявлениях. Ряд произведений посвящён бушующей стихии во всей её природной мощи. Уверенные и отрывистые мазки автора запечатлевают могучую силу бушующего океана в работах «Тайфун “Самбо”» (2012 г.), «Штормит» (2019 г.), «Шторм» (2020 г.) и других, представляя несокрушимую энергию шторма с грохотом волн и шквального ветра. Марины Ивана Никитчика отличаются масштабностью и ощущением моря как могущественной стихии, а не пляжного местечка, и эти качества, «сформированные в ранние годы, остались как глубинная основа его творчества» [2, с. 2].

И. Т. Никитчик. «Шторм». Холст, масло. 120х180 см. 2020 год.

И. Т. Никитчик. «Маяк Гамов». Холст, масло. 120х160 см. 2017 год.

И. Т. Никитчик. «Самое красивое море». Холст, масло. 120х170см. 2020 год.

Представляя зрителю буйную морскую силу во всей своей природной мощи, автор нередко изображает хрупкий силуэт белеющего парусника на дальнем плане, который смягчает ощущение накала штормовых волн, привносит лирические ноты в строй произведения, как, например, в картине «Маяк Гамов» (2017 г.), «Самое красивое море» (2020 г.) и других.

Иван исполнил серию морских пейзажей лирического настроения, где выступает тонким колористом, способным передать всё разнообразие природных красот водных пространств и береговой линии, создавая поэтический образ Японского моря. Исследователи отмечают, что в его полотнах «проявляется поэтическая атмосфера» [5, с. 400], которую «можно сравнивать с музыкой — то камерной, лиричной, то симфонически масштабной» [1].

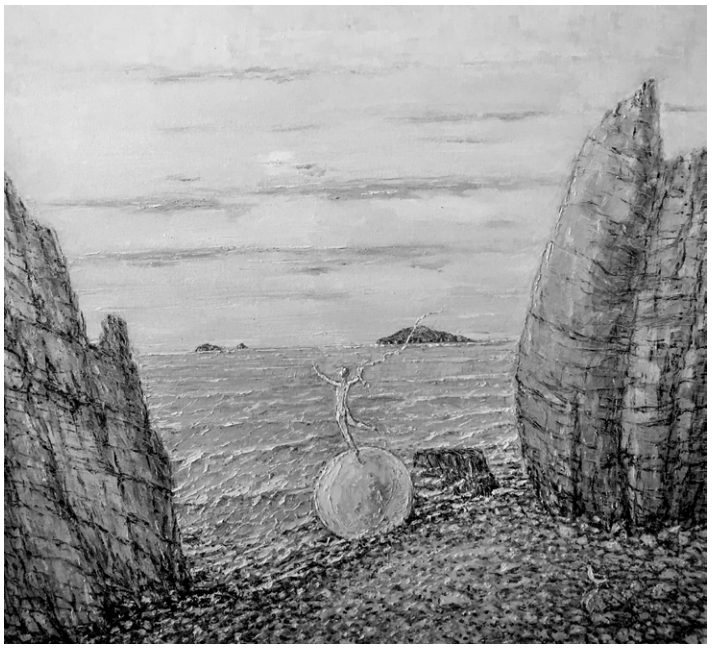

И. Т. Никитчик. «Морской вечер». Холст, масло. 50х63 см. 2013 год.

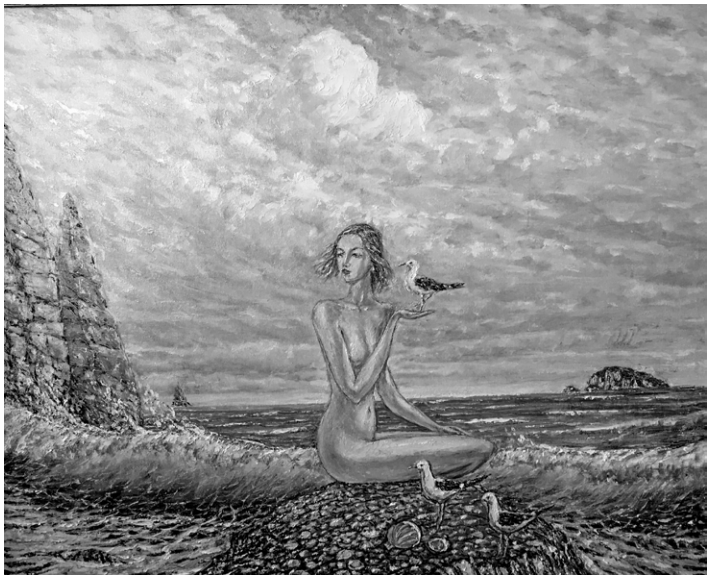

И. Т. Никитчик. «Возвращение». Холст, масло. 130х150 см. 2018 год.

Картины «Притяжение» (2017 г.) и «Возвращение» (2018 г.) открывают ещё одну страницу творчества мастера, где происходит слияние символичности художественного мышления автора и художественной традиции, классически чистых живописных форм и современности. При общей реалистичности пейзажа художник избирает море неким символом, рассматривая его как место зарождения жизни прошлого и нового уровня. Изображая персонажей в морской пучине в состоянии отрешённого созерцания, автор создаёт простор для глубоких размышлений о сложности и одновременно хрупкости нашего мироздания. В произведениях «Прикосновение» (2017 г.) и «Утро у моря» (2018 г.), где появляется женский образ с чайкой в руке, воплощающий в себе многозначные ассоциации, дальневосточный пейзаж наполняется лирико-романтическим настроением.

И. Т. Никитчик. «Притяжение». Холст, масло. 120х110 см. 2017 год.

И. Т. Никитчик. «Утро у моря». Холст, масло. 130х180 см. 2018 год.

Художник Иван Никитчик, находясь в полном расцвете творческих сил, работает много и плодотворно. Создав своё цветовосприятие окружающего мира, он выработал собственный стиль, и творческое лицо автора всегда узнаваемо в современном художественном пространстве Дальнего Востока. Он активный участник наиболее значимых для художника региональных и республиканских выставок[1]. С конца 1990-х годов у И. Т. Никитчика отмечается активная международная выставочная деятельность — он является организатором и участником международных арт-проектов «Мост дружбы», «Радуга Востока», «Рукопожатие», в которых представлено искусство КНР, Республики Корея, Вьетнама, Японии, и других, что способствует формированию эстетической культуры широкого зрителя, обогащает картину художественной жизни Дальнего Востока России и других стран.

Очевидно, что художник постоянно пребывает в напряжённом творческом ритме, живёт атмосферой своего края, неустанно вдохновляясь её эпичной мощью величия и редкой красотой природного разнообразия. Отражая в своих полотнах очарование внешнего окружающего мира и восторженные чувства внутреннего, художник И. Т. Никитчик создаёт образ родной дальневосточной земли, расширяет возможности региональной школы живописи, внося весомый вклад в развитие отечественного искусства и успешно представляя его в пространстве мирового масштаба.

Список использованных источников

1. *Дробот, А. Маэстро живописи / А. Дробот // Семь дней в Приморье. — Владивосток, 2018. — 25 янв.*
2. *Зотова, О. «Мелодия на два голоса». Иван и Ольга Никитчик : [каталог персональной выставки 2013 г.] / О. Зотова. — Владивосток, 2013. — 3 с. : 37 ил.*
3. *Левданская, Н. А. Основные тенденции в изобразительном искусстве Приморья на рубеже XX–XXI веков. К истории вопроса / Н. А. Левданская // Омский науч. вестн. — 2013. — № 5. — С. 229–232.*
4. *Леонтьева, О. На волне вдохновения / О. Леонтьева // Коммунар. — Уссурийск, 2018. — 11 янв.*
5. *Лобычев, А. Уссурийск и далее везде // Автопортрет с гнездом на голове: искусство Приморья на рубеже веков / А. Лобычев. — Владивосток, 2013. — С. 390–407.*
6. *Прантенко, Н. А. Дальневосточный пейзаж в импрессионистическом искусстве Приморья / Н. А. Прантенко // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2009. — № 2. — С. 23–24.*
7. *Прантенко, Н. А. Коллекция живописи и графики художников-шикотанцев в собрании Приморской картинной галереи / Н. А. Прантенко // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 2. — С. 5–8.*
8. *Силина, Г. Человек талантлив с рождения. Иван Никитчик / Г. Силина // Приморье. — Уссурийск, 2017. — № 70. — С. 14–16.*
9. *Уссурийск. Иван Никитчик // Картинная галерея. — Владивосток, 2018. — № 1 (158) — С. 4. — (На выставочных площадках края).*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 04.05.2021.

Сведения об авторе: Гутарёва Юлия Ивановна, искусствовед, член Ассоциации искусствоведов России, кандидат искусствоведения, главный специалист Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств в г. Красноярске. Контактные данные: e-mail: gutayule@mail.ru; тел. 8-921-962-57-58.

1 В последние годы И. Т. Никитчик участвовал в межрегиональных выставках «Сибирь — Дальний Восток» (г. Красноярск, 2015 г.), «Дальний Восток» (г. Петропавловск-Камчатский, 2018 г.), «Урал. Сибирь. Дальний Восток» (г. Новосибирск, 2018 г.), в республиканской выставке «Россия» (г. Москва, 2019 г.) и др.

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

АЛЕКСАНДР НИКОЛЬСКИЙ: ДУХОВНО–МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КОМПОЗИТОРА

Статья посвящена творческой биографии и духовно-музыкальной деятельности выдающегося композитора Александра Васильевича Никольского (1874–1943 гг.), его значимой роли в истории музыкальной культуры России на рубеже XIX – первой половины XX века.

Ключевые слова: А. В. Никольский, творческий портрет, новое направление в русской духовной музыке, авторский стиль, церковно-музыкальная традиция.

Keywords: A. V. Nikolskii, creative portrait, “New direction” in Russian religious music, author's style, church music tradition.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаёшь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдёшь…
А. Фет

Вторая половина XIX – начало XX века — время духовной музыки в России. Это уникальное и довольно неоднозначное явление, подарившее Отечеству немало великих имён русских композиторов и их музыкальных сочинений. В исследованиях того периода это современное творчество принято относить к так называемому новому направлению в русской церковной музыке. Как отмечает М. П. Рахманова, композиторы, причисляемые к новому направлению, «не составляли сколько-нибудь монолитного объединения, подобного Могучей кучке; уровень их мастерства, направленность художественных интересов во многом различались. Некоторые из них пришли к сочинению духовной музыки самым прямым путем — от церковного клироса и хорового дела; для других, получивших академическое музыкальное образование и работавших в основном в "светских" жанрах, обращение к церковно-музыкальному творчеству было индивидуальным выбором, обусловленным разными причинами» [6, с. 392].

Основные творческие силы нового направления были сосредоточены в двух культурных столицах России — Петербурге и Москве, городах, в каждом из которых был крупный исполнительский коллектив — Императорская придворная певческая капелла и Московский Синодальный хор. Именно наличие таких крупных исполнительских сил во многом стимулировало композиторское творчество. Благодаря их бурной музыкальной деятельности становилось понятно, в какой музыке нуждались православные храмы и какие музыкальные сочинения, отвечающие потребностям церкви, писали композиторы.

Крупнейшими представителями, относившимися к петербургской ветви, следует назвать С. В. Панченко (1867–1937 гг.), Н. Н. Черепнина (1873–1945 гг.), С. М. Ляпунова (1859–1924 гг.), М. А. Лисицына (1872–1918 гг.) и других. Круг московских композиторов был значительно шире: С. В. Рахманинов (1873–1943 гг.), А. Т. Гречанинов (1864–1956 гг.), М. М. Ипполитов-Иванов (1859–1935 гг.), В. С. Калинников (1870–1927 гг.), А. Д. Кастальский (1856–1926 гг.), В. И. Ребиков (1866–1920 гг.), А. В. Никольский (1874–1943 гг.).

Одним из наиболее известных деятелей в области церковной музыки конца XIX – первой половины XX века является выдающийся духовный композитор нового направления, музыкальный писатель, общественный деятель, педагог, профессор Московской консерватории, учёный-теоретик Александр Васильевич Никольский. Его творчество нельзя считать достаточно осмысленным и глубоко изученным. В настоящее время многие исследователи творчества Александра Васильевича возвращают истории его имя и открывают ранее неизвестные страницы биографии и музыкального наследия. Чем вызвана потребность этого возрождения? Какое место в истории занимает творчество духовного педагога и композитора А. В. Никольского? Ответить на эти и другие вопросы поможет подробное изучение разных аспектов его жизни и творческой деятельности. Одним из них является духовное наследие композитора, которому наряду с музыкой нового направления суждено было возродиться. Начало его творческого пути пришлось на уникальный, довольно неоднозначный исторический период рубежа XIX – первой половины XX века. Время, в котором жил и творил композитор, было полно серьезными политическими и культурными событиями в России. Но, несмотря на это, творческая деятельность композитора — это настоящий пример верного служения своему делу, людям, искусству.

Александр Васильевич родился в семье священника в селе Владыкино. В роду композитора, как и у многих других русских духовно-музыкальных деятелей конца XIX – начала XX века, были лица духовного звания. Его отец был священником. По существовавшей в то время традиции сын пошёл по стопам отца. Начав в детские годы читать и петь в церкви, он позже стал регентом семинарского хора. В юноше удивительным образом сочетались талант музыканта и глубокое знание церковной жизни. Одна из отличительных черт творческой биографии Никольского — это универсальность. Вся его многосторонняя деятельность — композиторская, исследовательская, педагогическая, публицистическая, общественная, этнографическая — была направлена на развитие хоровой и церковно-певческой культуры в России в целом. Поэтому аспектом изучения композитора является духовная музыка, которая вызывает огромный интерес в настоящее время. В этой новой области Александр Васильевич — один из известных представителей в церковной музыке конца XIX – начала XX века. Учение и идеи школы нового направления отражены как в его статьях и очерках, так и в церковных нотных произведениях. Первыми преподавателями композитора были А. В. Касторский, А. Н. Карасев, Л. С. Шор, в Синодальном училище — А. Д. Кастальский, В. С. Орлов, С. Н. Кругликов, С. В. Смоленский, а в высших учебных заведениях — С. И. Танеев и А. А. Ильинский.

Будучи одним из последователей своего наставника С. В. Смоленского, Никольский продолжает его идеи в разных направлениях музыкальной культуры. В круг учреждений, где родилось новое направление в русской духовной музыке, выпускник Пензенской духовной семинарии Александр Никольский попал в 1894 году. После получения письма от С. В. Смоленского композитор поступил внештатным певчим в Московский Синодальный хор, а затем — на курсы

при Синодальном училище для взрослых певчих хора. В этой среде и были заложены основы его композиторского мастерства.

Церковное наследие А. В. Никольского, созданное в традициях нового направления, огромно. До 1927 года композитор стал автором большого количества духовных сочинений. Перу музыканта принадлежат «Литургия Преждеосвященных даров», ор. 23 (1908 г.), «Всенощное бдение», ор. 26 (1909 г.), «Литургия св. Иоанна Златоуста», ор. 31 (1909 г.), «Песнопения на святую Пасху», ор. 37 (1913 г.), «Последование (полное) венчания», ор. 41 (1914 г.), и многие другие циклы песнопений и отдельные композиции. Все сочинения подчёркивают индивидуальный композиторский стиль автора, который был характерен для школы нового направления. В наше время эти сочинения достаточно популярны и представлены в современных нотных изданиях, которые имеют большую известность среди широкого круга музыковедов, слушателей и исполнителей церковного хорового пения.

Однако не всё духовно-музыкальное творчество композитора нам известно, и на это есть причины. Одна из них — проблема доступности. Поскольку изданные до революции церковные сочинения у П. Юргенсона не переиздавались, они стали раритетными и не известны нашему современнику. Часть таких духовных песнопений А. В. Никольского до сих пор труднодоступна. Вторая проблема состояла в выборе духовного хора в исполнении богослужебного сочинения. Исполнять мог только хор, обладающий вокальным мастерством церковного песнопения, и это были певчие Синодального хора, редко — самодеятельные художественные коллективы. Но, несмотря на проблемы, церковная музыка А. В. Никольского любима регентами и исполняется в храмах. Среди наиболее известных коллективов-исполнителей — хор храма Трёх святителей (Украина, г. Харьков), Московский ансамбль духовной музыки «Благовест» и хор Троицкого собора (г. Александров).

Как и многие его коллеги по Московской Синодальной школе, А. В. Никольский преуспел в области хоровой музыки. Вокальная интонация, голосоведение были ближе всего творческому дарованию Александра Васильевича. Главным направлением работы над церковным репертуаром у композиторов нового направления стали обработки церковных распевов и свободное творчество «под распев». По мере развития нового направления и появления церковной хоровой музыки, усиливались дискуссии о том, какой репертуар наиболее подходит для богослужений, а какой — для концертов. В этой дискуссии принимал участие и А. В. Никольский, который стремился осознать место и своего творчества, и творчества своих товарищей по новому направлению в концепции богослужебного искусства. Эта тема стала одной из центральных в его публицистике.

В разные периоды своей жизни композитор писал для разной аудитории: профессиональной, детской, любительской. Александр Васильевич Никольский — автор многих классических произведений. Среди них три кантаты, десять крупных пьес для симфонического оркестра, концерт для флейты с оркестром, несколько сочинений для камерного ансамбля, романсы и хоровые обработки русских народных песен. На сегодняшний день, к сожалению, мало сочинений вошло в исполнительский репертуар, большая часть незаслуженно забыта. Наиболее значительным из них хотелось бы отметить виртуозное сочинение «Концерт для флейты с оркестром» (1908–1909 гг.), посвящённый выпускнику консерватории, первому блестящему исполнителю, флейтисту Виктору Сафронову (Глинскому-Сафронову). Концерт был исполнен им в Петербургской консерватории на выпускном экзамене. Это крупное инструментальное циклическое произведение, рассчитанное на высокопрофессионального исполнителя и способное восполнить пробелы в отечественном флейтовом репертуаре. Произведение представляет уникальное явление не только в русской литературе для духовых инструментов, но и в истории русской музыки в целом.

Оригинальностью и индивидуальностью исполнения обладают авторские детские сочинения Никольского. Его музыка для детей, к которой относится цикл детских хоров и три детские оперы («В лесу», «Репка», «Сказка о царе Салтане»), способна дополнить и разнообразить педагогический репертуар музыкальных школ и училищ. Детская музыка отвечает образовательно-воспитательным задачам, которые ставил перед собой педагог-музыкант.

Талант композитора как музыкального писателя оценил известный издатель П. П. Сувчинский, финансировавший петроградский журнал «Музыкальный современник» (1915–1917 гг.). Один из номеров издания предполагалось полностью посвятить духовному пению, интерес к которому у читателей возрастал. Анонс этого выпуска знакомил читателей с работами А. Д. Кастальского, А. В. Преображенского и неназванного автора статьи о «Всенощной» Рахманинова. О том, что эта статья была заказана именно А. В. Никольскому, говорит тот факт, что в архиве самого композитора присутствует работа о «Всенощной». Нужно полагать, что именно эту работу П. П. Сувчинский в письме от 1917 года просил Никольского передать из «Музыкального современника» в новый учреждаемый им журнал «Мелос» [7, с. 25–98].

Теоретические и музыкально-критические очерки А. В. Никольского — это труды многолетней педагогической и исследовательской работы. Большинство из них перерабатывалось и исправлялось композитором неоднократно, что

свидетельствует о глубоком осмыслении автором сути проблемы. В своих статьях Александр Васильевич затрагивает огромный круг тем, среди которых музыкальная педагогика и образование, дальнейшее развитие церковно-певческого искусства и регентского дела в России, анализ музыкальных произведений. В настоящее время многие суждения в статьях композитора актуальны и заслуживают изучения у исследователей творчества А. В. Никольского. Наиболее уникальной является работа «Формы русского церковного пения» (1915 г.), посвящённая проблеме комплексного анализа духовных произведений в музыке.

Большие надежды Никольский связывает со школьным образованием. Он был сторонником повсеместного введения пения в программы учебных заведений. Композитор полагал, что только путём всеобщего обучения пению можно добиться развития музыкальной культуры и создания среды, из которой могли бы появиться музыканты, в том числе певчие и регенты. Вместе с музыкальным критиком и педагогом Н. Д. Кашкиным (1839–1920 гг.) музыкант-исследователь разработал учебник по теории пения в школе «Начальный учебник хорового пения в связи с элементарной теорией музыки, изложенный в практических примерах» (курс 1, Москва, 1908 г., курс 2, Москва, 1909 г.), а также книги «Голос и слух хорового певца» (1916 г.) и «План практических занятий пением в школе и хоре» (1916 г.), которые стали незаменимыми пособиями для регентов-практиков в школе. Учащимся в музыкальных училищах и школах посвящена работа «Пособие к изучению формы музыкальных сочинений» (1923 г.). Несмотря на простоту и краткость, учебное пособие содержит полную характеристику основных музыкальных форм.

Александр Васильевич Никольский принадлежал к поколению людей, которые пережили революционные потрясения в зрелом возрасте, при этом значительную часть жизни он провёл при новом строе. Во время революции для композитора источником существования стало сочинение музыки на революционные и пролетарские тексты. Но нетрудно догадаться, что А. В. Никольский многократно вспоминал то время своей жизни, когда он мог свободно заниматься любимым делом, когда получил известность как духовный композитор и находился в центре хоровой общественной и педагогической жизни, связанной с Московским Синодальным училищем церковного пения и Синодальным хором. В 1925 году А. В. Никольский преподавал в консерватории теорию музыкальной этнографии. Этнографическая сторона его творчества — важная страница в истории музыкальной культуры, ведь народная песня заняла особое место в музыкальной деятельности Александра Васильевича. Внимание регента и духовного композитора к народно-песенной культуре выразилось в высокохудожественных обработках народных песен для хора, исполнительской деятельности, педагогической и просветительской работе, публицистике и научно-теоретических трудах. Среди многочисленных работ композитора — «Теория русской народной песни» (1919 г.) — это исследование по музыкальному фольклору, которое позже, в 1942 году, было дополнено и переработано самим автором и получило название «Народная песня СССР». Вся творческая деятельность А. В. Никольского тесно связана с Московской консерваторией. Ещё в молодые годы композитор мечтал учиться в консерватории и стать музыкантом. В 1897 году он продолжает обучение у Сергея Ивановича Танеева. Но в силу непредвиденных обстоятельств Александр Васильевич покидает консерваторию и продолжает обучаться в Музыкально-драматическом училище при Московском филармоническом обществе. После революции Никольский преподает в консерватории, а в 1935 году, получив звание и должность профессора, преподаёт на дирижёрско-хоровом отделении. Роль композитора в развитии факультета огромна. Кроме преподавательской деятельности, которая заключалась в ведении нескольких курсов — хоровой литературы, анализа форм и дирижирования, А. В. Никольский вёл методическую работу (учебные пособия и программы по музыкальным дисциплинам). В лекции и учебные пособия Никольского заложен профессиональный подход к обучению студента.

Александр Васильевич был человеком самоотверженным и любил свою работу. В годы Великой Отечественной войны он был тяжело болен. И когда весь педагогический состав факультета был эвакуирован, Никольский остался и читал лекции в консерватории. Особо хотелось отметить его разработку курса по церковно-певческому искусству. В 1942 году, когда профессора не стало, курс не преподавали и возобновили только в наши дни.

Преподавательский состав и студенты дирижёрско-хорового факультета Московской консерватории чтут имя профессора А. В. Никольского: проводятся концерты и творческие вечера, посвящённые памятным датам композитора.

Александр Васильевич Никольский — одна из уникальных и многогранных творческих личностей в истории музыкальной культуры XIX – первой половины XX века. Его духовно-музыкальное наследие — это целостное художественное явление, которое обладает характерными признаками композиторского стиля, проявляющимися во всех его церковных сочинениях.

Творческая деятельность Никольского показывает, насколько сильной была предреволюционная хоровая школа, позволившая музыканту в тех условиях, когда любимая им церковная тема оказалась под запретом, проявить себя блестящим образом в самых разных областях.

Среди масштабных работ, посвящённых изучению русской духовной музыки и композитору А. В. Никольскому, стоит отметить многотомное издание «Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VIII. А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Кн. 1: Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского» (Москва, 2017 г.).

Свидетельством пристального внимания к личности и творческой деятельности композитора является вышедшая в декабре 2010 года книга Л. В. Малацай «Александр Никольский. Творческая биография». Монография посвящена жизни и музыкальной деятельности выдающегося представителя русской музыкальной культуры конца XIX – первой половины XX века — А. В. Никольского. Исследование осуществлено на основе изучения архивных материалов, документальных свидетельств, нотно-музыкальной литературы и прижизненных изданий. Книга адресована профессиональным музыкантам и всем интересующимся историей отечественной музыкальной культуры.

Список использованных источников

1. *Ефимова, Ю. А. А. В. Никольский. Творческий портрет / Ю. А. Ефимова // Научные чтения памяти А. В. Кандинского. — Москва, 2007. — С. 146–156.*
2. *Ефимова, Ю. А. Московская консерватория в жизни А. В. Никольского / Ю. А. Ефимова // Наследие. Русская музыка — мировая культура. — Москва, 2009. — Вып. 1. — С. 514–520.*
3. *Ефимова, Ю. А. Духовная музыка А. В. Никольского: проблемы стиля / Ю. А. Ефимова // Музыковедение. — 2010. — № 2. — С. 52–58.*
4. *Лозинская, В. П. Русская духовная классическая музыка : монография / В. П. Лозинская. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. — 236 с.*
5. *Малацай, Л. В. Александр Никольский : творческая биография : монография / Л. В. Малацай. — Москва : Дека-ВС, 2010. — 548 с.*
6. *Рахманова, М. П. Новое направление в духовной музыке: исторические тенденции и художественные процессы / М. П. Рахманова // История русской музыки : в 10 т. Т. 10б : 1890–1917 гг. — Москва, 2004. — С. 392–456.*
7. *Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VIII. А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Кн. 1 : Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского / подгот. текста, вступ. ст., коммент. С. Г. Зверевой [и др.]. — Москва : Москва : Языки рус. культуры, 2017. — 958 с. : ил., ноты, портр.*

Материал поступил в редакцию 01.06.2021.

Сведения об авторе: Тринеева Инна Михайловна, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальных звукозаписей Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: innatrineeva@bk.ru.

ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ НОМИНАЦИИ В ПОВЕСТИ В. Н. БОРОВИЦКОЙ «КАВТОРАНГ»

Предметом исследования настоящей статьи является система онимов и связанные с ней лексико-семантические особенности повести В. Н. Боровицкой «Кавторанг». В работе произведён анализ имён собственных в аспекте антропонимики. Сделан вывод о том, что функциональная специфика номинации героев художественного произведения обусловлена не только центральным нарративным образом, но и включает мотивы, свойственные авторскому голосу. Отмечено явление криптолалии, реализованное в жаргонном наименовании «кавторанг». Рассмотрено использование внутритекстовой антономазии, возможное благодаря особой структуре ономастической системы.

Ключевые слова: номинация, оним, средства выразительности, жаргон, лексема.

Keywords: nomination, onym, means of expression, jargon, lexeme.

Интерес к творчеству В. Н. Боровицкой вовсе не случаен. При жизни писательница часто посещала Хабаровск: выступала в Педагогическом институте ТОГУ, Хабаровской духовной семинарии, Хабаровском краевом институте развития образования с лекциями, беседами, на которых нередко делилась писательским опытом, знакомила со своими произведениями. Её слушателями были студенты и преподаватели, учителя и школьники.

Объектом исследования настоящей статьи являются принципы номинации героев в повести В. Н. Боровицкой «Кавторанг» [4]. В работе анализируется своеобразие значений имён собственных, их функционально-эстетической специфики.

Известно, что имена персонажей художественного произведения нередко становятся способом выражения как авторского взгляда на описываемую действительность, лица и события, так и чувств, оценок и мнений других героев, составляющих систему характеров драматических, эпических или лирических сочинений. Номинация персонажа является важным средством создания образа, способствует пониманию мировоззрения автора, верной интерпретации художественного произведения [6, с. 75]. Хрестоматийным примером служит образ господина из Сан-Франциско в одноимённой повести И. А. Бунина. Писатель не даёт герою имени и фамилии, тем самым лишая индивидуальности и обезличивая его [9, с. 13].

Имена собственные в рамках повести «Кавторанг» рассматриваются в аспекте ономастики, лингвистической науки, занимающейся всесторонним изучением имён собственных [3, с. 7].

Следует отметить, что многие повести В. Н. Боровицкой совмещают в образе повествователя как авторскую картину мира, так и собственно нарративную. Данное совмещение фокусов обусловлено тем, что повествование в рассказах нередко ведётся от первого лица. Отмеченные особенности позволяют предположить, что при характеристике ономастического корпуса повествователя справедливо учитывать не только идейно-эстетический подтекст, но и биографические мотивы, включающие оценку автором тех или иных явлений реальной действительности.

Повесть написана в 1986 году. Действие разворачивается в 60-е годы XX века. Главная героиня и повествователь — Мария Николаевна, юная выпускница медицинского университета. Обстоятельства направили её на работу с необычными больными: частично парализованными людьми, одинокими, оставшимися без надежды на будущее.

Произведение включает более десяти действующих лиц, среди которых весомую часть составляют второстепенные. Однако онимы, употреблённые в отношении любого персонажа, раскрывают оценку личности того или иного героя, его мировоззрения и жизненных убеждений, даваемую Марией Николаевной. Оним — слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации. Форма «оним» удобна как объединяющая для всех соподчинённых терминов [8, с. 95].

Один из первых онимов встречается в начале повести. Предложение работы главной героине было сделано преподавателем медицинского университета Гецовым. Интересно, что на протяжении всего сюжета Мария Николаевна, говоря о профессоре, почти не использует других антропонимов, кроме фамилии. Официальность, некоторая сухость, скрытая в таком способе номинации, дополняет портрет героя: «У Гецова породистое лицо. Черты выписаны крупно и резко, губы тонкие, подбородок упрямца. Очки в тонкой золотой оправе завершают портрет сдержанного и жёсткого человека» [4, с. 6]. Коннотации фамильярности, нередко связанные с фамильным именованием, в данном случае отсутствуют. Подчёркивается исключительно деловая связь между преподавателем и талантливой студенткой, в которой Гецов видит не только врача, но и человека, способного помочь отчаявшимся людям. Почтение и уважение, акцент на преобладание профессионального интереса к личности Гецова выражены Марией Николаевной путём использования антропонима.

Подобное значение приобретает оним при описании Николая Петровича. Официальная номинация по имени-отчеству говорит не только об уважении, как в случае с Гецовым, но и о более близком общении между героями. Марию Николаевну и Николая Петровича, помимо общих интересов, связывают ещё и семейные доверительные отношения. Выпускница медицинского университета восхищается талантом мудрого филолога, его любовью к делу своей жизни: «Он не читал свои лекции, он переносился во время, о котором говорил, и уносил туда слушателей» [4, с. 18].

Одним из способов дифференциации профессионалов-интеллектуалов, сыгравших важную роль в становлении Марии как личности и как врача, является отличительная номинация Гецова и Николая Петровича. С Гецовым героиню связывает работа, для неё профессор — пример талантливого доктора. Она разделяет взгляд преподавателя на медицину, уважает его знания и серьёзный подход к делу.

Николай Петрович для Марии не просто специалист в своей области, он часто описывается как духовный наставник, носитель мудрости поколений, как непризнанный гений. Помимо прочего, Николай Петрович был и остаётся верным спутником её матери, вследствие чего их связь представляется более доверительной.

Сопоставление онимов с характеристикой их носителей, дальнейшее разграничение образов, анализ их различия являются элементами регулятивной конструкции текста. Под регулятивностью понимается системное качество текста, заключающееся в способности «управлять» познавательной деятельностью читателя [2, с. 140]. Хоть образы двух мэтров — врача и филолога — в некоторой степени схожи, однако их характеристика, выраженная повествователем, не тождественна.

Примечательным кажется антропоним «Роберт Семёнович» — необычное сочетание европейского имени с распространённым русским отчеством. Заведующий отделением описан как внешне привлекательный мужчина средних лет. Автор подчёркивает фонетические особенности имени: «Молодые медсестры, говоря о нем, называют его Роберт, грассируя на “р” и растягивая первый слог. Красиво звучит. Как в опере» [4, с. 10]. Протяжное «р» может указывать на некоторую агрессивность характера заведующего. Возникают ассоциации с рычанием и хищничеством. К завершению повести нравственный облик персонажа меняется, выявляются новые качества, такие как беспринципный карьеризм, двуличность, филистерство. Пока в лечебной практике Марии Николаевны всё шло благополучно, заведующий не нарушал привычного темпа работы. Однако после ухудшения здоровья кавторанга Роберт Семёнович, найдя рычаг давления, направляет в палату, где лечатся капитан и остальные участники повести, не говорящего по-русски состоятельного пациента, чем вынуждает Марию Николаевну покинуть больницу.

Следует отметить, что этот больной оценён автором довольно однозначно. В тексте он лишён имени, которое заменяют антропонимные конструкции: «занимающий большой пост в одном из южных городов», «новый больной».

В образе Роберта Семёновича пересиливает европейская составляющая, подчёркнутая точным подбором имени. Глава отделения стремится к успешной карьере, материальному благополучию, вследствие чего не разделяет стремления юной героини к бескорыстной помощи.

Имя Роберт ассоциативно связано со многими историческими лицами благородного происхождения, среди которых, например, Роберт I, король Венгрии и Хорватии, Роберт II, граф Фландрии. Жизнь обязывала этих людей обладать стойкостью и непреклонностью, часто им приходилось быть жестокими ради благополучия своего народа. Вероятно, часть этих качеств в изменённой форме передана и Роберту Семёновичу, который говорит Марии Николаевне: «Кроме того, наша задача — возвращать стране деятельных, перспективных людей» [4, с. 41]. Властность и желание достичь успеха, внимание к людям как частям общего государственного механизма и скрытый цинизм — оттенки, звучащие в антропониме «Роберт Семёнович».

Не менее значимо, что характер главы отделения оказывается достаточно цельным и непротиворечивым, что позволяет автору использовать его как основу для внутриконтекстной антономазии. Данный троп состоит в применении имени собственного для обозначения лица или (шире) образа жизни, имеющего качества первоначального носителя этого имени [1, с. 48]. Выражая своё несогласие с прагматическим взглядом на жизнь, Мария Николаевна говорит: «Хочется настоящего творчества. Если пойму, что ни на что особенное не способна, тогда можно жить по Роберту» [4, с. 45].

Особое место в повести занимает оним «кавторанг». Вынесенная в заглавие данная языковая единица приобретает статус лексической доминанты, являющейся центральным узлом ассоциативно-семантической сети, регулирующей связи и отношения лексических единиц в рамках художественно моделируемых ситуаций и концептов. Находясь в препозиции, лексема «кавторанг» определяет проспекцию последующего развёртывания лексической макроструктуры текста [2, с. 368].

Кавторанг — сокращение от «капитан второго ранга» [5, с. 147]. Слово носит жаргонный оттенок, однако это не мешает почти всем героям именовать Воронкова подобным образом. Вероятно, данный факт обусловлен тем, что почти каждый, принимающий активное участие в сюжетной линии повести, сталкивался с войной и определёнными её проявлениями. Это позволяет персонажам быть включёнными в контекст, на котором основан социолект. Для современного читателя слово находится в области информационного шума как в языковом аспекте (фонетически и графически), так и, следовательно, в плане содержания [10, с. 25]. Для Марии, Гецова, Николая Петровича номинация подобного рода является привычной в связи с тем, что герои имеют определённый опыт жизни во время войны.

Известно, что жаргон заключает в себе элементы тайноречия — позволяет посредством определённых языковых единиц исключить из коммуникативного акта посторонних лиц [7, с. 66]. Дешифровка криптолалии (тайноречие) — процесс, вследствие которого происходит укрепление социального контакта. Общение носит не только практический характер, но и приобретает игровую функцию, что активизирует диалог, способствует его более динамичному развёртыванию.

Роберт Семёнович, например, лишь однажды упоминает капитана, при этом используя специальный антропоним: «Мария Николаевна, до некоторых пор я верил в ваши методы. Но теперь, когда вы подвергли риску больного Воронкова…» [4, с. 42]. Способ номинации заведующего устраняет индивидуальность капитана, уравнивает его со всеми пациентами клиники. Характер кавторанга, его боевое прошлое не интересуют Роберта Семёновича, что

ещё раз подчёркивает непричастность чиновника (как его однажды называет Гецов) к тому виду «духовного» лечения, которое поддерживает молодая выпускница медицинского университета.

Отец Марии Николаевны в повести не назван, однако несколько раз подчёркивается его причастность к военному делу, а именно — службе на флоте. Данная особенность мотивирует читателя сопоставлять образы кавторанга и отца Марии, ведь во многом они оказываются схожи.

При использовании широкого контекста творчества В. Н. Боровицкой следует отметить, что автор часто отдаёт предпочтение воинским антропонимам перед привычными фамильно-именными онимами. В повести «Никитские ворота» возлюбленный главной героини назван Старшим Командиром. Важно, что номинации другого рода в отношении персонажа отсутствуют. Автор графически акцентирует внимание на антропониме, используя заглавные буквы в начале двух компонентов. Симпатии В. Н. Боровицкой, рассмотренные в лингвистическом аспекте, находятся не столько в области содержания, сколько в особом фонетическом составе звукокомплекса. Кавторанг, Старший Командир — данные антропонимы шире своего фактического конкретно-предметного значения (воинского звания). Семантический потенциал единиц ономастики выступает за границы закреплённого значения путём реализации образов в художественном мире произведения. Кавторанг — уже не просто звание, это жизненная установка, судьбоносная роль, выпавшая капитану, проведшему почти все свои годы в борьбе: сначала с врагом, а после — с болезнью. Поэтому особенно значимым является эпизод, когда Мария отвозит героя войны к морю: «Чуть откинув голову и подставив лицо солнцу, он закрыл глаза и впервые показался мне расслабленным и беззащитным» [4, с. 40].

В работе было отмечено своеобразие значений имён собственных, их функционально-эстетической специфики в рамках повести «Кавторанг». Проанализированы принципы номинации героев, находящиеся в тесной связи с образной структурой произведения. Антропоним «Гецов» передаёт почтительно-деловое отношение Марии к профессору. Ономастические особенности онима «Роберт Семёнович» сообщают о двойственности характера персонажа. В границах ассоциативного поля имени выявлены коннотации, обусловливающие некоторые качества заведующего, такие как властность и цинизм. В тексте произведения реализуется потенциал онима путём использования его в качестве основы внутриконтекстной антономазии.

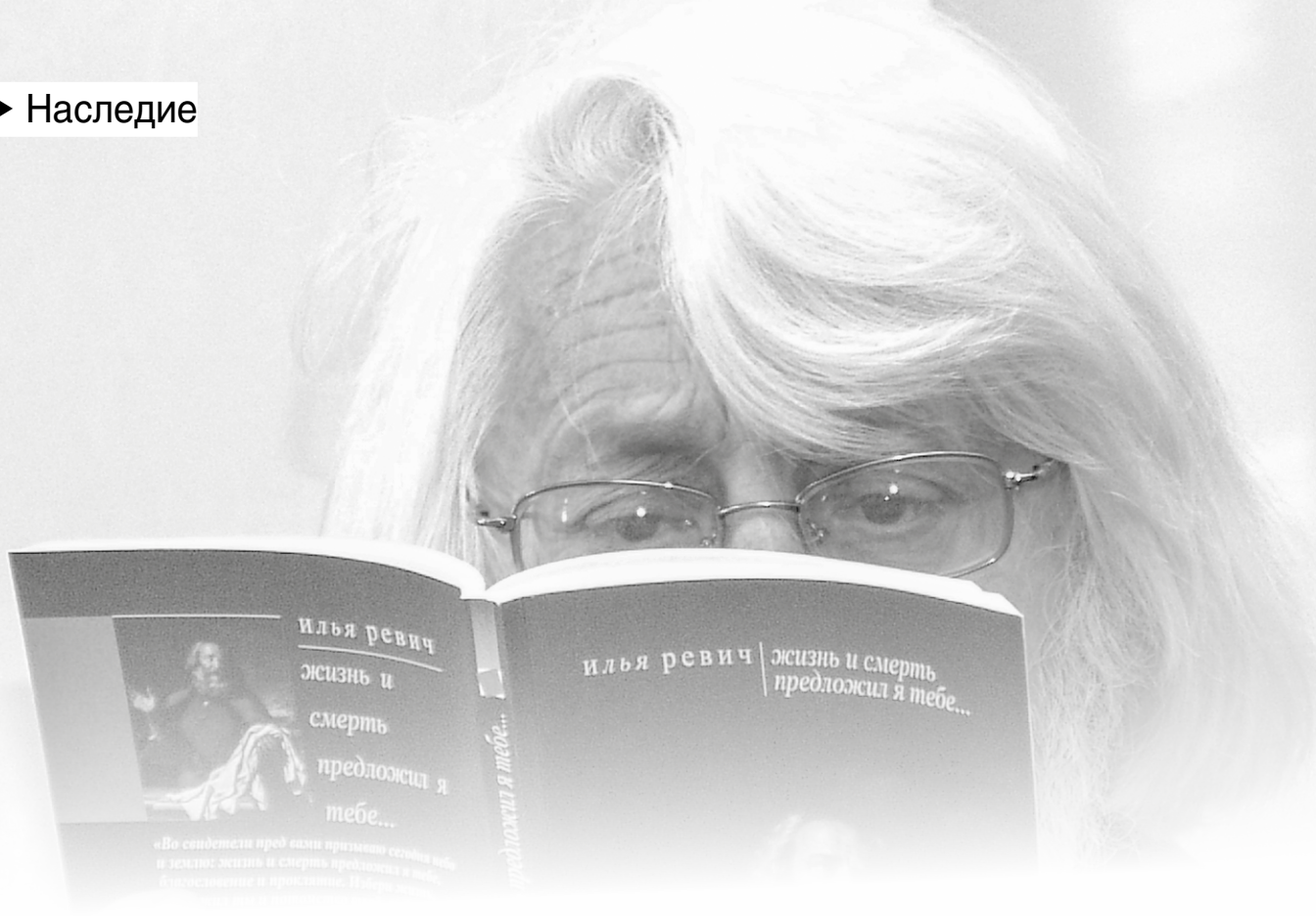
Анализ антропонима «кавторанг» позволил определить жаргонную составляющую лексемы, несущую необходимый эстетический заряд, являющийся компонентом речевой характеристики Гецова, Николая Петровича и Марии. Не менее важным оказывается значение языковой единицы в рамках макроструктуры текста, где лексема играет роль лексической доминанты. Следует отметить неравнодушное отношение В. Н. Боровицкой к воинским антропонимам.

Список использованных источников

1. *Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Совет. энцикл., 1966. — 608 с.*
2. *Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 520 с.*
3. *Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / В. Д. Бондалетов. — Москва : Просвещение, 1983. — 224 с.*
4. *Боровицкая, В. Н. Повести / В. Н. Боровицкая. — Москва : ГОУ ДПО «Волгогр. ин-т развития образования», 2007. — 312 с.*
5. *Капланов, Н. А. Словарь морского жаргона / Н. А. Капланов. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Горизонт, 2015. — 440 с.*
6. *Курячая, О. Г. Номинация персонажа как одно из средств репрезентации особенностей языковой личности автора / О. Г. Курячая // Культурная жизнь Юга России. — 2012. — № 3 (46). — С. 75–76.*
7. *Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминол. словарь / В. П. Москвин. — 3-е изд. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. — 208 с.*
8. *Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — 198 с.*
9. *Райзман, М. С. Рассказ И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» в школьном изучении / М. С. Райзман // Вестн. Сев.-Вост. гос. ун-та. — 2010. — № 13. — С. 12–14.*
10. *Шанский, Н. М. Филологический анализ художественного текста : кн. для учителя / Н. М. Шанский, Ш. А. Махмудов. — 2-е изд. — Москва : Русское слово — учебник, 2013. — 256 с.*

Материал поступил в редакцию 11.10.2021.

Сведения об авторе: Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

МЫСЛИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ — ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ РЕВИЧ

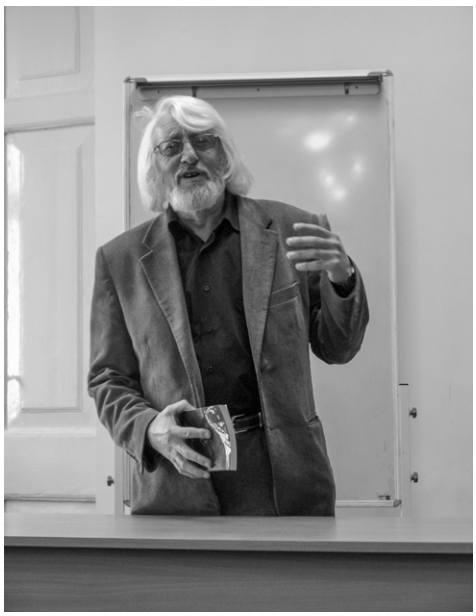
Материал приурочен к годовщине смерти Ильи Михайловича Ревича (1948–2020 гг.), учёного и философа. Приводятся основные вехи его биографии, а также воспоминания его друзей и коллег.

Ключевые слова: Илья Ревич, Дальний Восток, Биробиджан, Хабаровск.

Keywords: Ilia Revich, Far East, Birobidzhan, Khabarovsk.

26 декабря 2020 года ушёл из жизни замечательный человек, учёный, философ Илья Михайлович Ревич. Это случилось в Израиле, где он жил в последние годы. Похоронен в городе Ашкелоне. Надпись на памятнике гласит: «От родных и друзей. Илья Ревич. 03.04.1948–2020.26.12. Мыслитель и Учитель, Ты был гордостью и совестью семьи и друзей. Даже пребывая на Небесах, делай наш мир лучше. Память о тебе всегда будет греть наши сердца».

Приведём несколько данных из биографии И. М. Ревича. Он родился в городе Биробиджане. В 1977 году окончил Уральский государственный университет по специальности «философия, обществоведение». С 1977 года в течение пяти лет работал старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма в Хабаровском государственном институте культуры — читал курсы «Марксистско-ленинская эстетика» и «Диалектический материализм». Уже тогда начал заниматься философской антропологией и философией религии. В 1982 году он уволился из института в связи с избранием по конкурсу в Хабаровский институт железнодорожного транспорта [3, с. 368].

Илья Михайлович Ревич на презентации своей книги «Жизнь и смерть предложил я тебе…». Хабаровск, ДВГНБ, 9 октября 2007 года.

В 1986 году в Московском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социальная детерминация творческой активности личности», в 2002-м в Институте философии Российской академии наук — докторскую по теме «Экзистенциально-креативное содержание феномена человечности». Он автор книги «Жизнь и смерть предложил я тебе…», вышедшей в издательстве «Грифон» в 2006 году, и двух книг воспоминаний «Биробиджанские грёзы», выпущенных в 2009 и 2011 годах издательством «Частная коллекция». Работал до отъезда в Израиль профессором кафедры социально-гуманитарных наук в Хабаровской государственной академии экономики и права. В 2010–2012 годах параллельно работал в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) старшим научным сотрудником, относился к этой работе с уважением и пиететом. Выступал с докладами на научных конференциях, принимал участие в консультационном сопровождении и экспертной оценке «Концепции развития Дальневосточной государственной научной библиотеки до 2020 года».

И. М. Ревич с участниками поэтического вечера «Я, кажется, в грядущее вхожу», посвящённого О. Э. Мандельштаму. Хабаровск, ДВГНБ, январь 2011 года.

И. М. Ревич — автор статьи «Гуманистическая миссия библиотеки» [2], в которой есть замечательные слова о роли и месте библиотеки и чтения в жизни человека. Он называл библиотеку «умным местом», «храмом Логоса-Разума», «своеобразной моделью гражданского общества», «хронотопом (время и место) гражданского общения», «хронотопом дискуссий и диалога» [2, с. 13]. Чтение, по его мнению, «это обретение своего “я”, строительство своего внутреннего мира. Поэтому чтение — это труд и творчество», «одна из форм любви» [2, с. 15]. Он сам любил читать, читал много, прекрасно знал классическую литературу, поэзию, изобра-

И. М. Ревич с участниками презентации выставочного проекта «Великие учёные XX века». Хабаровск, ДВГНБ, февраль 2011 года.

зительное искусство. Ценил творчество поэтов Серебряного века, Иосифа Бродского, Поля Верлена (в переводе Б. Пастернака), из художников — Модильяни. В своих письмах часто использовал рифмованные строчки. Делал это всегда к месту, с юмором, часто с иронией, иногда с грустью и даже отчаянием. Но эти строчки предназначались только друзьям. Он был человеком тонкой душевной организации, остро чувствовал несправедливость, воспринимал беды других как свои собственные, был аскетичен в быту и всегда помнил о голодающих детях Африки. Любил путешествовать, уже после перенесённой тяжёлой операции побывал в Прибалтике и Санкт-Петербурге, приезжал в Хабаровск, как он говорил, «подышать его вольным воздухом».

Илья Михайлович беззаветно любил Библиотеку, именно так, с заглавной буквы, он употреблял это слово. Он любил книги, всю свою сознательную жизнь собирал личную библиотеку. Рассказывал, как покупал книги во времена книжного дефицита, во время путешествий и командировок. Не жалел на это финансовых средств. В итоге собрал замечательную личную библиотеку, в которой было много книг по философии, истории культуры и религии, эстетике, произведений художественной литературы. Уехав в Израиль, он часть книг раздарил друзьям и коллегам. Часть изданий передал Дальневосточной государственной научной библиотеке. Книги включены в фонд ДВГНБ, на них стоит пометка «Библиотека И. М. Ревича». Читатель, которому попадёт в руки книга из библиотеки И. М. Ревича, если ему не известно это имя, возможно, заглянет в Интернет и найдёт там информацию о том, что это был замечательный философ и писатель [1]. Добавим также, что он был ещё и просто замечательным человеком.

Воспоминания современников об Илье Михайловиче Ревиче

Пятак Владимир Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Чтобы не забыть

Философы делятся на два типа. Первый — просветители. Своих мыслей у них нет, они заняты распространением чужих. Это преподаватели в подавляющем большинстве. В философию они попадают по разным причинам: из любопытства, по случайным обстоятельствам и проч. Ничего плохого в этом нет. Они могут быть хорошими преподавателями, специалистами в какой-то области философии, они делают нужную работу, обучая и передавая элементы философской культуры студентам. Но по большому счёту философии тут нет. В случае с Ильёй Ревичем ситуация иная: он воспроизвёл классическую философскую матрицу, которая предполагает единство жизни и мысли.

Слева направо: И. М. Ревич, В. И. Пятак и А. П. Лепетухин.

Надо сказать, Илье повезло — он родился евреем. И вся его мировоззренческая, философская эволюция — это попытка уяснить смысл еврейской судьбы, иудейского этоса в европейской и мировой истории. Отсюда темы, которыми он терзался всю жизнь: *национализм и гуманизм, человек и человечность, космополис и Европа как модель будущего всего человечества…* За всем этим стоял личный опыт, его еврейская судьба стала для него источником и мотивом мысли, благодаря этой судьбе он стал философом. Он был глубоко убеждён, что на уровне человечности (разума, нравственного чувства, креативности и свободы) все люди совпадают в единстве. На этом уровне стираются все различия, обусловленные историей и географией.

Илья написал воспоминания о своей биробиджанской молодости, книжку стихов и философскую книгу о временном и вечном… Он исполнился в меру отпущенных ему сил. Но главный его урок в том, что он явил единство личности и мысли, верность своим убеждениям и стойкость в их отстаивании, достоинство свободной мысли и поступка.

***

Толстогузов Павел Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан).

Илья Ревич — небольшое слово о нём

Я познакомился с Ильёй где-то в начале нулевых. Он приезжал из Хабаровска в наш биробиджанский вуз по делам аспирантуры: вёл какие-то занятия для аспирантов,

участвовал в приёме кандидатского минимума по философии, руководил научными работами. Возможно, вёл ещё какие-то занятия, но я этого не знаю. Тогда были прежние учебные планы, которые предполагали преподавание именно философии, а не какой-то смежной философии науки. Сейчас, по-моему, избавляются даже от этого…

Первое впечатление от него было таким: странноватый дяденька. Да и дяденька ли? Несмотря на обильную седину, в нём было что-то детское. Изжелта-седые длинные волосы, очки, седая бородка. Небольшого роста. Разговаривая, заглядывал в глаза собеседнику снизу вверх, иногда брал за локоть. Глаза, по моим воспоминаниям, были зеленоватыми. Или светло-серыми. Забылось уже…

У него была очень интересная манера разговаривать. Он говорил, постоянно меняя высоту интонации, то очень интимно, с эмфазой придыхания («Ты понимаешь?»), то риторично-приподнято, иногда возвышая голос до педагогического крика. Всё это было похоже на интонации какого-нибудь эллинизированного александрийского еврея римской эпохи, которого я, конечно, видеть не мог, но которого представляю себе именно так. Как философ он и занимался иудео-эллинистическим (в том числе иудео-христианским) синтезом и много говорил об этом.

Я с трудом могу его представить охотящимся или рыбачащим на Тунгуске, которую он, говорят, любил. Он был для меня человек вузовских коридоров, кафедры, небольшой аудитории, в которой его интонация проникновенного вещания и его восклицания были так уместны.

Однажды после каких-то кафедральных посиделок мы пошли с ним прогуляться по окрестностям биробиджанской улицы Широкой (он у кого-то поблизости остановился). Он тогда много рассказывал о себе, о своей биробиджанской юности, много разного, подчас драматического. Он говорил как всегда: иногда останавливаясь, беря меня за локоть и заглядывая в глаза — «Ты понимаешь?». Возможно, это была наша последняя очная встреча.

Для него был характерен, как он сам выражался, «нарратив космополиса». Иными словами, он был человек мира дальневосточного происхождения. Когда он уехал в Израиль, он не уехал в точном смысле слова. Он постоянно возвращался. Такое, во всяком случае, у меня было впечатление. В конце десятых он время от времени появлялся на моей странице в «Фейсбуке», откликался на споры. Часто эти отклики принимали вид обличительных виршей, в которых он бывал в высшей степени оригинален — как витийствующий, умный юрод.

Вот пример. Однажды я написал что-то о куриной косточке, которая, полежав в земле, приобрела два цвета: цвет мощей и цвет фольклорной белизны. Он ответил несколько не в тему, но очень по-своему: «О, Павел, смотри, друг мой, в оба! Опасна эстетизация костей и гроба, коль мощи — превращённый дух, Всевышнему бодрящий глаз и слух, хотя бывает очевидно, что Богу люба плоть, когда её не видно, хотя красотке это и обидно».

Обращение к евреям: «Неуж витраж многострадальных синагог не пропускает свет, что завещал вам Б-г!» О названиях улиц: «Улицы должны быть названы именами птиц, добрых зверей, цветов, деревьев... И никаких революционных бандитов, социальных параноиков... Можно ещё в честь учёных и поэтов». О прошлом: «Хорошим в прошлом было то, что мы БЫЛИ, бытие лучше небытия».

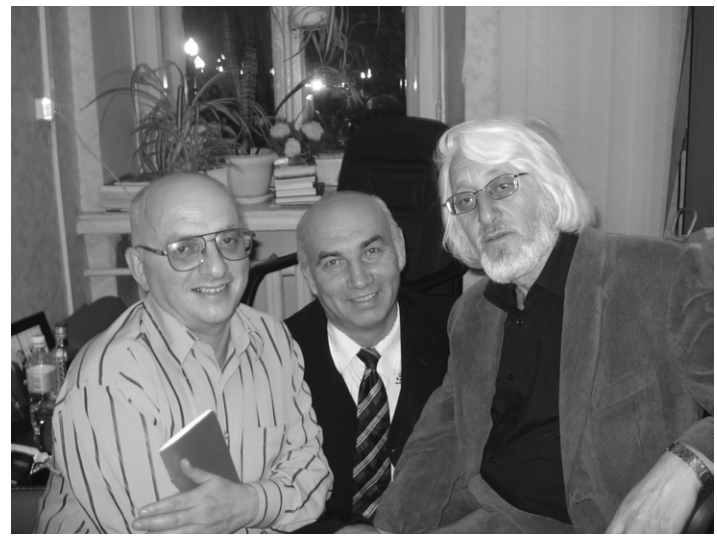
В моём прошлом был Илья. И это гораздо лучше, чем если бы его не было в этом прошлом…

***

Брейтман Александр Семёнович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Жизнь и смерть предложил я тебе…

Илья Ревич родился и окончил школу, как и положено мальчику «из хорошей еврейской семьи», в Биробиджане. И поскольку по причине подмоченной родословной в МГУ на «философский» принят не был, то диплом философа получил в Свердловском университете (известная тогда философская школа). Преподавал по возвращении эстетику в родном Биробиджане (всегда вспоминал об этом как о «золотом веке») и вскоре перебрался в Хабаровск. Приобрёл здесь новых друзей и учеников, потерял жену. Единственная дочь, повторно выйдя замуж, уехала с лю-

Слева направо: А. С. Брейтман, В. Я. Лебединский, И. М. Ревич. Хабаровск, ДВГНБ, 9 октября 2007 года.

бимым внуком в Израиль, затем, родив ещё двух сыновей, в Канаду. Остался один. Но у него была тогда любимая работа. Его любили студенты и друзья, и он отвечал им взаимностью. Так можно было жить.

Достигнув, по выражению «добрых» чиновников, возраста дожития, ни о какой пенсии не помышлял. Но те же «добрые» чиновники подсуетились и оптимизировали кадровый состав кафедры. В итоге (при выполнении ряда условий и предписаний) — полставки как «награда» любимому студентами преподавателю за долгий и безупречный труд.

Мы познакомились примерно лет за десять до начала чумной оптимизации высшей школы, когда ещё небо на горизонте казалось чистым, а предстоящее реформирование, о котором так долго говорила либеральная интеллигенция, разумным. Природное изящество, худощавость и небольшой рост в сочетании с длинными и абсолютно белыми (седыми) волосами, усами и бородкой делали его похожим на седого юношу. Более того, он был умён и ироничен без желчи. Он был обаятелен, и с ним хотелось водить дружбу. И мы с ним дружили. Как и подобает экзистенциальному философу, на левом берегу могучей реки, истоки которой — в бескрайних просторах Великой китайской равнины, а устье — при впадении в холодные моря Тихого океана, у него была дача, являющая, скорее, некий русский вариант тропического бунгало, чем постройку, способную выстоять там, где почти полгода лежит снег и дуют студёные ветры. Тем не менее она стояла, и как подлинный философ (подобно античному мудрецу Солону) мой друг выращивал там капусту. Но более всего мы приезжали туда затем, чтобы, как мечтал старый Леван из данелиевского «Не горюй», пить вино, петь песни, философствовать…

Как подлинный философ, он также любил сидеть за своим рабочим столом. В духе времени легко сменил девственно белый лист формата А4 на слегка мерцающий голубым экран чуть большего формата и продолжал писать так же легко и убедительно. Илья был прекрасным собеседником, будь то лекция в студенческой аудитории, научный спор или прения по поводу очередной диссертационной защиты: блестяще, как искусный фехтовальщик, владея оружием полемики, он при этом никогда не переходил на личности. Терял самообладание лишь тогда, когда отсутствие научной аргументации подменялось «происками» врагов или «восполнялось» клишированными идеологическими инвективами. Но более всего он любил Тунгуску — стремительный с чистой водой приток Амура, куда на день — на два уезжал при первой же возможности. Его душа, утомлённая лицемерием идеологических фарисеев, искала отдохновения и покоя.

Я знал о предпочтениях своего друга по его рассказам. Но вот лет пять или шесть назад он, будто что-то предчувствуя, настойчиво позвал меня с собой. Признаюсь, я, не рыбак и давно уже не юный натуралист, с некоторым опасением ожидал запланированного путешествия в двухместной резиновой лодке по весенней холодной Тунгуске. Одновременно росло и грызло желание каким-либо образом выйти за пределы очерченного благоразумия и вообще понять, смогу ли?.. Лишь перед самым спуском на воду выяснилось, что лодка обветшала и покрыта многочисленными заплатками. С растущей тревогой я наблюдал, как буквально на моих глазах на ней появилось несколько новых прорех. Но вот мы на воде во власти стремительного потока… Уже через несколько минут стало ясно, что лодка вполне устойчива, и сидим мы крепко и основательно, и все мои страхи и сложенные собственной опасливой рукой причиндалы (типа болотников) — лишь неразумные хлопоты и извечная суета сует. Лодка без помощи вёсел движется быстро и даже как-то весело. Свободно откинувшись на резиновый борт, спиной чувствуешь сильное, но совсем не опасное течение воды… Где-то в сокровенной глубине организма рождается ощущение свободы и счастья.

Через несколько месяцев Илья улетел в Израиль: его старый отец, давно уже там живущий, тяжело заболел. Похоронив отца, он и сам стал прибаливать — неожиданно заявили о себе старые недуги. Отпуск без содержания в своём вузе по телеграмме он получил легко — его полставки передали другому полставочному профессору. Так, заполучив в «союзники» болезнь, удалось преодолеть последствия чиновной оптимизации — один из профессоров кафедры вновь работал на полную ставку. Отболев положенное, Илья вернулся в Хабаровск, на сей раз только затем, чтобы через несколько месяцев навсегда покинуть родной город. Напоследок была ещё одна, прощальная, Тунгуска, и по полной программе: сначала мы долго шли по течению до Новокаменки, потом на безлюдном берегу устроили ночлег… и искры костра уносились в бездонную темноту неба.

По сути, он уже давно был один; пока были силы и была работа — он держался. Но работы уже не было, сил оставалось всё меньше, и надо было принимать решение. И он, имея неоспоримые права на репатриацию, его принял: уехать туда, где о нём позаботятся, не унизив жалкой пенсионной подачкой на весь оставшийся срок «дожития». На пособие, которое в результате назначили нашему другу, он снимал квартиру в 56 километрах от Тель-Авива, в Ашкелоне. Он жил отшельником на берегу Средиземного моря и ещё немножечко откладывал на путешествия. Потом вдруг перестал отвечать на наши звонки и письма. Мы с моей женой Настей предполагали худшее… Он позвонил, затем появился в скайпе примерно через год. Плохо говорил и плохо выглядел. Год назад обострились его старые болезни, он был госпитализирован, почти полгода провёл в больничной палате и вышел «на свободу» уже без ноги.

Ещё примерно полгода он, как стало нам понятно позже, боролся с депрессией и решал вопрос «Как жить дальше?». Философ, учивший других подлинности и неподлинности существования, сам теперь делал свой выбор между немощами плоти и крепостью духа. Спустя год после ампутации он прилетел в Хабаровск — один, без сопровождения, с Ближнего Востока на Дальний... Конечно, здесь у него оставались незавершённые дела, друзья, что-то ещё, но, подозреваю, главным магнитом была Тунгуска — а вдруг удастся?.. Тунгуска, пусть и с тростью вместо костыля, не удалась. Прожив три дня у нас (мы с женой, восхищённые мужеством нашего друга, были рады подставить плечо...), Илья перебрался в свою холостяцкую квартиру. Не то чтобы он отвергал плечо, но он хотел сам... Ещё через год он туристом-одиночкой, объехав три прибалтийские столицы, присоединился к нам в Питере. Были встречи и дружеские разговоры, как водится, под водку и о главном. Эта встреча оказалась последней…

Мы провожали нашего друга — его, уставшего, в инвалидном кресле вёз на посадку служащий аэропорта. Шли рядом, договаривались о встрече через год в Эрец-Израэ'ль. Пандемия коронавируса изменила наши планы — пришлось сдать уже купленные билеты.

Илья умер 26 декабря 2020 года. На его надгробной плите выбита надпись: «Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор. 30:19:20). Эти слова вынесены на обложку его философской монографии. Эти слова я выношу в заголовок этого материала, написанного в память о друге: жизнь и смерть предложил я тебе...

***

Брейтман Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

В моём воображении Илья Ревич всегда был членом какого-то романтического братства, например Иенского кружка, или участником религиозно-философских собраний Серебряного века. Серебряные волосы, голубые глаза. В манере говорить — что-то музыкальное, вдохновенное, спонтанное. Мысль звучала чистой мелодией. То же в его лирических стихотворениях: ритмы и рифма изысканны, в них слышатся отзвуки европейской и русской классической поэзии.

Мне довелось знать Илью в последние годы. Было ясно, что самые серьёзные испытания жизнь приготовила напоследок: инвалидность, одиночество, оторванность от друзей, привычного общения, любимой дальневосточной природы… Требовалось перевести постулаты экзистенциализма в практику жизни. И Илья достойно прошёл всё то, что уготовила ему жизнь, как философ и сильный духом человек. Превозмогая физическую слабость, он совершал поступки. Путешествовал (уже без ноги), строил планы, влюблялся, участвовал в полемике на интернет-форумах, публиковался в русскоязычных журналах, писал, ездил на скутере, вёл долгие телефонные разговоры с друзьями. Восхищался и благодарил жизнь.

Но у Серебряного ангела был свой Чёрный человек. Его ядовитый голос зазвучал в сатирических стихах и неопубликованных «Грёзах 3» (2019 г.)[1]. Прочитав несколько страниц памфлета, мы с мужем не смогли читать дальше, так дисгармонично было его воздействие. Мы поняли, что в этот текст вылилось переживание «тёмной ночи души», боль отчаянной попытки объять мыслью хаос мира, разгадать судьбы России и мирового еврейства и, конечно же, понять смысл собственной жизни. Разъедающая ирония, каламбуры, хлёсткие эротизмы, сарказм, тонкое чувство языка, — в этом памфлете отразились законы жанра (Вольтер, Свифт, Салтыков-Щедрин), но в то же время это и исповедь (возникали ассоциации с поэмой Венички Ерофеева «Москва — Петушки»), ёрническая, самобичующая.

Герой по имени Ник, генерал, сотрудник местной службы безопасности, вынужден решать непростую задачу: что делать с апельсинами, прибывшими Боингом-747 из Израиля — логова враждебного нам сионизма — в «Биробиджанск» в качестве подарка детям. Вихревой поток сознания Ника — пример знакомой всем «каши в голове», где смешалось всё, что ни есть на земле.

Ник выуживал из потока оперативной информации абсолютно проверенные данные, чем заняты академии наук всех наций, народов, племен и родоплеменных кланов от Гавра до Находки и от Кушки до полярной макушки, в ту и другую сторону. Тяга к величию и превосходству отчётливо и без всякого тумана просматривается у нынешней местной власти. Если армия, то самая-самая. Если богатство, то несчётное. Если любавить, в смысле — харассить, то чемпионку. Если компаньон по рыбалке и охоте, то настоящий фельдмаршал или король бензоколонки. Если авто, то дорогое запредельно. Если пассажирский боинг 747, то имени Пушлерманта или Тютчева. Если каденция, то для книги рекордов Гиннеса… Если выборы, то экстренная зачистка максимум за экстремизм. Если смерть, то с прихватом всей планеты… Мол, знай наших! Если ПМЖ, то Рай, причём особый (особисты, как никак) его берег. Если

1 Текст «Грёзы 3» был получен нами от Ильи Ревича по электронной почте. Планировалась публикация в альманахе русскоязычных писателей г. Ашкелона (Израиль). Она не состоялась из-за смерти автора.

собеседник, то Махатма… Если оппонент, то схваченный, типа, за яйца… Если яйца свои, то не простые, а золотые, типа, Фаберже… Если друзья детства, то из списка, типа, Форбс… Если, типа, пресс-секретарь, то все, типа, истины в кармане… Если, типа, бог, то свой, в доску, но в другом кармане, не дырявом…

По сути, не Ник главный герой этой истории, а содержимое его сознания — текущий через него поток политических штампов, идеологических обрывков, перевёртышей, личных травм, общих мест, расхожих лозунгов, где одно перетекает в другое, вмиг меняет полярность, выстраивается в любые мозаичные комбинации, пульсирует в коллективном бессознательном и послушно выплёскивается наружу по щелчку политических триггеров.

Искажения сознания отражаются в искажениях языка. Язык современности, заворожённо обращённой в прошлое, — не дар Софии Премудрости, а, скорее, блудница Вавилонская. Ревич, надев шутовской колпак, мастерски воспроизводит звучное мракобесие, испытывая наслаждения игры, смешанное с горьким сарказмом. Ник крепко запомнил заветы вождя в годы курсантства:

Пётр Первый боролся с варварством варварскими методами. Таковы истории законы. Пётр оставил Петербургск, я оставлю — Шушенградск, я перееду в Московск, чтобы все литераторы знали, что законы революции этого требуют. Наш крейсер Аврора — это памятник, а не какой-нибудь прикол, хотя он и стоит на приколе. Кто против того прикола, тех расстрелять как защитника поповщины и покровителя мракобесия. И военной рукой навести порядок в Польше, которая уже созрела. Настанет великий день, и мы пошлём в Варшаву революционную конину, извиняюсь, конницу. Мы хотим, чтоб для народа было больше кислорода, нам нужен польский строй с большевистской головой, чтоб гордились все умы, всех врагов похерим мы. Бугя! Пусть сильнее ггянет бугя! Magx hat immeg Gecht! Бугя! Пусть сильнее ггянет бугя! Die Pagtei hat immeg Gecht! Товагисч — великое слово для пролетарцев и пролетарок. Чем больше жизнь давит и коверкает людей труда, тем крепче и живее становится в них чувство дружества и спайки. В тюрьму всех тех, кто ставит лайки, скажу, как большевик вам, без утайки, когда на Финском выступлю я с тарантайки…

В рефлексирующем (что уже необычно для служебно-иерархического устройства мозга) сознании Ника так и не был найден ответ по поводу враждебных апельсинов. Эту проблему, в силу той же иерархичности, решает тот, кто с вершины вертикали устало и небрежно обронил: «А апельсины отправьте детям».

В шутовском (эзоповом) трёпе заключено множество печальных прозрений, адресованных нам всем. Илье достало мужества посмотреть бездне в глаза. Он не отводит взгляда и не прячется в тот или иной архаичный или постkоммунистический миф, а безжалостно высмеивает даже то, что когда-то было дорого ему самому, то, что было его профессиональным хлебом, во что он верил. Очевидно, «Грёзы 3» — это уже и не собственно грёзы… а, по выражению М. Мамардашвили (см. «Лекции о Прусте»), жизненный акт, суровый и честный. Для меня важно, что и этот ёрнический, исполненный яда текст не потерял своей музыкальности. Он весь прошит рифмами, звучит бойкой частушкой, песней, маршем... как «Двенадцать» Блока.

Эта музыкальность и есть для меня персональный код Ильи Ревича.

P. S. Работая над памфлетом, Илья вышел из тяжёлой депрессии с надеждами и планами на будущее. Ещё почти два года он жил активно и плодотворно.

***

Завалишин Андрей Юрьевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (г. Хабаровск).

Не помню точно, когда Илья Михайлович появился на кафедре социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права, году в 2007-м или 2008-м... Пригласил его для работы тогдашний заведующий — Вацлав Эдуардович Войшнис (тогда говорили «переманил», потому что каждый доктор наук в Хабаровске был на счету, и иметь его в составе преподавателей было важно для любого вуза). В те годы на кафедре работал достаточно многочисленный коллектив, и появление ещё одного преподавателя, хотя бы и доктора философских наук, воспринималось как что-то рядовое, обыденное. И только по прошествии времени, когда уже и я сам стал заведующим кафедрой, мне открылся масштаб этого человека.

Но осознавали это далеко не все, возможно, по причине своего рода когнитивного диссонанса — когда за внешностью тихого, вежливого, почти кроткого человека с «ангельской» внешностью скрывалась личина бунтаря, с болезненной остротой воспринимавшего все несправедливости нашего мира и не боявшегося об этом говорить.

Думаю, что Илья Михайлович прежде всего был мыслителем, учёным, а его педагогическая деятельность стала своего рода дополнением, возможно, вынужденным, потому что на одном философствовании, каким бы глубокомудрым оно ни было, прожить, к сожалению, невозможно. И вот как раз с этим были связаны конфликты, время от времени возникавшие у него с руководством вуза. Его не раз упрекали в том, что он излагает материал слишком сложно для студентов, они его не понимают, а потому не слушают. Соответственно, в аудитории царит шум-гам,

нет никакой дисциплины, и от этого страдает авторитет не только самого Ильи Михайловича, но и всего вуза. Опять же, и успеваемость понижается.

Вот по этой причине, а ещё и по долгу службы как заведующему кафедрой несколько раз мне пришлось (может быть, лучше сказать, посчастливилось) побывать на его лекциях. Ну, действительно, что греха таить, дисциплина на его парах была не ахти. Представьте большую аудиторию, амфитеатром уходящую на два этажа вверх, заполненную более чем сотней потоковых студентов, и где-то внизу за кафедрой невысокий, седой как лунь человечек, ко всему прочему не обладающий голосом «горлана-главаря».

Илья Михайлович никогда не повышал голос ни на кого (может, и было, но при мне — никогда), то ли потому, что не мог чисто физически, то ли по сугубо философской причине — истинность мысли определяется её содержанием, а не силой звука, с которой она произнесена. Так или иначе, лекции он читал тихим голосом, и, конечно, услышать его в задних рядах можно было, только если бы в аудитории стояла полная тишина. При отсутствии микрофона и динамиков добиться этого было практически невозможно, а потому невозможно было и привлечь внимание любителей обитать «на камчатке».

Но если бы только тихий голос. Сама манера изложения материала лекции была далека от дидактической и, скорее, напоминала вдумчивую беседу двух умудрённых знаниями и жизненной мудростью людей, обоими из которых был Илья Михайлович. Он задавал себе вопросы, отвечал на них и предлагал слушателям включиться в такую философскую беседу. Боюсь, что по силам это было далеко не каждому и в любом случае требовало от студентов напряжённого интеллектуального труда, на который способны лишь немногие. Но эта беседа завораживала. Любая философская проблема как бы вскрывалась изнутри, препарировалась, отчего становилась видна её внутренняя противоречивость. Преподаватель не столько излагал учебный материал, предусмотренный методическим пособием дисциплины, сколько делился своими сокровенными мыслями, впрочем, в рамках заданной темы.

Нечто подобное происходило и в стенах кафедры, когда во время протокольных заседаний или неформальных встреч нередко сами собой возникали дискуссии по самым разным животрепещущим вопросам (преимущественно современности, хотя с таким же азартом обсуждались и сюжеты из близкого и отдалённого прошлого, а то и чисто академические проблемы). Во всех этих случаях Илье Михайловичу было что сказать, и его высказывания всегда отличались глубиной и не оставались без внимания коллег.

Была и ещё одна характеризующая его черта — это какая-то неизбывная печаль и глубокая самоирония, возможно, ставшая своеобразной формой психологической защиты от нередко встречающейся благоглупости и простоты, зачастую переходящей в откровенное хамство. Действительно, человеку, не обременённому интеллектом и не имеющему представления об интеллигентности, вряд ли возможно понять мыслителя, а тем более разглядеть его в скромном, тихом, а потому кажущемся беззащитным человеке. Свою роль в этом, безусловно, сыграла и принадлежность Ильи Михайловича к «сынам Израилевым» — веками взлелеянное и сохраняющееся в некоторой части российского общества антисемитское жлобство, которое время от времени ощущает на себе каждый представитель «неправильной» национальности.

Проработал на кафедре Илья Михайлович около 10 лет. Начинал в период её расцвета, а уходил, когда стали множиться как снежный ком проблемы не только академического толка. Стремительно сокращалось число обучаемых студентов, год от года уменьшалась учебная нагрузка, и, как следствие, начались увольнения преподавателей. В какой-то момент на кафедре на двух профессоров осталась одна полная ставка, и её решили разделить пополам между ним и ещё одним доктором наук, чтобы сохранить обоих. Неправильная, несправедливая, но вынужденная мера. В то время у Ильи Михайловича возникли серьёзные проблемы с близкими людьми. Он попросил так сверстать учебную нагрузку, чтобы освободить от занятий осенний семестр, и у него была возможность побыть с ними и чем-то помочь. Осенью 2016 или 2017 года он уехал в Израиль и уже не вернулся назад в Россию.

После этого в течение примерно двух лет о нём не было никаких известий, и только лишь в конце 2018 года я узнал, что он перенёс сложную операцию, но успешно восстановился, живёт в Израиле, трудится, пишет философские труды, живо и неизменно критически воспринимает и оценивает события, происходящие в тех местах, с которыми связывают

И. М. Ревич и А. Ю. Завалишин. Иерусалим, 4 февраля 2019 года.

его рождение и долгая творческая жизнь, — Биробиджан, Хабаровск, Дальний Восток, Россия.

Моя последняя встреча с Ильёй Михайловичем произошла в феврале 2019 года, когда я на несколько дней приехал в Иерусалим. Созвонились, встретились, повспоминали былое. Мне показалось, что он совсем не изменился за прошедшие годы. Такой же глубокий ум, острый критический взгляд, лукавое, немного печальное остроумие. Договорились поддерживать контакты, со-участвовать в творчестве. И вот его не стало. Один из моих коллег, узнав об этом, сказал так: «Жалко, что ушёл из жизни хороший человек и друг…»

Могу только присоединиться к этим словам. Светлому человеку светлая память.

Список использованных источников

1. *Докучаев, И. И. От редакции. Илья Михайлович Ревич. Некролог / И. И. Докучаев. — Текст : электронный // Журн. интегратив. исслед. культуры. — 2021. — Т. 3, № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-redaktsii-ilya-mihaylovich-revich-nekrolog/viewer (дата обращения: 10.10.2021).*
2. *Ревич, И. М. Гуманистическая миссия библиотеки / И. М. Ревич // Вестн. Дальневост. гос. науч. б-ки. — 2012. — № 1 (54). — С. 13–17.*
3. *Хабаровский государственный институт искусств и культуры в событиях и лицах (1968–2013) : справочник. — Хабаровск, 2013. — 503 с.*

Подготовила И. В. Филаткина.
Фотографии предоставлены авторами воспоминаний и И. В. Филаткиной.
Материал поступил в редакцию 11.10.2021.

Информация для авторов

1. Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикации в научно-практическом рецензируемом периодическом издании «Культура и наука Дальнего Востока» (далее — журнал) отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и проч.

Авторские оригиналы рукописей (материалов), представленных для публикации в журнале, оформляются в соответствии с настоящими правилами. Статьи (материалы), оформленные без учёта данных правил, к публикации не принимаются. Взносы за публикации с авторов не взимаются. Авторское вознаграждение не выплачивается.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

С авторами заключается лицензионный договор на передачу издателю журнала — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека» — следующих прав:

• на обработку формы представления рукописи (материалов) для использования компьютерными программами и системами (базами данных);

• на воспроизведение рукописи (материалов), её публикацию и распространение в Интернете;

• на внедрение в системы поиска (базы данных).

Также авторы предоставляют надлежащим образом оформленную рецензию-рекомендацию.

2. Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии).

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание. К статье должен прилагаться перечень ключевых слов на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;

– занимаемая в настоящее время должность и место работы;

– учёная степень;

– учёное звание;

– контактный телефон (рабочий, мобильный);

– e-mail.

3. Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

4. Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

• список помещается в конце статьи;

• в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;

• в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;

• далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);

• если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке так же в алфавитном порядке;

• в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];

• нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Культура и наука Дальнего Востока
Научно-практический журнал
№ 2 (31) / 2021

Учредители:
Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Хабаровский государственный институт культуры»

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Выпускающий редактор О. Н. Волкотрубова
Вёрстка Е. Е. Кравцова
Корректор Г. И. Казачук
Перевод на англ. яз. Н. С. Амплеева

Подготовлено к печати Дальневосточной государственной научной библиотекой.
Адрес редакции: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72.
Тел. (4212) 32-72-20.
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

Предпечатная подготовка и печать осуществлены в типографии ООО «Омега-Пресс».
Адрес типографии: 680014, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Подписано в печать 23.11.2021. Выход в свет 09.12.2021. Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Заказ № 1520.
Тираж 500 экз.

Цена свободная.